

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Мануэльян Анна Григорьевна

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА:
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ**

10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор В.И. Тхорик

Краснодар 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА 1 ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	11
1.1. Языковая личность как результат взаимодействия социокультурных факторов.....	11
1.2. Знаковая языковая личность.....	20
1.3. Особенности индивидуальной картины мира языковой личности Редьярда Киплинга.....	28
Выводы по главе 1	38
ГЛАВА 2 ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА	40
2.1. Ключевые слова и концепты как важнейшее средство формирования образов и целостного текста в творчестве Р. Киплинга	40
2.2. Семантико-синтаксические и лингвостилистические экспрессивные средства и приемы в работах Р. Киплинга	54
Выводы по главе 2	75
ГЛАВА 3 СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА: ЖАНРОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ	79
3.1. Жанровые предпочтения в творчестве Р. Киплинга	79
3.2. Политическая мифология как лингвокультурная идентичность Редьярда Киплинга	113
Выводы по главе 3	120
Заключение.....	122
Список использованной литературы	126
Список источников материала	145

Введение

Настоящее диссертационное исследование, выполненное в рамках теории языка, лингвокультурологии, лингвопрагматики, социолингвистики и лингвоперсонологии, посвящено изучению лингвокогнитивных и социокультурных особенностей языковой личности Редьярда Кипплинга на основе анализа его произведений.

Актуальность исследования во многом обусловлена важностью изучения языковой личности на данном этапе развития лингвистики и, как следствие, повышением внимания к её свойствам и характеристикам. Проблемами языковой личности в разные времена занимались такие ученые, как Ю.Д. Апресян, Г.И. Богин, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян, В.И. Шаховский и др.

Языковая личность – это «стержневое системообразующее филологическое понятие, которое на современном этапе оценивается как интегративное, послужившее началом формирования нового этапа в развитии языкознания – антропологической лингвистики. Языковая личность – это та сквозная идея, которая пронизывает все аспекты изучения языка» (Халяпина 2005:439).

Проблема определения сущности «языковой личности» обостряется при выборе художественного текста в качестве объекта лингвистического исследования. Круг вопросов, возникающий при подобной постановке проблемы, во многом обуславливается определением сущности понятия «языковая личность автора».

В этой связи многогранность художественного дарования журналиста, прозаика и поэта Редьярда Кипплинга, его огромное творческое наследие представляют неограниченные возможности для исследования «вечных», по мнению Р.А. Будагова, проблем языковой личности (Будагов 1976:9).

Степень разработанности проблемы. Наиболее значимыми исследованиями последних лет представляются работы, посвящённые

типологии поэзии и прозы Редьярда Киплинга (Сурганова 2010), поэтике «малой» прозы Р. Киплинга 1880-х гг. (Зотова 2012), анализу художественного мира «Книги джунглей» и «Сказок просто так» Р. Киплинга (Хлебникова 1985), историко-журналистским и жанрово-тематическим аспектам творчества Р. Киплинга-публициста (Мардынский 2012); исследования в смежных научных областях (литературоведении и истории), посвящённые анализу «двоемирия и мифологии» в «Книге джунглей» Р. Киплинга (Слободнюк 2013), изучению стереотипов конфликта и диалога культур (Голосеева 2001).

В основу данного исследования положена следующая **рабочая гипотеза**: анализ и осмысление элементов лексической, грамматической, прагматической подсистем как маркеров языковой личности Редьярда Киплинга позволяют определить её как знаковую языковую личность, оказывающую особо значимое нормализующее воздействие на развитие языка и культуры в своей стране и в мировой культуре в целом.

Объектом исследования является *уникальная по своей сути и роли языковая личность Редьярда Киплинга* как носителя языка и культуры, отраженная в его многообразном творчестве.

Предмет исследования – совокупность способов и особенностей использования языкового материала при создании текстов произведений Редьярда Киплинга; жанрово-стилистические, лингвокультурные и лингвопрагматические особенности различных по характеру, формату и историческому значению произведений Редьярда Киплинга, формирующие целостность его языковой личности.

Целью настоящей работы является изучение знаковой языковой личности Редьярда Киплинга, выявление и описание лингвопрагматических и социокультурных характеристик языковой личности писателя, анализ используемых автором в их создании языковых средств и приёмов.

Достижение указанной цели определило необходимость решения ряда следующих **исследовательских задач**:- рассмотреть языковую личность как

результат взаимодействия социокультурных и собственно языковых факторов;

- выявить и описать эталонные (нестандартные, элитарные) черты носителя языка, определённого нами в качестве знаковой языковой личности;

- дать определение и описать вводимую нами категорию знаковой языковой личности;

- изучить особенности индивидуальной картины мира языковой личности Р. Киплинга;

- рассмотреть ключевые слова и базовые концепты в творчестве Р. Киплинга как важнейшую составляющую в системе формирования образов и целостных текстов его произведений;

- исследовать эмоциональный эффект как результат взаимодействия использованных семантико-синтаксических и лингвостилистических экспрессивных средств и приемов в произведениях Р. Киплинга, особое внимание уделяя рассмотрению специальных средств выражения эмотивности на лексическом и синтаксическом уровнях;

- описать основной набор жанровых предпочтений в творчестве Р. Киплинга, а также определить место политической мифологии в формировании лингвокультурного портрета Р. Киплинга.

Материалом исследования стали различные по историческому периоду, характеру, формату, стилистике и жанрам произведения Р. Киплинга, во многом обусловленные соответствующим этапом его жизни, рассмотренные как в оригинальных текстах, так и в известных переводах.

Материалом исследования стали различные по историческому периоду, характеру, формату, стилистике и жанрам произведения Р. Киплинга, во многом обусловленные соответствующим этапом его жизни, рассмотренные как в оригинальных текстах, так и в известных переводах.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов в области *теории языка* (А.Г. Баранов, Л. Блумфилд, В.В. Виноградов, В. фон Гумбольдт, В.Г. Костомаров, Н.В. Крючкова, Е.С. Кубрякова, Ю.М. Лотман,

Т.А. Островская, Ю.С. Степанов и др.); *теории языковой личности* (Г.И. Богин, В.В. Виноградов, С.Г. Воркачев, В. фон Гумбольдт, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Н.С. Котова, И.П. Сусов, В.И. Тхорик и др.); *персонологической теории* (Н.А. Бердяев, У. Джеймс, С. Мадди, Г. Мюррей, В.П. Нерознак, В.Я. Семке, О.Б. Сиротинина, Л.И. Шестов, В. Штерн и др.); *лингвокультурологии* (В.А. Маслова, В.И. Жельвис, З.Д. Попов, И.А. Стернин, В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян и др.); *лингвоконцептологии* (Е.Г. Беляевская, А. Вежбицкая, К.А. Зацепин, Е.Р. Левенкова, В.А. Маслова, И.И. Саморуков, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, М.А. Филиппова и др.); *семантики и лингвосемиотики* (Н.Д. Арутюнова, Р. Барт, М.Ю. Лотман, Г.Г. Почепцов, Т.А. Островская, Ю.С. Степанов и др.); *теории жанров* (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, В.Е. Гольдин, К.А. Долинин, О.Н. Дубровская, М.В. Зарва, М.Н. Кожина, Л.П. Крысин, Г.Г. Матвеева, Т.И. Попова, О.Б. Сиротинина, и др.); работы в области анализа важнейших слагаемых структуры *языковой личности* (А.Д. Беляева, Ж.В. Зигманн, О.С. Иссерс, В.П. Конецкая, Т.В. Кочеткова, А.А. Леонтьев, О.Н. Паршина, Г.Г. Почепцов, С.Г. Тер-Минасова, Ю.В. Щербатых, J. Klein, J. Kopperschmidt и др.).

Методологическая база исследования языковой личности как результата взаимодействия социокультурных и языковых факторов предполагает *системный подход*, направленный на обобщение основных связей в структуре знаковой языковой личности Редьярда Киплинга, выраженных в его многообразном и разноплановом творчестве и культуре как таковой в широком смысле. Эта методология реализуется как лингвистическая интерпретация социокультурных феноменов окружающей жизни, своеобразно отраженных в рассматриваемых в исследовании текстах произведений автора на разных этапах его творчества.

Методы и методики исследования определяются спецификой нашего материала и поставленными задачами. В диссертационной работе мы используем следующие методы: сравнительно-сопоставительный, описательный метод, методы классификации и систематики, а также

интерпретации текста; приёмы контекстуального, лексикографического и дефиниционно-компонентного анализа.

Научная новизна диссертации определяется рассмотрением знаковой языковой личности Редьярда Киплинга как сложного целостного единства, результата взаимодействия различных социокультурных факторов языковой личности, которая своим творчеством способствует поступательному развитию этих взаимодействий на определённом историческом этапе в отдельно взятой стране и мировой лингвокультуре в целом.

Языковая личность Редьярда Киплинга рассматривается через призму особенностей его индивидуальной картины мира, являющейся по сути основой его лингвокультурной идентичности.

Теоретическая значимость работы заключается в дальнейшей разработке ряда положений, которые связаны с изучением и систематизацией важнейших характеристик языковой личности и являются актуальными для современной теории языка; что подтверждается анализом на примере произведений Р. Киплинга набора авторских концептов и ключевых слов как важнейшего средства формирования их образов и целостных текстов как таковых, а также роли политической мифологии в творчестве писателя; рассмотрением особенностей семантико-синтаксических и лингвостилистических экспрессивных средств и приемов в художественных произведениях классика английской литературы. В работе впервые предложена и описана категория знаковой языковой личности (см. статью Тхорик, В.И., Мануэльян, А.Г. Знаковая языковая личность // Известия Волгоградского государственного педагогического университета: научный журнал. Волгоград: Издательство ВГСПУ «Перемена». – 2017. – №5 (118). – С. 86–91).

Материалы исследования могут быть **практически значимыми** при подготовке курсов по теории языка, теории коммуникации, лингвокультурологии, лингвоперсонологии, стилистике английского языка, риторике, дискурсивному анализу и интерпретации текста. Его результаты также могут быть использованы в спецкурсах по языковой личности и

межкультурной коммуникации, политологии, прагма- и когнитивной лингвистике; а также при создании учебных пособий по теории и практике английского языка, при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Предлагаемое нами понятие знаковой языковой личности, не подменяя понятие элитарности, в известной мере, конкретизирует его, оттеняет особую роль выдающихся (знаковых) мастеров слова в развитии языка в своих странах и мировой культуре. Знаковая языковая личность Редьярда Киплинга, «классика», «мэтра речи», «арбитра и нормализатора языка», уникальна по содержанию и относит его языковую личность к тем выдающимся (знаковым) мастерам слова, которые своим творчеством способствуют идентификации, сохранению и продвижению нравственных ценностей, специфичных не только для английской, но и по сути для каждой нации; этим он вносит существенный вклад в национальную и мировую лингвокультуру в целом. В лингвокультурном пространстве языковой личности Редьярда Киплинга наблюдается гармоничное сочетание нескольких культурных традиций, среди которых доминирующими являются культуры английская и индийская.

2. Базовой основой картины мира Редьярда Киплинга является определенная концептуальная система из представлений, концептов, образов, известных схем действия и т. п., в которой мало оттенков и полутонов. Она достаточно универсальна, так как оперирует в основном лишь базовыми общепризнанными категориями и понятными для всех символами (*жизнь – смерть, победа – поражение, сила – слабость, день – ночь, свет – тьма, рай – ад, порядок – хаос, Бог – дьявол, действие – пассивность, знание – неведение, корпорация – одиночество, цивилизация – природа*). Специфичность концептуальной системы Киплинга представлена, на наш взгляд, именно в контрастной эволюции – от блока политических концептов («империя», «власть», «государство», «флаг», «закон» и т.п.) до концепта «природа», актуализируемого в различных тематических группах («времена

года», «время суток», «атмосферные явления», «погода», «растительный / животный мир», «пейзаж», «пространство», «настроение»). Языковая картина мира Киплинга в конечном счете в значительной степени детерминирует взаимоотношения человека и окружающего мира (его отношение к природе, животным, самому себе как элементу мира).

3. Максимальный эмоциональный эффект в произведениях Р. Киплинга достигается посредством использования следующих средств: *фонетических* (ритм, рифма, ассонанс, аллитерация для передачи звуков животных, синонимические рифмованные повторы – “*musky, tusky mouth*”), *лексических* (употребление сформированных неологизмов типа “*a man of infinite-resource-and-sagacity*”, лексических повторов, индийских реалий, усилительных наречий *hideously dull*), *грамматических* (сослагательное наклонение), включающих синтаксические конструкции, обращения, порядок слов (инверсия) и другие средства выражения чувств и эмоций, особой интонации, явленной *полифонией* (чередование «Я» Киплинга в голосах автора, рассказчика, участника событий).

4. Выбор жанра конкретного произведения Р. Киплинга в большой степени был детерминирован определенным этапом его собственной биографии и соответствующим эмоциональным фоном того или иного жизненного периода. Личность человека-путешественника в текстах писателя актуализируется в *дорожных заметках* (приемы, используемые Киплингом при описании, создают эффект присутствия); сверх того, категория *гражданин* позиционируется в основе своей в *песнях и стихотворениях о британской армии*. Специфичность в жанровой детерминации определяется именно в следующем векторе – *от репортажа к рассказу и балладе*, далее же в направлении, восходящем к *фольклору* (сказка, притча, миф). Специфичность определяется *тематическим предпочтением* (эволюция темы Индии, создание особого пространства «Англо-Индии»), *композицией и формой* (проза в стихах в «Книге Джунглей»; *диалогичностью* размышлений в детской книге «Сказки просто так»), *стилевыми особенностями* текстов (ирония, сатира, реминисценции), *композиционными метаморфозами*

(разрушение норм жанра новеллы как эпического повествования, замещение повествования акцентами на обозначение событийности как явления бытия).

5. Современный политический миф, представляющий собой коллективное бессознательное творение нации, может отражаться и активно продвигаться в рамках одного художественного произведения, а также одновременно выступать философской и нравственной основой, выстраиваемой на его базе целостной системы архетипов всего творчества конкретного писателя. Ярким примером означенного является весь творческий массив художественных произведений Р. Киплинга, в системной иерархии которого сверху вниз прослеживается в сущности весь миропорядок бытия мира – от закона семьи / клана до закона культуры и универсума.

Апробация работы. Основные положения исследования докладывались и обсуждались на заседании кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; были представлены на Юбилейной конференции факультета романо-германской филологии КубГУ «Язык, личность, культура» (Краснодар, 2015); XXXIV Международной заочной научно-практической конференции «Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (Москва, 2015); трех итоговых научных конференциях (Краснодар, 2015 – 2017 г.г.) преподавателей, аспирантов и соискателей факультета РГФ по результатам НИР «Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований»; V Международной научной конференции «Общество XXI века: итоги, вызовы, перспективы» (Ставрополь, 2016); XVI Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологии» (Белгород, 2016).

По теме диссертации **опубликовано** 9 работ, в том числе 3 работы в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, общим объемом 4,25 п.л.

Структура работы обусловлена целью и поставленными задачами. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и списка источников материала.

ГЛАВА 1 ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

1.1. Языковая личность как результат взаимодействия социокультурных факторов

Национальный характер культуры, по точному определению В. фон Гумбольдта, находит своё отражение в языке посредством особого видения мира (Гумбольдт 1985). Язык тесно связан с действительностью, с жизнью общества, язык хранит культурные ценности – в лексике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи (Тер-Минасова 2000:79). Язык даёт имена новым явлениям культуры, отражает отношение к ним, их оценку социумом.

Духовные ценности, рассматриваемые в философии культуры как «основополагающие жизненные ориентиры», не могут быть рассмотрены в отрыве от их языкового наполнения, которое находит своё выражение в *структуре языковой личности, её языковой картине мира*. Ю.Н. Караулов считает, что «языковая личность не является таким же частноаспектным коррелятом личности вообще, каким является, например, правовая, экономическая или этическая личность. Языковая личность – это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия “личность” вообще» (Караулов 1987:38), поэтому при её изучении на передний план должны быть поставлены интеллектуальные свойства человека, так как языковой личностью в современном языкознании считается человек, продуцирующий неординарные (в нашей трактовке *знаковые* – А.М.) тексты, т. е. способный к моделированию языковых единиц (номинативных новаций), к осознанию структуры и закономерностей порождения смысла, а также к творческому, эстетическому использованию языковых единиц, их

синтагматики и архитектоники текста в целом с целью выражения индивидуально-авторского восприятия мира (Мануэльян 2016).

А.А. Леонтьев определяет национально-культурную составляющую языка как важнейшую, так как «язык отражает и закрепляет реалии, абстрактные понятия и т. д., отработанные историческим прошлым данного народа, обязанные своим существованием специфическим условиям трудовой, общественной, культурной жизни этого народа» (Леонтьев 2008:45).

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в работе «Язык и культура», говоря о национальном характере языка, подчеркивают, что человек не рождается ни русским, ни немцем, ни японцем и т. д., а становится им в результате пребывания в соответствующей национальной общности людей; воспитание ребенка проходит через воздействие национальной культуры, носителями которой являются окружающие люди (Верещагин, Костомаров 2005). Авторы используют в своей работе высказывание отечественного психолога Б.Г. Ананьева: «личность – это продукт культуры» (цит. по: Верещагин, Костомаров 2005). С.Г. Тер-Минасова также считает, что «личность – это продукт культуры и языка» (Тер-Минасова 2000).

Взаимодействие, взаимовлияние и соотношение языка и культуры разные специалисты трактуют по-разному. Так, Ф. де Соссюр полагает, что если считать культуру достижением человечества, а достижения – это результат сознательной деятельности, то язык таковым не является (Соссюр 2000).

Другие выделяют неразрывность и единство культуры и языка, подчеркивая возможность рассматривать отношение между культурой и языком как отношение целого и его части: язык – это компонент культуры и орудие культуры (что не одно и то же); язык в то же время автономен по отношению к культуре и может изучаться отдельно от культуры или в сравнении с культурой как равноправным и равнозначным феноменом (Яковлева 1994).

Точка зрения Л.А. Шестак (Шестак 2003) соответствует нашему представлению о соотношении культуры и языка. Мы также считаем, что язык является неотъемлемой частью культуры, а общечеловеческие духовные ценности лежат в основе бытия человека, определяют смысл и содержание его жизни.

Отношение к языку как к феномену культуры, описание его с этой позиции требует внимания к признакам национальной ментальности и их отражения в лексике, фразеологии, речевом этикете, этических концептах, в характере дискурсивной деятельности носителя определенной культуры. При этом в содержание социальной культуры индивида включаются, в первую очередь, усвоение индивидом языка социальной общности, соответствующих способов мышления, присущих данной культуре, принятие индивидом норм, ценностей, традиций, привычек, идеалов и т. д. (Мануэльян 2016).

На современном этапе особенно актуальным нам представляется многоаспектное системное исследование *языковых и социокультурных процессов* в их разнофакторном взаимодействии. Этот подход, очевидно, предопределен невозможностью объективного анализа главных языковых проявлений вне связи с условиями их существования в обществе, его культуры. В данном случае языковая личность выступает той областью, где встречаются интересы лингвистов, социологов, культурологов, философов и др.

Представления об индивидуальном характере владения языком зародились в XVIII–XIX вв. в трудах В. фон Гумбольдта и И.Г. Гердера, затем получили значительное развитие в работах Л. Вайсгербера, И.А. Бодуэна де Куртенэ, К. Фосслера и др. В настоящее время в отечественном языкознании аналогичные представления развиваются Ю.Н. Карауловым, Г.И. Богиным, К.Ф. Седовым, В.И. Карасиком, В.И. Шаховским и другими исследователями, их работы посвящены изучению языковой личности, её *структуре и национальным особенностям* (Шойсоронова 2006).

Значимый вклад в изучение языковой личности в аспекте её лингвокультурологических характеристик, по нашему мнению, был внесён

В.И. Тхориком в его докторской диссертации, в которой, в частности, справедливо отмечено, что словосочетание «языковая личность» в лингвистических исследованиях нынешнего десятилетия приобрело «достаточно прочный статус, сведя воедино проблемы междисциплинарных наук в общем русле прагматического потока вопросов в той мере, в какой личность проявляет компетенцию говорящей личности» (Тхорик 2000:9). Вместе с тем исследователь подчеркивает тот факт, что «...отсутствие строго описанной системы лингвокультурологических характеристик языковой личности на разных уровнях реализации не способствует выявлению и осмыслению ее составляющих в каждом конкретном случае. По-видимому, попытки современной теоретической лингвистики решить проблемы языковой личности традиционными грамматическими средствами не перспективны, так как содержательные и аксиологические сущности этой структуры могут быть выявлены только при комплексном их освещении, т. е. с учетом влияния со стороны таких областей знания, как лингвострановедение, психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, и в первую очередь лингвокультурология» (Тхорик 2000:7).

Комплексное изучение языковой личности как *результата интеракции социокультурных факторов*, безусловно, предполагает использование системного подхода. Считается, что языковая личность является *открытой системой в том случае*, когда мы говорим о личности как о создающей и воспринимающей в языковом процессе (конкретная языковая личность, национальная языковая личность), или *закрытой системой*, если мы имеем дело с завершенным дискурсом, например, творчеством отдельного автора. В открытой системе основной акцент делается на синтагматической стороне исследования, в закрытой – на парадигматической (Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики 1995).

Рассмотрение точки зрения Т.Е. Пшениной демонстрирует соотношение языковой личности с идиостилем и образом автора. Ученый находит, что имплицитные текстовые категории образа автора, идиостиля значительно уже языковой личности, которая превосходит их наличием

творческой функции, включением внеязыковых фактов (на основании совпадений с исторической личностью адресанта). И если указанные категории являются синтагматическими («функционально-стилистическими»), то языковая личность представляет собой, скорее, парадигму (цит. по: Тхорик 2000).

Ю.Н. Петелина считает, что культурологическое наполнение в языкознании иллюстрируется «в особенным взаимодействием и взаимопроникновением *двух систем – языка и культуры* (курсив наш – А.М.). В этом и проявляется существующая субъективность мировосприятия определенной культурной общностью, которая, безусловно, находит свое отражение в языке» (Петелина 2004:9).

С точки зрения О.А. Лосевой и И.А. Новиковой социальные факторы влияют на язык достаточно опосредованно. Главным фактором воздействия является то, что экономико-политические перемены преобразуют совокупность носителей конкретного языка, оказывая влияние на увеличение или сокращение, существенное изменение состава носителей определенной подсистемы (литературного языка, территориальных диалектов, социальных жаргонов, городских просторечий). «Сотворение» единого общего языка происходит по-разному в разных составляющих языковой системы, так как разные структурные уровни языка – фонетика, морфология, лексика, синтаксис – по-разному воспринимают воздействие различных социальных факторов.

Очевидно, что фонетика и морфология не в столь значительной степени, чем лексика, подвергаются влиянию социальных факторов. Незначительные фонетические изменения по мере их накопления очень медленно приводят к ощутимым изменениям в фонетической системе языка.

Лексика и фразеология, наоборот, более всего подвержены такому влиянию: коллизии в общественной жизни общества отражаются в этих сферах языка в форме появления новых слов и оборотов, в заимствованиях и переосмыслении слов старых. Авторы считают, что именно лексика является единственной областью языка, в которой содержание культуры (данной

общности в данную эпоху) отражается очевидно и непосредственно, что очень скоро обнаруживается (даже при жизни одного поколения) как результат социально-экономической мутации (Лосева, Новикова 2008).

Известно, что лингвокультурологическая область *национальной языковой личности* составляет очень большой *лексический массив*. В.В. Воробьев в этой связи считает возможным представление языковой системы как результата взаимодействия совокупности факторов, многие из которых носят *вероятностный характер*, а взаимосвязь языка и культуры – как более строгую на одних уровнях и более «смазанную» на других (Воробьев 2005). Автор также считает, что исследование национальной языковой личности весьма эффективно именно через описание *доминирующих компонентов*, таких как *система господствующих идей* и их значений, связь которых с национальными особенностями носителей языка, их мироощущениями очевидна. Отсюда, по мнению автора, проистекает важность выявления и лингвокультурологического описания для характеристики нации (личности), системы общенациональных, собирательных идей-сил (*idées-forces* – термин французского философа Альфреда Фулье), которые в самой общей форме могут быть определены как более или менее продуманные интеллектуальные формы национального сознания, национальных «духовных принципов», фиксируемых языком (Воробьев 2005).

Применение к английскому языку способа выделения *idées-forces*, предложенного А. Фулье (во французском это: *картезианство, эгоцентризм, прозелитизм, разнообразие, чувственность, легкость* и др.), позволяет нам утверждать, что в этой области у двух языков существуют существенные различия.

Для иллюстрации приведем значимые, с нашей точки зрения, наблюдения в этой области, сделанные М.В. Глеб в работе «Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.)» (Глеб 2007), особое место в которой отводится оценке влияния имперских идей на *британскую культуру, религию, систему образования и прессу*. Анализируя произведения Р.

Киплинга, Г. Хенти, Р. Хаггарда, статьи в известных периодических изданиях Великобритании, таких как «Таймс», «Дейли Телеграф», «Спектейтор», автор пишет о формировании нового литературного образа – прославленного «героя», «предприимчивого и отважного британца», «строителя» империи, который активно «внедрялся» в подсознание учеников младших классов в самом раннем возрасте. Даже в школе происходило формирование нового типа мировоззрения, в котором доминирующими чертами стали *патриотизм и гордость за империю* (Глеб 2007).

Мощными «пропагандистами» образа «отважного героя – строителя великой империи» стали многие, безусловно, талантливые и знаменитые «воспеватели» Британской империи, такие как Р. Киплинг, которые совершенно искренне верили в святость и непогрешимость своей миссии. Этот тезис можно ярко подтвердить отрывком из стихотворения Р. Киплинга «Песнь мёртвых» (Kipling R. “The Song of the Dead”, 1922).

«... We must feed our sea for a thousand years,
 For that is our doom and pride,
 As it was when they sailed with the *Golden Hind*,
 Or the wreck that struck last tide –
 Or the wreck that lies on the spouting reef
 Where the ghastly blue-lights flare.
 If blood be the price of admiralty,
 If blood be the price of admiralty,
 If blood be the price of admiralty,
 Lord God, we ha' bought it fair!»

«... Нам кормить наше море тысячи лет
 И в грядущем, как в старину.
 Нам, давным-давно пошедшим на дно,
 Или вам, идущим ко дну, –
 Всем лежать среди снастей своих кораблей,
 Среди останков своих бригаantin.

Если жизнью надо платить за власть –
 Господи, жизнью платить за власть,
 Господи, собственной жизнью за власть! –
 Каждый из нас властелин!»
 (перевод Н. Голя).

Анализ этого и других произведений Р. Киплинга показывает, что основными «идеологемами» носителя «цивилизаторской миссии» были следующие: безусловное *национальное британское превосходство*, самоотверженное *служение религиозной идее*, насаждение по всему миру принципов *свободного самоуправления* и романтика покорения мира. Навязываемая повсеместно в британских владениях (и не только в них) идеология открыто провозглашала «аксиому» о цивилизаторской миссии англичан, их призвании насаждать по всему миру искусство свободного управления, и подспудно подразумевая некое «природное» превосходство британской расы, иными словами, откровенный национализм. Действительно, под натиском пропаганды многие британцы искренне считали, что жители стран «третьего мира», жители Африки и Азии «не были рождены» для того, чтобы независимо продвигать свои страны по пути цивилизации и прогресса (Глеб 2007).

Уинстон Черчилль также утверждал в 1899 году, что «дикие народы, несведущие о своем варварстве», совершают большую ошибку, сопротивляясь усилиям «филантропических захватчиков» (Churchill 1899:27).

Ни для кого не секрет, что в этот исторический период Британская империя была и в самом деле самым крупным и могущественным государственным образованием на планете, и проблема империализма была не просто весьма актуальной, но и во многих общественных кругах весьма «горячей» и спорной. В связи с чем и содержание термина «империя» подвергалось самым различным модификациям, многие из которых значительно изменили своё изначальное смысловое наполнение.

Главные имперские «термины» – «страна» (country), «сообщество» (commonwealth), «империя», «нация» – стали звучать как синонимы и включили в себя новое содержание – «суверенный народ Англии», которое на долгие годы будет сохранено на последующих этапах истории страны. Особенным образом подверглось изменению и значение слова «народ». Слово “country”, первоначальным значением которого было “county” (британская административная единица), стало синонимом слова “nation”, слово “commonwealth” в смысле «сообщество» теперь повсеместно употребляется на месте взаимозаменяемого с понятиями “nation” и “country”.

Национально-ценностные ориентации нации/личности/языковой личности (в т. ч. британской) вырабатываются в результате взаимодействия различных типов социокультурного менталитета и преобладающих в данный исторический период идейно-политических течений. С изменением идей эволюционируют и ценности: новая идеологическая система предопределяет новую иерархию ценностей и существование различных типов социокультурного менталитета. Совокупность этих ценностей и составляет систему концептуально оформленных представлений, идей и взглядов на общественную жизнь, особый способ объяснения мира, в основе которого лежат принципы, позитивные ориентации на те или иные политические явления, процессы, структуры.

На смену имперским “*idées-forces*” в британского обществе вместе с преобладающей консервативной идеологией в английский язык вошли и новые концепты-термины, вмещающие в себя и соответствующие политические предпочтения (“democracy”, “dictatorship”, “tyranny”, “authoritarianism”, “opportunism”, “racism”, “genocide”, “terrorism”) или общественные строи (“communism”, “socialism”). Именно они и представляют весьма значительную и *знаковую* часть изучаемой области лексического массива, который отражает, в известной степени, особенности национальной языковой личности на конкретном этапе исторического развития.

Таким образом, в категории «личность» сосредоточены важнейшие концептуальные характеристики предметов духовной и материальной культуры народа, в связи с чем она является определяющей в раскрытии диалектики развития культуры и языка.

Нам представляется, что при определении лингвокультурологического содержания взаимосвязи языка и культуры особое значение имеет исследование национальной языковой личности как результат взаимодействия социокультурных факторов, суммы идей, совокупности ценностей и ментальных характеристик, отраженных в языке данного социума на данном культурно-историческом этапе. В этой связи разработка различных моделей описания личности способствует дальнейшему системному представлению культурологической информации в прагматических целях.

1.2. Зна́ковая языковая личность

Считается, что одним из основных направлений современной антропоцентрической лингвистики является исследование *языковой личности*. Соотношение понятий «образ автора» и «художественный образ», будучи одним из главных в научном творчестве В.В. Виноградова, подвели исследователя к вопросу о соотношении в произведении языковой личности, художественного образа и образа автора (Виноградов 1980). К примеру, В.В. Виноградов отмечал, что «памятник – не только одно из произведений коллективного языкового творчества, но и отражение индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени в целях эстетически действительного выражения замкнутого круга представлений и эмоций. И лингвист не может освободить себя от решения вопроса о способах использования преобразующей личностью того языкового сокровища, которым она может располагать» (Виноградов 1980:91).

С точки зрения Г.И. Богина, понятие «языковая личность» создается проекцией в область языкознания известного междисциплинарного термина: в семантике сосредоточены «как философские, так и социологические и психологические взгляды на социальную важность совокупности физических и духовных свойств человека, которые образуют его качественную определенность» (Богин 1986:3).

По мнению Ю.Н. Караулова, *языковой личностью* является *любой носитель* того или иного языка, «охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определённых целей в этом мире» (Караулов 1997:671). Мы также разделяем его известную дефиницию языковой личности как «совокупности характеристик и способностей человека, детерминирующих создание и восприятие им речевых произведений» (Караулов 1987:3).

Вместе с тем нам представляется существенным уточнение дефиниции, предложенное Н.Ю. Буряк, дополняющей процитированное определение словами о том, что упомянутые речевые произведения (тексты) различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов (Буряк 2011).

В настоящее время, по мнению Л.Р. Ермаковой и А.П. Седых (Ермакова, Седых 2010:82-83), существуют различные подходы к изучению языковой личности. Наиболее значимыми среди них, по мнению авторов, являются следующие:

- *русская языковая личность*. Её определение по Ю.Н. Караулову и анализ её трёх базовых уровней (вербально-семантического, когнитивного и прагматического) приведены нами выше;

- *полилектная и идиолектная личности*. В.П. Нерознак предлагает идентифицировать стандартную и нестандартную языковые личности, а

также объединить «верхи» и «низы» языковой культуры в рамках идиолектной личности (Нерознак 1996);

- *элитарная языковая личность* соотносится О.Б. Сиротининой с понятием элитарной языковой личности как эталоном речевого поведения и коммуникации. Данный эталон предусматривает обязательное соответствие этике общения, а также соблюдение основных языковых и коммуникативных норм. По мнению А.П. Седых, «...носители элитарного типа – люди, владеющие всеми нормами литературного языка, выполняющие этические и коммуникационные нормы. Это означает соблюдение не только кодифицированных норм, но и функционально-стилевой дифференциации литературного языка, норм, связанных с использованием устной или письменной речи» (Седых 2005).

Т.В. Кочеткова, со своей стороны, считает, что «явление элитарной речевой культуры связано, во-первых, с тем особым местом в обществе, которое присуще языку (язык и сознание, язык и культура в целом), во-вторых, в пестрой мозаике человеческих культур элитарная культура является важнейшим слагаемым духовности нации. При этом именно проблема изучения речи носителя элитарной речевой культуры даёт основательную базу для многочисленных сопоставлений и соотнесений. Речевая деятельность личности такого плана оказывает регулирующее воздействие на носителей других типов внутринациональных речевых культур, ориентируя любого собеседника на духовное совершенствование и открывая для него иной способ познания действительности» (Кочеткова 1999:6);

- в *эмоциональной языковой личности* В.И. Шаховский подчеркивает, что эмоции – это «специфическая форма человеческого отношения к миру и к себе в этом мире, а также его языковое отражение в лексиконе и речевой деятельности человека» (Шаховский, 1996:29). «Эмоциональность» рассматривается им как неотъемлемая часть личности, из чего вытекает очевидная необходимость междисциплинарного подхода в изучении языковой личности;

- *языковая личность восточной и западной культур*. Языковую личность с точки зрения предельных понятий восточной цивилизации и западной предлагает исследовать Т.Н. Снитко (Снитко 1999);

- *словарную языковую личность* В.И. Карасик рассматривает как носителя аксиологических параметров определенной этнокультурной общности в рамках бинарных оппозиций институционального дискурса (Карасик 2002);

- *французская языковая личность*. А.П. Седых рассматривает национальную языковую личность как интегральную категорию понятия «франкофония» и определяет её как доминирующий тип личности франкофона. Речь идет о типологической модели «идеального носителя» этнокультурных характеристик (Седых 2004);

- Т.Ю. Ма описывает *американскую языковую личность*, имея цель выявить ее прототип в картине мира носителя языка как отражения существующей на уровне обыденного сознания системы социально значимых ценностей (Ма 2012).

Соглашаясь с безусловной важностью всех вышеупомянутых характеристик языковой личности, равно как и с утверждением Ю.Н. Караулова о том, что «языковой личностью является любой носитель того или иного языка», мы всё же считаем достойным особого, более пристального рассмотрения языковых личностей, являющихся, на наш взгляд, знаковыми в той или иной лингвокультуре. Мы считаем, что понятие *знаковости* не подменяет понятие элитарности, а, в известной мере, конкретизирует его, оттеняет особую роль выдающихся (знаковых) мастеров слова в развитии языка в своих странах и мировой культуре.

Вопрос о влиянии общества и *выдающихся его представителей* на язык поднимался неоднократно. Носителей образцовой речи в различных трудах называли «*мэтрами речи*», «*демиургами языка*», «*экологами языка*», «*арбитрами языка*» и т. п. При этом «язык писателей» специалистами-нормализаторами выделяется как единственный авторитетный источник правильности речи (Кочеткова 1996).

В.И. Тхорик считает, что «языковая культура личности формируется при взаимодействии феноменов «культура языка» и «культура речи». В ее основе лежат знания норм письменной и устной речи, смысловых и выразительных возможностей системы, изучение образцовых художественных, публицистических и некоторых других риторических текстов, принадлежащих *классикам* (курсив наш – А.М.)» (Тхорик 2000:17).

Таким образом, мы подходим к пониманию *знаковой языковой личности* как «классика», «мэтра речи», «арбитра и нормализатора языка», который своим творчеством способствует его поступательному развитию на определенном историческом этапе в отдельно взятой стране и мировой лингвокультуре в целом.

Многие исследователи (например, Т.Ю. Ма, Н.С. Хрусталева) отмечают, что личность языковая всегда *национальна*, что неизбежно отражается в формах культурного контекста эпохи, а, следовательно, может быть изучена только с этих позиций. Эталон языковой личности (в нашем понимании *знаковая языковая личность*) «формируется рядом наиболее типичных для большинства представителей нации вербальных и невербальных характеристик, которые проявляются в речевой деятельности индивида как факт предпочтения существующей в концептуальном пространстве культуры *национальной системы ценностей* (выд. нами – А.М.) ..., в которой сохраняются в виде понятий высокой степени абстракции нравственные ценности духовной культуры, специфичные для каждой нации» (Ма 2012:4).

Нам представляется, что для изучения, к примеру, британской *знаковой языковой личности*, отразившей в своем творчестве национальную систему ценностей своего времени, наиболее ярко подходит языковая личность Редьярда Киплинга.

Образ Британской империи XIX – начала XX века в сознании её граждан долгие годы конструировался за счет постулирования национальной идеи о превосходстве над другими народами и цивилизующей миссии британцев. Политическая идентичность государства Великобритания, иначе называемая британскостью, «формировалась на значительном историческом

отрезке и приобрела завершённый общенациональный характер вследствие воздействия целого ряда экономических, культурных и социально-политических факторов» (Симонов 2016:4). Среди факторов культурных, активно способствующих формулированию и продвижению *национальной системы ценностей*, как раз является творчество знаковых языковых личностей, таких как Р. Киплинг.

В бóльшей части произведений «певца английского колониального величия», настойчиво и осознанно транслировавшихся в общественной среде английского общества, прямо или косвенно прославляется новый литературный образ – «легендарного отважного воина, энергичного британца», главной целью и смыслом жизни которого является строительство и процветание Империи. Эти качества патриотизма и гордости за империю яростно взращивала и поощряла вся британская система образования того времени.

И тем не менее в творчестве Р. Киплинга личность в первую очередь характеризуют не слова, а поступки, которые совершает Человек, несущий «бремя белых»:

Несите бремя Белых	Take up the White Man's burden –
Среди племен чужих -	Send forth the best ye breed –
Сынов своих отправьте	Go bind your sons to exile
Служить во благо их;	To serve your captives' need;
Без устали работать	To wait in heavy harness
Для страждущих людей -	On fluttered folk and wild –
Наполовину бесов,	Your new-caught, sullen peoples,
Настолько же детей.	Half-devil and half-child.
Неси же бремя Белых -	Take up the White Man's burden –
Не смея унывать,	In patience to abide,
Ни злобу, ни гордыню	To veil the threat of terror
Не вздумай проявлять;	And check the show of pride;
Доступными словами	By open speech and simple,
Их к делу приобщи,	An hundred times made plain.

И для себя в том деле	To seek another's profit,
Ты пользы не ищи.	And work another's gain.
Неси же бремя Белых -	Take up the White Man's burden –
Чтоб шум войны затих,	The savage wars of peace –
И пищу дай голодным,	Fill full the mouth of Famine
И вылечи больных...	And bid the sickness cease...
И по твоим поступкам,	By all ye cry or whisper,
И по твоим словам	By all ye leave or do,
Дадут тебе оценку	The silent, sullen peoples
И всем твоим богам.	Shall weigh your Gods and you.
Неси же бремя Белых -	Take up the White Man's burden –
И скопишь с юных лет	Have done with childish days –
Венок дешевых лавров,	The lightly proffered laurel,
Скупых похвал букет.	The easy, ungrudged praise.
Но на закате жизни	Comes now, to search your manhood
Без всякой суеты	Through all the thankless years,
Твой труд пускай оценят	Cold-edged with dear-bought wisdom,
Такие же, как ты!	The judgment of your peers!
(Р. Киплинг. Бремя белых.	(R.Kipling. The White Man's
Перевод В. Радионова.)	Burden.1929)

Только в действии Р. Киплинг видел смысл жизни современного ему поколения, даже если эти действия направлены на то, чтобы отнять землю у людей из других стран и другого цвета кожи. Может, и не самая благородная цель, но её оправдывает великая Идея, а не «сентиментальное притворство» (Конрад).

Главной «идеей» Р. Киплинга является постулат высшего нравственного Закона, по которому должен жить каждый. Волк – по Закону волчьей Стаи, офицер – по армейскому Закону, матрос – по Закону морскому. Каждый шаг и каждое слово должны соотноситься с этим Законом. Это соответствие и будет Главное Мерило, по которому «свой» отличается от «чужого». И эти

взаимоотношения должны определять всё мироустройство от семейного до планетарного масштаба.

Сделавшая Р. Киплинга всемирно известным строчка: «...Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет небо с землей на страшный Господень суд...», хотя и трактуется по-разному в разных социумах, неизменно знаменует в разные эпохи то, что Европа и Азия – две очень своеобразно устроенные гигантские системы, каждая со своей историей, культурой, традициями и т.д., которые никогда не станут равными друг другу.

Но даже это основополагающее противопоставление в *системе ценностей* языковой личности Р. Киплинга не является стержневым. Главное – это оппозиция «империя – неимперия», «Восток – Запад», что соизмеримо в глобальном смысле с дихотомией «зло» и «добро», «хаос» и «порядок». Имперский мессианизм стал его религией, в которую он пытался обратить весь земной шар с помощью своего пылкого и яркого творчества.

Британской Империи уже давно нет, но в наследство от нее наш мир получил, как минимум, английский язык, который приобретает все более универсальные черты, как когда-то латынь, и в сокровищницу которого Р. Киплинг, безусловно, внес невероятно большой вклад, пополнив его многочисленными метафорами, широко используемые до сих пор в живой речи.

Многие жители бывших колоний Англии пишут именно на английском языке о своей ненависти (а зачастую и о любви) к колониальному прошлому. Сегодня совершенно очевидно, что в XX веке, да и в веке XXI, обойтись без английского языка практически невозможно, хотим мы того или нет, но именно английский, язык таких *знаковых языковых личностей*, как *Шекспир, Мильтон и Киплинг* – латынь нашего времени.

Как очень точно подметил Е.В. Витковский, говоря о действующем в искусстве древнем законе, – «часть всегда больше целого. Именно поэтому Британская империя, примечательной составляющей которой был Киплинг и

его творчество, была всего лишь страной времен Киплинга, потому что Редьярд Киплинг был империей сам по себе» (Витковский 1998:7).

Таким образом, разделяя понимание того, что языковая личность – это синтезирующий разные параметры речеповеденческий портрет человека как представителя определенной культурной, национальной, гендерной, возрастной, социальной, конфессиональной группы, а также существующие различные (упомянутые в данной главе) подходы к изучению языковой личности, мы предлагаем (на примере Р. Киплинга) ввести уточняющую к характеристике «элитарная» категорию *знаковая языковая личность*, которая своим творчеством способствует идентификации, сохранению и продвижению нравственных ценностей, специфичных для каждой нации, вносит существенный вклад в развитие национальной и мировой лингвокультуры в целом.

1.3. Особенности индивидуальной картины мира языковой личности Редьярда Киплинга

Общеизвестно, что *языковая картина мира* как неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации (Телия 1988), является одной из наиболее существенных составляющих в *структуре языковой личности*. Представляя мир как человека и окружающую среду в их взаимодействии, логично определить картину мира как результат осмысления информации о человеке и окружающей его среде.

В.Н. Телия считает, что языковая картина мира описывается конкретным набором лексических и синтаксических средств, опредмечивающих процессуальные значения. Поэтому при изучении зафиксированного в конкретном описании мира исследователь должен

выявлять не только универсальные принципы устройства окружающего мира, но и тенденции, свойственные другим языкам, характерным для носителей иного национально-культурного сознания. Существуют два измерения, в рамках которых возможно рассмотрение данной проблемы – в статическом и динамическом. Первый дает представление о языковой картине мира как результате уже свершившегося процесса. Второй решает проблему, как делается языковой образ действительности средствами того или иного языка (Телия 1988).

При исследовании проблемы отражения картины мира в человеческом языке обычно исходят из простой триады: окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в языке. При этом заведомо предполагается, что человек отражает эту действительность правильно, и так же правильно эта действительность отражается в языке (Хачмафова 2010).

Н.Д. Арутюнова, как и другие представители когнитивной лингвистики, убедительно доказывает, что «наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним» (Арутюнова 1999:123).

Постановку проблемы образа, модели, картины мира некоторые исследователи (например, В.Ф. Петренко, 1997) относят к И. Канту, который трактует ее как проблему категорий сознания, структурирующих опыт субъекта познания. В разной степени культурно-исторические составляющие картины мира изучаются в работах К. Маркса, В. фон Гумбольдта, О. Шпенглера и др. В отечественной философии, психологии, культурологии исследование картины мира представлено работами Л.С. Выгодского, А.Н. Леонтьева, А.Я. Гуревича, И.Г. Франк-Каменецкого. В лингвистике мысль об особом языковом мировидении, как и понятие *языковой картины мира*, восходит, с одной стороны, к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Л. Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка, а с другой стороны – к идеям американской этнолингвистики, в частности, так

называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа (Хрусталева 1999).

В России термин «картина мира» использовался учеными «семантического» направления уже в двадцатые годы (И.Г. Франк-Каменецкий, О.М. Фрейденберг), а уже в шестидесятых поднимается в работах Ю.М. Лотмана, В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского. В работах наших современников она описывается как проблема построения пространств языкового сознания личности у Ю.Н. Караулова и Ю.С. Степанова, а также как задача построения словаря базисных смыслов у Ю.Д. Апресяна и И.А. Мельчука.

Е.С. Кубрякова считает, что «картина мира» базируется на определенной концептуальной системе, субстратом которой являются образы, концепты, представления, схемы поведения и т. п., то есть некие идеальные сущности, не всегда связанные напрямую с вербальным кодом, языком (Кубрякова 1988).

В то же время для Ю.Н. Караулова «языковая картина мира» представляется лишь частью «концептуальной картины мира» и являет собой в значительной степени весьма подвижное образование, отражающее изменения в постоянно преобразующемся мире и человеке в нем (Караулов 1976).

А.А. Уфимцева предполагает, что языковая картина мира – это некая совокупность семантических полей, в основании которых «лежат знания, закрепленные в семантических категориях, семантических полях, составленных из слов и словосочетаний, по-разному структурированных в границах этого поля того или другого конкретного языка» (Уфимцева 1988).

Таким образом, во многих значимых лингвистических работах последних лет (Караулов, 1987; Кубрякова, 1988; Телия, 1988; Постовалова, 1988; Падучева, 1996; Серебренников, 1988; Колшанский, 1990; Жолковский, 1996 и др.) подробно исследуются такие категории, как *языковая личность*, *индивидуальная языковая картина мира*, *идиолект*, что на самом деле свидетельствует о большом интересе к исследованиям в области не просто

речевой деятельности и ее структурных составляющих, но и к произносящим речевые произведения, их личностным свойствам и особенностям культурно-национальной составляющей.

А.С. Хрусталеv также считает, что для составления наиболее полного портрета языковой личности необходимо не только владеть информацией обо всех уровнях структуры языковой личности (см. Караулов, 1987), но и уметь переходить с более низкого уровня на более высокий. Осуществить такой переход можно только владея экстралингвистической информацией, которая поставляется социальной составляющей языка и связана с историей языковой социализации данной личности. И далее, отталкиваясь от составленного портрета языковой личности, можно снова вернуться к лингвистической и экстралингвистической информации об определенной эпохе, к концептуальной и языковой картине мира этой эпохи, но «возвращение» будет осуществлено с помощью конкретной языковой личности, то есть, по сути, речь идет о восприятии эпохи через язык индивидуума (Хрусталеv 1999).

Любая *индивидуальная картина мира (как и языковая личность)* является в своем роде *единственной и неповторимой* – её возникновение происходит в результате интеракции индивида и окружающего его мира. И в этих условиях индивид не является чем-то изолированным, так как он живет в условиях своего времени и культурного окружения и, даже имея определенные отличия от других себе подобных, он продолжает пребывать в рамках определенной культуры, а значит, его индивидуальная картина мира будет иметь большое количество областей взаимопроникновения с этими другими картинами мира. По этой причине И.Г. Торсуева считает, что картина мира определенной эпохи – это некий инвариант, представленный вариантами – научной, художественной, религиозной, этической картины мира и т. д. (Торсуева 1989).

Анализ текстов, лексиконов, типических характеристик *знаковых языковых личностей* вплотную подводит исследователей к проблеме реконструкции *языковой и концептуальной картины мира индивидов и*

этносов в целом в определенную эпоху, дает возможность объяснить и понять культуру нации на том или ином временном отрезке. В нашем понимании, языковая личность Р. Киплинга, безусловно, входит в круг *знаковых*, во многом определявших картину мира соотечественников (и не только) и оказавших ощутимое влияние на культуру и язык народов Британской империи.

Даже сейчас, когда Британская империя давно уже не существует, мы без особого труда узнаем в ней метафору, заменяющую в мифе понятие высшего авторитета, и точно так же с легкостью придаём наши собственные значения основным киплинговским категориям. Созданная Редьярдом Киплингом *картина мира* выводит читателей за пределы индивидуального, единственного, исторически конкретного: в ней мало оттенков и полутонов, она универсальна, так как построена, как сам миф, и оперирует лишь исконными категориями и известными каждому символами (*жизнь – смерть, победа – поражение, сила – слабость, день – ночь, свет – темнота, рай – ад, порядок – хаос, Бог – дьявол, действие – пассивность, знание – невежество, корпорация – одиночество, цивилизация – природа*). И это далеко не полный перечень типичных для творчества Киплинга противопоставлений, реализуемых на многих уровнях и влияющих на эмоциональное состояние читателей. Несмотря на то, что предложенная Киплингом модель мира крайне проста и сводит человека и окружающий мир к набору этих элементарных категорий, она образует систему ценностей, которую, в принципе, любая культура может признать «своей».

Вместе с тем, мир Р. Киплинга многим исследователям представляется парадоксальным, загадочным, странным. К примеру, Э. Уилсон свою книгу, посвященную великому соотечественнику, называет: «Странный маршрут Редьярда Киплинга» (Wilson 1978). В ней, пытаясь постигнуть «гамму отношений, существующих между реальным миром и реальным бытием Киплинга, с одной стороны, и миром его искусства, миром воображения, с другой», автор замечает, что «самой сильной стороной Киплинга было

создание его собственного мира, всегда цельного, единого, всегда имеющего точно определенное место, цвет, запах, карту» (цит. по: Мануэльян 2015).

В работе А.В. Хлебниковой, посвященной анализу художественного мира кипплинговских «Книги джунглей» и «Сказок просто так» высказывается интересная, на наш взгляд, точка зрения, утверждающая, что для мировоззрения и творчества Р. Кипплинга принципиально значимы были как викторианство с его победоносностью, так и последовавший в конце века и все больше углубляющийся кризис викторианской идеологии, всего буржуазного общества. Именно поэтому, по мнению автора, *киплинговское мировоззрение* нарождается «на переплетении именно этих двух идеологических тенденций. Безусловно, смена исторических эпох, изменение общественного сознания не могли не изменять и характера искусства» (Хлебникова 1985:28).

Очевидно, что лингвокультурное пространство художественной прозы Р. Кипплинга сочетает в себе несколько культурных традиций, среди которых доминирующими являются английская и индийская.

Такая особенность его творчества обусловлена особенностью языковой личности автора. Будучи англичанином по происхождению, Редьярд Киплинг родился и прожил значительную часть своей жизни в Индии, что не могло не повлиять на формирование личности автора, особенно в период её становления. Индия сформировала Кипплинга, разбудила его дар, «вылепила» из него художника. Встреча с многоликой страной, где энергия Запада «натывается» на неподвижность и непроницаемость Востока, где островки европейской цивилизации теряются в море древнейшей и загадочной культуры, где переплетаются в одно целое убожество предрассудки и высокая духовность, где человек ежеминутно подвергается тяжелым моральным и физическим испытаниям, стала решающей для раскрытия литературного дара Р. Кипплинга. Он получил глубокое знание индийской жизни в обоих его измерениях, «туземном» и колониальном, знание, которое долгие годы служило ему источником творчества. Редьярд Киплинг терпеливо пытался

понять закон Востока, расшифровать его «код» и даже взглянуть на мир с его точки зрения (Мануэльян 2015).

А. Зверев характеризует кипплинговский «художественный мир – как уникальный сплав гордости и тревоги, ослепительной яркости материала, романтического упоения экзотикой и новизной, а вместе с тем настойчиво пробивающегося ужаса перед отчужденностью изображаемой им вселенной и перед таящейся в ней угрозой для каждого, кто пытается навязать этому макрокосму чужие, неорганичные нормы и порядки» (Зверев 1990:9).

Проведенный анализ дает основания считать, что *художественное мышление Киплинга* изначально базируется на фольклорно-мифологических сюжетах, которые транспонируются на окружающий автора мир. И это касается не только его замечательных сказок о животных. Во многих других работах он опирается на старинные сюжеты и образы, а также на постулат об антропоцентризме Запада и природоцентризме Востока, что, вне всякого сомнения, наглядно отражается во всем его творчестве.

Эта существенная характеристика художественного мышления Р. Киплинга, конечно же, объясняется тем, что индийские культурные традиции довлеют над британской во всех его произведениях, в которых краеугольным камнем всего сущего на Земле является природа. А для культуры европейской, как известно, мерилom всего является человек.

В художественном мире Редьярда Киплинга огромное количество специфических реалий. Как известно, индийская культура и традиции ставят животных выше людей. Так, слоны считались царской собственностью, «воплощением горизонта». Одним своим видом они всегда должны вселять глубокое почтение. Эти истины, описанные в произведениях Р. Киплинга, были незыблемы для жителей многих стран (индусов, финикийцев, персов). Не случайно, ещё около трёх тысяч лет назад, слоны принимали участие в сражениях, представляя собой мощь и силу армии.

Клич Маугли «Мы одной крови, вы и я» говорит не о расовом признаке, а о принадлежности к одной и той же организации. Не физическому превосходству, а уму обязан Маугли общей любовью. Не насилие, а величаяя

мудрость пользуется особым уважением в джунглях. Именно потому главным судьей в джунглях является мудрый слон Хати, а не убийца тигр Шер-Хан.

Также не случайно в Предисловии автора к «Книге джунглей» Р. Киплинг говорит:

- «...плохо отплатил бы он за доброе к себе отношение, если бы не признал себя в долгу перед многими лицами. Прежде всего, он должен поблагодарить высокоученого и талантливого Бахадур Шаха, грузового слона N 174 по списку Индии, который, так же как и его милейшая сестра Пудмини, в высшей степени любезно сообщили историю Маленького Тумаи...» (Киплинг 1996:5).

Из индийской народной традиции взят Р. Киплингом и образ змеи, олицетворяющей одновременно как «мудрость», так и «страх смерти». Недаром у многих народов считается, что мудрость дается от Бога, и люди, наделенные этим даром, являются избранными, и в силу этого могут быть очень опасными.

Старый мудрый Каа, являющий собой образ мощи, лишенной милосердия, наверное, – самый сильный и опасный из друзей Маугли. Его прообразом, возможно, послужил тигровый питон, который наряду с анакондой считается самой длинной змеей в мире. Появление Каа среди других обитателей Холодных Пещер, как самого яркого образа смерти, производит ошеломляющее впечатление:

- «Если вы можете себе представить копьё, или таран, или молот весом почти в полтонны, направляемый спокойным, хладнокровным умом, обитающим в его ручке, вы можете себе представить, каким был Каа в бою. ...Первый удар, направленный прямо в гущу обезьян, окружавших Балу, был нанесён молча, с закрытым ртом, а второго удара не понадобилось. Обезьяны бросились врассыпную с криком: – Каа! Это Каа! Бегите! Бегите!» (Киплинг 1996).

Тем не менее, автор вкладывает именно в уста страшного, но очень мудрого Каа свою главную мысль о том, что человек – лишь одна из частиц природы и чтобы жить с ней в мире и согласии, человек обязан научиться ее понимать.

Богом-творцом считается Вода, которая, в свою очередь, создала Землю и предоставила человеку все необходимое для жизни. Начало всему живому на Земле дала Вода. Она представляется двумя образами – реки и дождя. Последняя изображается в виде огромной силы, обладающей вселенской властью. Однако и все беды могут исходить от отсутствия той же воды из-за засухи. Её наличие, с другой стороны, обеспечит землю поливом, а значит и урожаем. Вода могла примирить воюющих, но могла и наказать, за что её одинаково боялись и уважали. Дождь считали проявлением божественной силы, почему и молились ему.

Не менее важными свойствами люди наделяли и образ «огня». В индийской культуре он предстает в трех ипостасях: костер, молния и солнце. В сказке Киплинга он предстает в виде цветка, который на всех навевает ужас. Но при этом ассоциируется с храбростью и источником тепла.

В сказках о Маугли Р. Киплинг, прежде всего, отобразил свою базовую философию, следствием которой были его политические взгляды. Коротко ее можно назвать философией Порядка, воплощением которого и стал Закон Джунглей. И здесь образ Бандар-Логов – наверное, единственный пример прямой аллегии и сатиры в «Книге джунглей». Однако, следует уточнить, что в «Книге Джунглей» (1894) «бандерлогами» называется Обезьяний Народ – «Bandar-log» (на языке хинди «bandar» – обезьяна, «log» – «люди»).

Киплинговские Бандар-Логи – племя серых обезьян, не соблюдающих Закона Джунглей. У них нет вожака. У них нет своего языка – одни только краденые слова, которые они перенимают у других. Память у них короткая, не дальше вчерашнего дня. Зато о себе они самого высокого мнения: «Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения, как ни один народ в джунглях! Мы все так говорим – значит, это правда» (Киплинг 1996).

Практически все сходятся во мнении, что в образе болтливых, наглых и самовлюбленных обезьян Р. Киплинг изобразил столь нелюбимую им либеральную интеллигенцию. Чего стоит только одно заявление: «Все джунгли будут думать завтра так, как обезьяны думают сегодня» (Там же). Однако образ Бандар-Логов значительно шире. По сути, это «обратная сторона» человечества, антитеза Маугли, его «кривое зеркало». Недаром сначала они кажутся человеческому детенышу такими похожими на него, а затем уже кричащая толпа людей напоминает ему обезьян (Мануэльян 2015).

Современники Р. Киплинга видели в образе Бандар-Логов тех, кто не хочет соблюдать Закон и Порядок, а многие даже посчитали это карикатурой на либералов-парламентариев, а критики в Америке – сатирой на американцев.

В ответ британская либеральная интеллигенция говорила о том, что «железный Редьярд» с его проповедью «права сильных» и звонкими гимнами во славу британской империи и ее беззаветных строителей так и не смог перешагнуть черту, отделившую век прошедший от настоящего, некалендарного века двадцатого, и потому превратился в одиозный анахронизм, в олицетворение всего ретроградного и антигуманного.

Киплинговская картина мира, сложившись окончательно к концу 90-х годов, как будто застыла и в этом «замерзшем» виде перешла в новое столетие. Систему ценностей «певца империи» не смогла потрясти ни бесславная война на юге Африки, ни ужасы первой мировой, на которой погиб его собственный сын. А в таком виде великий британец новому поколению был как будто совсем не интересен.

Когда в 1936 г. «забытую знаменитость» хоронили в Вестминстерском аббатстве (честь, которой удостоиваются немногие), в торжественной церемонии не согласился участвовать ни один крупный английский писатель – для культуры похороны Киплинга состоялись несколькими десятилетиями ранее. Действительно, для английской культуры Киплинг умер гораздо раньше своей реальной смерти. Лишь на последнем этапе творчества художественное мышление Р. Киплинга подверглось некоторой

корректировке, претерпев, как писал Томас Элиот, лишь внешние мутации, а не внутреннее развитие (Элиот 2004).

Таким образом, *картина мира* образует особым образом организованную систему, элементами которой являются образы, концепты, представления, общепринятые схемы действия и поведения, то есть совокупность определенных сущностей, не всегда напрямую связанных с языком.

Сравнительно-сопоставительный анализ текстов, лексиконов, тезаурусов, описаний конкретных языковых личностей ставит объемную и перспективную для исследователей задачу о необходимости реконструкции языковых и концептуальных картин мира отдельных индивидов и этносов в целом в определенную эпоху, что дает возможность объяснить и понять культуру нации на определенном историческом этапе, глубже проникнуть в национальную литературу данной эпохи, что, на наш взгляд, является одной из важнейших задач современной лингвистической семантики.

Выводы по главе 1

В первой главе в качестве теоретического основания нашего исследования мы проанализировали и обобщили принципы лингвоперсонологического и лингвокультурного подходов для описания языковой личности Редьярда Киплинга, представленной как результат взаимодействия соответствующего типа социокультурного менталитета и преобладающих в данный исторический период идейно-политических течений.

Проведённый анализ языковой личности как системы доминирующих идей и их значений позволил установить их связь с национальными особенностями носителей языка, найти подтверждение тому факту, что в категории «личность» сходятся все основные концептуальные характеристики как объектов материальной, так и духовной культуры народа. Именно эти свойства личности позволяют поставить её как центральную в

процессе исследования и описания диалектики развития сложных и многогранных отношений культуры и языка.

Для наиболее полного раскрытия и описания уникальной по содержанию и роли фигуры выдающегося мастера слова наряду с уже известными системными характеристиками языковой личности нами была предложена новая категория *знаковой* языковой личности, которая, на наш взгляд, наиболее полно отражает особую роль носителей элитарной речевой культуры в развитии языка в своих странах, которые своим творчеством способствуют идентификации, сохранению и продвижению нравственных ценностей, специфичных для каждой нации, вносят существенный вклад в развитие национальной и мировой лингвокультуры в целом.

ГЛАВА 2 ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА

2.1. Ключевые слова и концепты как важнейшее средство формирования образов и целостного текста в творчестве Р. Киплинга

Имя Редьярда Киплинга является знаковым не только для его современников в Британской империи, но и для многочисленных поклонников его таланта во всем мире. По мнению многих исследователей его творчества, в Великобритании не было «другого английского писателя, исключая разве что Шекспира, из книг которого такое количество собеседников могло бы обмениваться в разговоре практически точными цитатами» (Сурганова 2010:4).

Общеизвестно, что «каждый язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой способ его концептуализации» (Маслова 2001:64). Лексический состав любого языка отражает характер и мировоззрение соответствующего сообщества людей, является объективной базой при изучении ментальности народа, на нем говорящего. Э. Сепир подчеркивал, что «язык – символическое руководство к пониманию культуры», а его лексика – «очень чувствительный показатель культуры народа» (Сепир 2002:243). С точки зрения А. Вежбицкой, в каждом естественном языке существуют так называемые ключевые слова – слова, «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» (Вежбицкая 1996:282).

Являясь коренными словами того или иного языка, *ключевые слова* и воплощенные в них *концепты* (понятия, образы, символы) отражают различные культурные идеалы, национальный характер и национальные идеи. Они сохраняют в своем значении опыт народа, его нравственную позицию, его, как принято говорить, менталитет (Колесов 2004: 10-26).

Понятие «ментальность», или менталитет, этимологически связанное с латинским словом «mens», «mentis» (мышление, образ мыслей, душевный склад, даже «сознание» или «совесть»), по мнению В.В. Колесова, постоянно расширяло свой смысл в соответствии с исходными значениями латинского

слова, постепенно насыщаясь символическими значениями. Поэтому под ментальностью следует понимать мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях (Колесов 2004 : 10-26).

Изучение индивидуальной художественной картины мира писателей и поэтов, создающих в своих произведениях «вторую реальность», становится все более актуальным в когнитологии. Главным объектом исследования при этом становится художественный концепт как единица творческого мышления автора и важный структурно-смысловой элемент созданной им художественной картины мира (Мелерович, 2000; Шаховский, 2000; Слышкин, 2000; Красных, 2000; Карпенко, 2000; Болотнова, 2000; Реброва, 2000; Абакарова, 2000; Бабенко, 2000; Романова, 2001; Затеева, 2001; Дзюба, 2001; Пугач, 2001; Орлова, 2002; Тарасова, 2004; Маняхин, 2005 и др.).

Особое место в формировании индивидуальной художественной картины мира автора занимают ключевые (в иной терминологии базовые) концепты, изучению которых также посвящен ряд исследований (см., напр., Медведева 2002; Митрофанова, 2006; Яцуга, 2006; Кудиновой 2006) (Бабарыкова 2007:7).

Ключевые слова в психолингвистике рассматриваются не только исходя из их возникновения, но и с точки зрения их понимания и восприятия. Считается, роль ключевых слов рассматривается не только со стороны порождения, формирования текста, но и со стороны его восприятия и понимания. В конкретном тексте «ключевое слово, будучи активизированным и извлеченным из памяти индивида, занимает центральное место в данной части высказывания» (Залевская 2001:125). При этом данный термин используется и в случае описания словарного состава определенного исторического периода, для которого они были наиболее употребительны (что также могло рассматриваться в качестве известной стилистической характеристики данной эпохи), так же как и стиля конкретного автора или одного из им созданных произведений.

О.А. Мануйлова считает, что ключевые слова, формирующие доминантные смыслы текстов, носят обычно концептуальный характер. Именно в этой связи при анализе доминантных смыслов параллельно обычно изучаются, рассматриваются концепты и концептуальные системы. Термин «концепт», также имеющий разнообразные трактования, зачастую используется как синоним понятия или слова с его полной, объемной семантикой, но чаще наполняется более сложным содержанием. Первоначально слово «концепт» приводилось при ссылках на иноязычные первоисточники или использовалось из стилистических соображений, то есть чтобы избежать многократно упоминаемых понятий, а также фигурировало в качестве кальки англоязычного коррелята термина «понятие», что объясняет отождествление концепта с понятием большинством авторов, оперирующих термином «концепт» (Мануйлова 2005).

Содержание понятия «концепт» (лат. *conceptus/conceptum*), этимологически представляющее собой семантический аналог русского слова «понятие», которое можно считать для современной когнитивистики утвердившимся, также представляется по-разному отдельными исследователями и представляемыми ими школами. Тем не менее, по частоте употребления именно термин «концепт» (Аскольд-Алексеев, Арутюнова, Лихачев, Степанов, Нерознак) оказался наиболее жизнеспособным по сравнению с «лингвокультуремой» (Воробьев.) «логоэпистемой» (Верещагин, Костомаров, Бурвикова) и «мифологемой» (Лехтеэнмяки, Базылев).

Впервые в отечественной науке термин «концепт» был употреблен С. А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 г. в статье «Концепт и слово», в которой автор особо подчеркивал заместительную функцию концепта, определяя его следующим образом: концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода (Аскольдов 1997:267). Однако в тот временной период термин так и не стал общеупотребительным.

С точки зрения Е.С. Кубряковой, «концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей

картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» (Краткий словарь когнитивных терминов 1996:90-92; Кубрякова 1988).

Для А.А. Залевской концепт – «объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продукта научного описания (конструктов)» (Залевская 2001:39).

В.И. Карасик определяет концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта ... многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» (Карасик 2004:3, 128).

В.В. Красных видит в концепте «максимально абстрагированную идею «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные» (Красных 2003:272).

Следует отметить, что перечисленные дефиниции имеют немало общего в своей основе, так как по сути концепт определяется как самостоятельная, имеющая свой смысловой размер единица мышления, а также памяти, в которой отражены какие-либо существенные элементы культуры данной общности людей. То есть (по Ю.С. Степанову) концепту присуще «слоистое» строение, в котором каждый «слой» является проявлением культурной жизни в разные исторические периоды (Степанов 1997:21).

Известно, что никакой концепт не выражается в речи полностью, так как он не является результатом индивидуального познания, не имеет жесткой структуры, и поэтому его невозможно выразить полностью. Также не представляется реальным зафиксировать все языковые репрезентации концепта. Хотя именно благодаря тому, что концепт вербализуется в языке и имеет телесно-знаковую составляющую, он представляет важность для лингвистов.

Во многих исследованиях, с разной степенью успешности, предпринимаются шаги по классификации концептов, исходя из сути предметов и понятий, подвергающихся «концептуализации». На наш взгляд, наиболее полными являются схожие классификации, представленные в работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина (2001), А.П. Бабушкина (1996), Н.Ф. Алефиренко (2003), Н.В. Крючковой (2003, 2009). Основными типами концептов в них предлагается выделить следующие:

- представление – обобщенный чувственно-наглядный образ предмета или явления, это «отражение совокупности наиболее ярких внешних, чувственно воспринимаемых признаков отдельного предмета или явления» (например, дрожь, клен, ласточка и т. п.);

- схема-концепт, представленный некоторой обобщенной пространственно-графической или контурной схемой; это гипероним с ослабленным образом...» (например, образ человека – как в детских рисунках – «точка, точка, запятая, минус, рожица кривая, палка, палка, огуречик – вот и вышел человечек»);

- понятие – концепт, который состоит из наиболее общих существенных признаков предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления (например: квадрат – прямоугольник с равными сторонами; самолет – летательный аппарат тяжелее воздуха с несущими плоскостями);

- фрейм – мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении (например, магазин, ресторан, кино, больница);

- сценарий (скрипт) – последовательность нескольких эпизодов во времени. «Фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов» (например, драка, игра, экскурсия, посещение кино и т. п.);

- гештальт – комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании; «целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а

также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления». Так, гештальтами являются полученные экспериментально дефиниции значений следующих слов: молчание – «люди с сжатыми губами и выразительными глазами, пустая комната, тишина»; быт – «мытьё посуды на кухне, телевизор в доме, уборка квартиры»; математика – «цифры, формулы, графики, примеры в учебнике, в тетради или на доске». Типичными гештальтами авторы также считают концепты, объективированные такими лексемами, как очередь, игра, пытка, любовь, судьба и др. (Крючкова 2003: 2009).

Для нашего исследования большой интерес представляет работа Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры», в которой главный акцент ставится на стабильном ядре концепта, а также выделением дополнительных, в том числе исторических, значений» (Степанов 2001:47). А некоторые исследователи, по мнению Т.Ю. Загрязкиной, ставят вопрос ещё более определенно. Так, в 1996 г. на основании случайно найденной рукописи 40-х годов прошлого столетия была опубликована работа Л. Фебра «Honneur et Patrie», которая нашла читателя через несколько десятилетий после своего написания и оказалась между тем чрезвычайно современной.

Л. Февр не употреблял термин «концепт», хотя речь шла именно об этом. Ученый писал о том, что в словарном составе языка есть некоторое количество слов, обладающих особой силой. Он их назвал «les mots-force» (форс-словами) (Febre 1996:54). Описывая «субстанции» (по сути, «концепты»), он предложил выделить два базовых принципа:

- научное определение не должно заслонять собой историю слов: любое научное определение сиюминутно и не может показать сущность явления так, как это может сделать история слова. При этом «старое» слово, которое употребляли наши предки, и «новое», недавно появившееся слово, – это не одно и то же. Старые слова богаче по своему значению, имеют больший резонанс и эмоциональную силу. Именно они являются форс-словами, которые «...оставляют след в нашем сознании и в минуту слабости или другую тяжелую минуту побуждают нас к действию или бездействию» (Febre

1996:56). Форс-слова составляют *пары или группы слов*, их «нельзя изучать по отдельности ради них самих» (Febre 1996:56). Продолжая эту мысль, можно сказать, что концепт также лучше изучать «не изолированно, а во взаимодействии с другими тяготеющими к нему понятиями» (Загряжкина 2003:108-109), т. е. в *целостном авторском тексте*.

В психолингвистике *целостность текста* понимается как свойство текста, соотносимое с целесообразным содержательно-функциональным единством; как механизм, приводящий в действие речевые сигналы единства текста (напр., *ключевые слова и их повторы*) (Сахарный 1994).

Хорошо известно, что *целостность и связность* относятся к основным текстовым категориям (целостность – это единство текста, способность существовать в коммуникации как внутренне и внешне организованное целое; связность заключается в содержательной и формальной связи частей текста). Авторский выбор соответствующего *конгломерата ключевых слов, концептов, «форс-слов»* (термины могут быть различными в зависимости от исторического периода и предпочтений исследователя) составляет, по нашему мнению, уникальный, присущий только конкретному автору идиостиль, выделяющий его (с разной степенью успешности) среди себе подобных. Именно эту *«стилистическую целостность, завершенность и себестождественность* (курсив наш – А.М.) каждого текста, т. е. его топохроно-телео-аксиологию, принято рассматривать прежде всего как отдельный «филологический факт» в истории литературы» (Полубиченко 1991:13).

Художественные концепты (в иной терминологии *ключевые слова*), отражающие индивидуальную художественную картину мира конкретного писателя или поэта, не просто являются её фрагментами, а играют роль главных элементов. Они отражают основы мировосприятия и мировоззрения автора, действие которых распространяется на отдельное художественное произведение, их совокупность или на все творчество писателя или поэта (Бабарыкова 2007).

Так же как и в случае с концептами, не существует единой точки зрения ученых по поводу научной классификации ключевых слов. Некоторые из них

(Matorê 1973) относят «слова-ключи» (всех рангов) к лексике. Другие (Coseriu 1973) – только к социологии и культуре. Третьи (например, Р.А. Будагов) считают, что «слова-ключи» связаны как с культурой данного общества (т. е. социологией), так и с лексическим составом (т. е. языком).

По терминологии Р.А. Будагова степени «выделяемости» и оригинальности различных авторских ключевых слов могут варьироваться в самой различной степени. При этом автор видит три основных категории этой «выделяемости» (минимальной, «выделяемости» в пределах большего контекста и то, что распространяется на целое художественное произведение) (Будагов 1971).

По мнению автора, следует отдельно рассматривать общеязыковую (ограниченную рамками времени) «выделимость» ключевых слов, которую условно можно назвать «выделимость» первого рода, а к «выделимости» второго рода отнести «выделимость» жанровую (контекстную). «Выделимость первого рода, – пишет Р. Будагов, – выступает не как фактор лексики, а как фактор “неповторимого контекста”, вне которого нет и выделимости данного слова» (Будагов 1971:40).

Л.М. Романчук считает, что в кипплинговской поэзии преобладает второй и третий тип выделимости ключевых слов. А уже в авторском контексте эпохально-проблемное звучание появляется у таких ключевых слов, как *Восток, Запад, Дом, свобода, война, мир* и т. д. Автор также считает, что ключевые слова произведений Р. Киплинга еще не становились объектом системного исследования в отечественной лингвистике (Романчук <http://www.romch.org/1/Kipling.htm>). Вслед за данным ученым мы выделяем *ключевые образные ряды* контрастных антиномий, на которых базируется поэзия Р. Киплинга, и которые прослеживаются практически в каждом его стихотворении: *Запад – Восток, Юг – Север, цивилизация – природа, белый – туземец, строительство – разрушение, король – вассал, казарма – воля, поэтическое – прагматическое, победа – поражение, смерть – жизнь, смелость –, христианство – иноверцы, свой – чужой, героизм – преступление, реальность – иллюзии* и др. Многие из этих рядов являются

типичными «ключами» романтической системы: *рай/ад, этическое/неэтическое, красивое/безобразное, дом/изгнание, жизнь/смерть, природа/цивилизация* и др.

Перечисленные категории также входят в 25 отобранных Л.В. Потураевой основных понятий английского романтизма (Потураева 1979).

При этом основной набор ключевых слов (понятий) приобретает у Р. Кипплинга некую особенную «туземную» окраску. «Кипплинговские образы, кроме прямого значения, обладают известной метонимией и символикой. Как правило, они не конкретны, а употребляются в собирательном смысле. Так, *киплинговский солдат («томи»), король, вассал, полковник* – безличны, они скорее суть выражение определенных правил и отношений: *солдат – армии, войны, король – средневекового рыцарства* или вневременной символики, *полковник, генерал – дисциплины, порядка*. Аналогичной символической нагрузкой обладают и иные кипплинговские образы, встречающиеся, как правило, вместе со своими антиподами» (Романчук).

Трактовка ключевых кипплинговских образов и соответствующих им концептов обычно проводилась в направлении противостояния *идеологических симпатий* автора и его художественных наблюдений, приводящего к сложным сочетаниям доброго-злого, поэтического и прагматического.

По мнению Г.Г. Слышкина, именно такая *совокупность ключевых концептов* политической идеологии составляет систему *концептуально оформленных представлений* (курсив наш – А.М.), идей и взглядов на политическую жизнь, особый способ объяснения мира политики, в основе которой лежат ценности, позитивные ориентации на те, или иные политические явления, процессы, структуры. Как и онтологические единицы, концепты политических ориентаций относят к числу автохтонных, т. е. сформировавшихся исторически в пределах данного вида дискурса и регулярно в нем воспроизводимых (Слышкин 2000).

А.А. Долинин, рассматривая совокупность ключевых кипплинговских образов и концептов, находит их связь с «изначальными категориями и символами». Несколько упрощая кипплинговскую модель, он, по сути, тем самым одновременно расширяет ее применимость на различных уровнях, усматривая в ней некую всеобщую схему. «Хотя, – пишет автор, – предложенная Кипплингом модель мира крайне проста и сводит человека и универсум к набору элементарных категорий, сами эти категории (жизнь – смерть, порядок – хаос, сила – слабость, действия – пассивность, знание – неведение, корпорация – одиночество, цивилизация – природа) образуют сетку координат, которую, в принципе, любая культура может признать «своей». Сейчас, когда Британская империя... канула в Лету, мы без особого труда узнаем в ней метафору, заменяющую в мифе понятие высшего авторитета и точно так же с легкостью «вчитываем» наши собственные значения в остальные кипплинговские категории» (Долинин 1989:16).

Именно этот «набор элементарных категорий», выраженный ключевыми концептами, становится интегрирующей текстовой доминантой, цементирующей тексты Р. Кипплинга, обеспечивает их целостность.

На основе анализа достаточно большого количества (более 500) оригинальных поэтических и прозаических текстов автора мы считаем возможным, с известной степенью условности, выделить четыре основные группы концептов, релевантных для индивидуально-авторской картины мира Р. Кипплинга:

- *философские*: «жизнь», «смерть», «добро», «зло», «судьба»;
- *политические*: «империя», «власть», «государство», «флаг», «закон», «Восток – Запад»;
- *натуралистические* (характеризующие природу): «природа», «пейзаж», «растительный мир», «животный мир», «времена года»;
- *эмоциональные*: «чувство», «любовь», «ненависть», «одиночество», «страх» и др. Проиллюстрируем некоторые из них.

В философской антропологии есть утверждение, что философия начинается именно там, где встает вопрос о смерти и том, как освободиться,

преодолеть ее. Так, концепт «смерть» ставится в центр философского осмысления жизни. Анализ фактического материала показал, что феномены «жизнь» и «смерть» занимают важное место в поэтической картине мира Р. Киплинга.

Чрезвычайно насыщенная событиями жизнь самого Р. Киплинга (от газетчика в Индии до сборщика материалов для книг в Африке), встречи (порой не без конфликтов) с огромным количеством людей, имеющих самый различный культурный «бэкграунд» во всех частях света, порой посылали автора на самые опасные приключения и передраги, многие из которых угрожали и самой жизни, что, безусловно, нашло отражение в его произведениях. Например, рассказ «С часовыми» в сборнике «Три солдата», посвященный «строителям империи» – простым людям в солдатских мундирах, рядовым колониальной армии (R. Kipling. *Soldiers Three. With the Main Guard*, 1988).

- «Each does ut his own way, like makin' love,' said Mulvaney quietly; 'the butt or the bay'nit or the bullet accordin' to the natur' av the man. Well, as I was sayin', we shtuck there breathin' in each other's faces and swearin' powerful ... An' who are you that's so anxious to be kilt?' sez I, widout turnin' my head, for the long knives was dancin' in front like the sun on Donegal Bay whin ut's rough. “We've seen our. dead,” he sez, squeezin' into me; “our dead that was men two days gone! An' me that was his cousin by blood cud not bring Tim Coulan off! Let me get on,” he sez, “let me get to thim or I'll run ye through the back!» (R. Kipling. *Soldiers Three. With the Main Guard*.)
- «Каждый дерется и каждый любит по-своему, – спокойно произнес. – Каждый выбирает то, что ему по характеру: один – приклад, другой – штык, третий – пулю. Ну, как я уже говорил, мы стояли на месте, дышали друг другу в лицо и жестоко бранились ... А кто вы такой? И почему вам так хочется быть убитым? – спросил я, не оборачиваясь, потому что длинные ножи патанов прыгали передо мной и блестели,

как солнце на волнах Донегаляского залива в бурную погоду. – Мы видели наших мертвых товарищей, – ответил он, прижимаясь ко мне, – товарищей, которые были живы два дня тому назад. И я, двоюродный брат Тима Коулена, не мог унести его! Дайте мне протиснуться вперед, добраться до них, не то я ударю ножом в вашу спину и прокалю вас насквозь» (Киплинг, 2012, том 1:430-431).

Своих политических пристрастий «железный Редьярд» никогда не скрывал. Его идеи, увлекшие многих, были весьма просты: Империя превыше всего, англосаксы призваны нести свет цивилизации другим народам, долг англичанина – беззаветно служить родине. Блок политических концептов «империя», «власть», «государство», «флаг», «закон» и т. п. неизменно ассоциируется с его творчеством (The English Flag).

«...What is the Flag of England? Winds of the World, declare!
The North Wind blew:—"From Bergen my steel-shod vanguards go;
"I chase your lazy whalers home from the Disko floe;
"By the great North Lights above me I work the will of God...
..."What is the Flag of England? Ye have but my bergs to dare,
"Ye have but my drifts to conquer. Go forth, for it is there!"
..."What is the Flag of England? Ye have but my sun to dare,
"Ye have but my sands to travel. Go forth, for it is there!"
... "What is the Flag of England? Ye have but my breath to dare,
"Ye have but my waves to conquer. Go forth, for it is there!"»
(The English Flag)

«... Что такое Английский Флаг? Ветры мира, дайте ответ!
И Северный молвил:
«У Бергена знает меня любой,
От острова Диско в Гренландии мною гоним китобой,
В сиянье полярной ночи, веленьем Божьей руки...
... Что такое Английский Флаг? Меж айсбергами пройди,

Отыщи дорогу в потемках: Юнион Джек – впереди! ... »

Что такое Английский Флаг? Жизни не пощади,

Пересеки пустыню: Юнион Джек – впереди!»

... Что такое Английский Флаг? Решайся, не подведи –

Не страшна океанская ширь, если Юнион Джек впереди!»

(Р. Киплинг. Английский флаг. Пер. Е. Витковского. 2003).

В чеканных строках киплинговских стихов воплощена концепция человека и мира, которому он и обязан репутацией «железного Редьярда». Это императив активного действия, культ мужества, идея добровольной подчиненности и служение Закону. На какое-то время эти «азбучные истины» совпали с всеобщими умонастроениями, с веяниями эпохи, но уже в конце девяностых годов прошлого века, когда наметился разрыв между официальной идеологией и либеральными устремлениями большей части английской интеллигенции, шовинистические гимны и проповеди «права сильных» начали резать слух, а упорное нежелание Киплинга идти в ногу со временем навлекло на него раздражение былых единомышленников.

Языковая картина мира в значительной степени детерминирует взаимоотношения человека и окружающего мира (в частности это проявляется в его отношении к природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к нему.

Концепт «Природа» в произведениях Р. Киплинга выражается различными лексическими средствами – это метафоры, сравнения, олицетворение, синонимы, противопоставления, контрасты, эпитеты. Лексические составляющие концепта относятся к тематическим группам: «Времена года», «Время суток», «Атмосфера, атмосферные явления», «Погода», «Растительный мир, деревья», «Животный мир, птицы», «Пейзаж», «Пространство», «Настроение». Пейзажи Р. Киплинга легки и музыкальны. Преобладание звуков [н] и [л], которые доминируют в слове «Мандалей», и в подлиннике создаёт необходимую эвфонику, служит ключом к ней (Бетаки).

«... By the old Moulmein Pagoda lookin' lazy at the sea,
 There's a Byrma girl a settin', and I know she thinks o' me
 For the wind is in the palm-trees,
 And the temple-bells they say
 Come you back, you British soldier,
 Come you back to Mandalay!»

«Смотрит пагода Мультмейна на залив над ленью дня.
 Та девчонка в дальней Бирме, верно, помнит про меня.
 Колокольчики лопочут в блеске пальмовых ветвей:
 Эй, солдат, солдат британский,
 Возвращайся в Мандалей!»

Являясь средством человеческого общения, язык фиксирует и выражает не только рациональное – мысли, идеи, но и эмоции, чувства – сферу эмоциональной деятельности человека (Фомина 1996:18). «О чем пишут поэты? Они в основном пишут об *эмоциях*, том опыте, который придает цвет, значение и интенсивность нашей жизни» (Lahey 2001:387). Поэтому неудивительным является тот факт, что эмоциональные концепты, которыми, безусловно, пронизаны все его произведения, занимают значительное место в поэтической картине Р. Киплинга,.

Таким образом, ключевые слова и лексические концепты являются очень близкими по смыслу понятиями. Несмотря на различную трактовку их значения разными исследователями, корневое (сущностное) содержание во многих аспектах полностью совпадает или находится очень близко. В трактовке современной лингвистики *концепт* – это единица сознания (ментальная единица), которая обозначается словом (фразеологизмом, составным наименованием и др.). Наибольший интерес для науки представляют концепты, отражающие важнейшие элементы национального политического сознания. Концепт можно рассматривать как главную структурную культурную единицу в ментальном мире человека.

Содержание концепта значительно шире содержания, обозначающего данный концепт слова (термина), поскольку в содержание концепта входят не только понятийные, но и эмоциональные, ценностные, культурно-исторические и образные компоненты. Специфика концептуального анализа выражается в обращении к структурам и единицам ментальной деятельности человека. Концептуальная картина мира проецируется на лексическую систему, определяя языковую картину мира, получающую отражение в тексте. Концептуальный анализ дополняется приемами выделения лексико-семантических и тематических групп.

Возможности концепта тем обширнее, чем разнообразнее культурный опыт человека, систематизированный в определенном «наборе элементарных категорий». Выраженный ключевыми концептами этот набор становится интегрирующей текстовой доминантой, цементирующей тексты Р. Киплинга и обеспечивает их целостность.

2.2 Семантико-синтаксические и лингвостилистические экспрессивные средства и приемы в работах Р. Киплинга

Соотечественники, оценивая Редьярда Киплинга, говорили, что это «писатель, чьи слова вошли в наш язык». Его слова, действительно, помимо нашей воли, вошли в язык повседневного общения миллионов людей в виде имен нарицательных и крылатых выражений. Зачастую люди, произнося их, даже не догадываются, что цитируют Р. Киплинга (Урнов 1983).

Константин Паустовский так писал о Р. Киплинге: «Талант его был неистощим, язык точен и богат, выдумка его была полна правдоподобия, все его поразительные знания, вырванные из подлинной жизни, во множестве сверкают на страницах его книг» (цит. по: Безелянский 2011). Его гениальность заключается в том, что в умной, рассудительной, захватывающей по стилю и красоте и одновременно восхитительной по *концентрированности впечатлений и эмоций* поэзии и прозе ему удается

сочетать самые разнообразные темы самоидентификации личности, проблемы культурных и духовных различий, вопросы природы, судьбы и удачи.

Эмоциональность является важнейшей составной частью человеческой жизнедеятельности, так как вместе с интеллектом она является одной из главных составляющих психики личности, образует её важнейшую сущность. С.Л. Рубинштейн отмечает, что «чувства человека отражают строение его личности, выявляя её направленность, её установки; что оставляет человека равнодушным и что затрагивает его чувства, что его радует и что печалит, обычно ярче всего выявляет – а иногда выдает – истинное его существо» (Рубинштейн 1993:163). Особенностью эмоций является ещё и тот факт, что описание отдельных субъектов языковыми средствами невозможно отделить от субъекта, отражающего их.

В.И. Шаховский подчеркивает в этой связи, что «... эмоции как психическое явление отражают (то есть воспроизводят) в сознании человека его эмоциональные отношения к миру. Эти эмоциональные отношения являются хотя и субъективными, но социально осознанными и потому в определённой степени типизированными. ... Отсюда и важность лингвистического подхода для осуществления феноменологической категоризации эмоций» (Шаховский 2008:6-7).

Эмоции (от лат. *emoveo* – волную, возбуждаю) являются отдельным классом психических состояний и процессов, которые тесно связаны с мотивами поведения, инстинктами и разнообразными потребностями, и которые в форме непосредственного переживания выражают значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности (Социология: Энциклопедия 2003).

Н.Н. Орлова считает, что эмоции, «являясь одной из форм отражения действительности, составляют неотъемлемую часть человеческого существования и играют значительную роль в жизни людей. В процессе познания объектов и явлений реальной действительности мы реагируем на них, проявляем свое отношение в разных оценках, чувствах, что, несомненно, находит свое выражение в языке» (Орлова 2009: 5). Таким образом, изучение

способов отражения эмоций в языке и отражения принятых в данном языковом сообществе представлений о положительности/отрицательности эмоций приобретает особую значимость с точки зрения дальнейшей разработки лингвистических методов изучения эмоциональности.

Существует два подхода к изучению эмоций, один делает упор на мыслительные и познавательные процессы, другой – на значение ощущений и чувств. При этом и тот и другой находят соответствия в наших установках и жизненном опыте. Философы и психологи разрабатывают как первую, так и вторую точку зрения на эмоции. При этом некоторые рассматривают эмоции в основном как чувства, а мнения и мысли – в качестве им сопутствующих.

На наш взгляд, лучшим приемом изучения взаимоотношений между эмоциями и мыслительным процессом является анализ способов их выражения в языке. Исследованию этих проблем посвящены работы многих известных лингвистов (Л.Г. Бабенко, А.Г. Баранов, А. Вежбицкая, Е.Н. Винарская, Е.М. Вольф, И.Р. Гальперин, А.А. Залевская, С.В. Ионова, Л.А. Калимуллина, Н.А. Красавский, А.А. Леонтьев, М.В. Маркина, Е.Ю. Мягкова, И.П. Павлючко, С.Ю. Перфильева, Л.А. Пиотровская, Е.Ф. Тарасов, С.Л. Фесенко, В.И. Шаховский и др.), подтверждающих тот факт, что данная тематика находится в числе приоритетных в эмотиологии и антропологической лингвистике, а также является предметом пристального внимания и наблюдения во всех языковых подсистемах.

И.В. Островская справедливо отмечает, что «выявление универсальных эмоций и описание связанных с ними слов и выражений дает бесценный ключ к пониманию культур и обществ. ... Изучая различия в восприятии и дифференциации слов, обозначающих эмоциональные состояния, можно составить представления о ценностных ориентациях относительно личности в культуре» (Островская 2006: 31-32).

Известно мнение Л. Шпитца о том, что некоторая эмоциональность характеризует обычные состояния сознания и даже «предшествует когнитивным процессам» (цит. по: Изард 1980). Когнитивная теория эмоций рассматривает их как функцию разума. Так, К. Шерер говорит о когнитивных

эмоциях (Sherer 1986), Фр. Данеш пишет: «когниция вызывает эмоции, так как она эмоциогенна, а эмоции влияют на когницию, так как они вмешиваются во все уровни когнитивных процессов» (Danes 1987: 31). На этих же позициях стоят У. Грей (Gray 1973), А. Ортони, Дж. Клор и А. Коллинз (Ortony, Clor, Collins 1988). По мнению Ш. Балли, индивидуальность составляют не идеи, а эмоции, чувства, желания, стремления – «все, что стимулирует нас к действию, все, из чего складываются не зависящие от рассудка темперамент и характер» (Балли 1955:23). Е.И. Базалук считает, что это исходное положение у всех исследователей имеет общее уточнение: эмоции – особая, своеобразная форма познания и отражения действительности, так как в них человек выступает одновременно и объектом, и субъектом познания, т. е. эмоции связаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности. Роль человека, создателя и преобразователя языка, выражает в первую очередь чувства, хотя в речи чувство не всегда отражено отчетливо и в равной степени (Базалук 2010).

Так, многогранная личность Редьярда Киплинга своеобразно отражается в экспрессивности языка его произведений, что находит свое выражение во всех его компонентах: *фонетике, лексике, синтаксисе*. В.П. Эфроимсон в книге «Генетика этики и эстетики» замечает, что «умение сконцентрировать в одном стихотворении и целую жизненную философию и целые исторические концентрации, как это сделал Р. Киплинг в стихотворениях “Мэри Глостер”, “Бремя белых”, “Заповедь”, умение дать в нескольких страницах целую энциклопедию – это и есть поэзия, кратчайший путь к эмоциональному впечатляющему познанию (выд. нами – А.М.)» (Эфроимсон 2004).

Особенности звукового строя языка, как специальный раздел стилистики, изучает фоника, которая занимается исследованием звуковой организации поэтической речи, выделением типичных для того или иного языка лингвистических благозвучий. При этом также рассматриваются всевозможные способы и приемы фонетической выразительности речи,

способствующие благозвучию национального языка, выявляются характерные для каждого национального языка условия благозвучия. Исследование разнообразных приемов усиления фонетической выразительности речи, в первую очередь, касается рассмотрения *ритма, рифмы, аллитерации, ассонанса* и других средств.

Например, *ритм* может имитировать *движение, поведение, обстановку*, как в знаменитом стихотворении Р. Киплинга о шагающих по африканской пыли солдатах (Boots (Infantry Columns). R. Kipling. Poems, Short Stories. 1983).

«We're foot-slog-slog-slog-sloggin' over Africa –
Foot-foot-foot-foot-sloggin' over Africa –
(Boots-boots-boots-boots-movin' up an' down again!)
There's no discharge in the war!

Seven-six-eleven-five-nine-an'-twenty mile to-day –
Four-eleven-seventeen-thirty-two the day before –
(Boots-boots-boots-boots-movin' up an' down again!)
There's no discharge in the war!»

(Boots (Infantry Columns). R. Kipling. Poems, Short Stories. 1983).

«День – ночь – день – ночь – мы идём по Африке,
День – ночь – день – ночь – всё по той же Африке.
(Пыль – пыль – пыль – пыль – от шагающих сапог.)

Нет сражений на войне.

Восемь – шесть – двенадцать – пять – двадцать миль на этот раз,
Три – двенадцать – двадцать две – восемьдесят миль вчера.
(Пыль – пыль – пыль – пыль – от шагающих сапог.)

Нет сражений на войне»

(Пыль (Пехотные колонны). Р. Киплинг, пер. А. Оношкович-Яцыны, 1922).

Другим эффективным способом достижения эмоциональной звуковой гармонии (без рассмотрения рифмы как отдельного приема) считается определенное чередование согласных и гласных звуков (аллитерация, ассонанс). Существует несколько подходов к определению аллитерации. По общеизвестному мнению западных лингвистов, *аллитерация* рассматривается как повтор согласных и гласных звуков в начале близко расположенных ударных слогов. В то время как отечественные лингвисты называют аллитерацией повтор согласных в любых позициях, а *ассонансом* – повторение ударных гласных внутри строки или фразы. В любом случае общая фонетическая окраска текста создается выделяющимися (выдвинутыми) на общем фонетическом фоне близко расположенными повторами. Выдвинутость этих элементов сообщает им ритмическую роль, которая оказывается тем более заметной, чем теснее они расположены. Близость повторяющихся звуков, по терминологии Ю.Н. Тынянова, называется теснотой ряда (Тынянов 2007).

Как в поэзии, так и в прозе возможны смежные звуковые повторы, расположенные цепочкой и создающие *эмоциональную приподнятость и выразительность*. Е.Д. Поливанов считает, что материалом в подобных повторах могут быть не только метр и ритм, но и различные другие фонетические представления (Поливанов 1963).

Аллитерация имеет особое значение для английского языка, поскольку англосаксонский стих был *аллитерационным*. Она выполняла функцию своеобразного метронома произведения – неударные слоги (сколько бы их ни было) проговаривались за примерно одинаковые интервалы времени: быстро, если их было много, и медленно, если их было мало. В таких условиях начало ударного слога было самым важным участком слова, и аллитерация подчеркивала именно эти функционально значимые точки стиха (Смирницкая из примечаний к Беовульфу 1975). Именно аллитерация в понимании западных лингвистов – характерная черта многих поэтических произведений Р. Киплинга (Kipling. The Mary Gloster. 1894).

«I've paid for your sickest fancies; I've humoured your crackedest whim --
 Dick, it's your daddy, dying; you've got to listen to him! ...
 Not counting the Line and the Foundry, the yards and the village, too,
 I've made myself and a million; but I'm damned if I made you.
 Master at two-and-twenty, and married at twenty-three --
 Ten thousand men on the pay-roll, and forty freighters at sea!
 Fifty years between 'em, and every year of it fight,
 And now I'm Sir Anthony Gloster, dying, a baronite...»
 (Kipling. The Mary Gloster. 1894).

«Я платил за твои капризы, не запрещал ничего.
 Дик! Твой отец умирает, ты выслушать должен его.
 Доктора говорят — две недели. Врут твои доктора,
 Завтра утром меня не будет... и... скажи, чтоб вышла сестра.
 Не видывал смерти, Дикки? Учись, как кончаем мы,
 Тебе нечего будет вспомнить на пороге вечной тьмы.
 Кроме судов, и завода, и верфей, и десятин,
 Я создал себя и миллионы, но я проклят — ты мне не сын!
 Капитан в двадцать два года, в двадцать три женат,
 Десять тысяч людей на службе, сорок судов прокат.
 Пять десятков среди них я прожил и сражался немало лет,
 И вот я, сэр Антони Глостер, умираю — баронет!»
 (Киплинг. Мэри Глостер. Перевод А.И. Оношкович-Яцыны и Г.С. Фиша.)

В данном отрывке обращает на себя внимание тот момент, что во многих сочетаниях представлены звуки [n], [m], [l], [d].

Следует также отметить, что в замечательных сказках Р. Киплинга аллитерация характеризует артикуляционные особенности практически каждого персонажа. Так, удав Каа часто использует в своей речи шипящие и свистящие звуки, а также открытые гласные:

«Hah! Said Kah with a chuckle...»

«Stay you asso! Kaa hissed, and the city was silent once more...»

(Kipling. Kaa's hunting. The Jungle Books. 1994:50)

Из биологии известно, что пантеры в отличие от львов и тигров не издают громких звуков, а переходят на глухие и аспираторные. Р. Киплинг использует эту особенность при оформлении речи Багиры-пантеры акцентируют при этом звуки [t] и [ð]:

«Well, look to it then that thou do not kill the man-cub», — said Bagheera...

«Get the man-cub out of the trap; I can do no more, Bagheera gasped. «Let us take the man-cub and go. They may attack again» (там же).

Ещё одной отмеченной особенностью «сказочного» творчества Р. Киплинга является обильное использование аллитерации в сочетании с синонимическими рифмованными повторами и яркими эпитетами, что также способствует особой звуковой и интонационной выразительности. Так, в сказке «The Elephant's Child» аллитерация сопровождается эпитетами и синонимическими рифмованными повторами: «the great grey-green, greasy Limpopo River», «scalesome, flailsome tail», «musky, tusky mouth», «slushy – squshy», «scalesome, flailsome tail», «a mere-smear nose» и другие (Kipling. Just So Stories. 1902).

Таким образом, сформированные неологизмы впоследствии вошли в словарный фонд английского языка как устойчивые словосочетания: «a man of infinite-resource-and-sagacity» – «человек безграничной мудрости и изобретательности» (Kipling. How the Whale Got His Throat. Just So Stories.1902), «In the High and Far-Of Times» – «в давние-предавние времена» (Kipling. How the Elephant got his Trunk. Just So Stories.1902) и многие другие.

В своем достаточно продуктивном словотворчестве Р. Киплинг всегда следовал им же сформулированному правилу – *слова*, когда произносишь их, должны привлекать слух, а если они разбросаны по странице – привлекать взгляд. Поэтому эмоциональный эффект в сравнении с другими объектами номинации определяется также многообразием языковых средств его

проявления, которые объединяют как фонетические, так и лексические средства, синтаксические конструкции, порядок слов и особые интонационные рисунки, используемые для передачи всей гаммы эмоциональных состояний.

В прошлом столетии о вопросах языковых средств выражения эмоций писали Ж. Вандриес (1937), Ш. Балли (1961), А. Сеше (2003). Интересным нам представляется деление всех экспрессивных стилистических средств на аффективные и логические, предложенное Ш. Балли. В то же время Ж. Вандриес писал о том, что уровень эмоциональности высказывания увеличивается при употреблении эмоциональной лексики. А по мнению А. Сеше, эмоциональность может разрушить синтаксическую структуру высказывания.

В этой связи возникает вопрос: «Можно ли рассматривать эмоциональную насыщенность не как нарушение языковых норм, а как необходимый элемент некоторых сторон высказывания, которые имеют четкие языковые характеристики? Видимо, механизм проявления эмоций в речи состоит в том, что некоторым специализированным средствам языка присуща передача эмоций совместно с основной информацией» (Смысловое восприятие речевого сообщения 1976:229). По нашему мнению, выразительные, то есть эмоциональные, параметры слов связаны в первую очередь с их семантикой, а также с соответствующими коннотационными смыслами. Эмотивный смысл, по мнению В.И. Шаховского и В.В. Журы, представляет собой «семантическую категорию, своеобразие которой в большой степени зависит от индивидуальности своего «создателя», его жизненного опыта и эмоционального настроения» (Шаховский, Жура 2002:38).

В эмоциональную лексику, как правило, входит лексика, имеющая чувственную составляющую. В этой связи можно говорить о том, что практически любое слово в определенном контексте может быть эмоционально окрашено и нести дополнительную информацию о говорящем и об объекте речи.

Е.И. Базалук, основываясь на том, что эмоциональность является частью семантики слова, то есть входит составной частью в его лексическое значение, выделяет три основных группы лексических эмотивов:

- слова, экспрессивно-эмоциональная окраска которых возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки;

- многозначные слова, которые в своем прямом значении стилистически нейтральны, однако в переносном значении наделяются яркой эмоциональностью;

- слова, в которых эмоциональность достигается аффиксацией (Базалук 2010:65).

По мнению автора, в первую группу входят слова с «прямой оценочностью», в которой просматривается личное отношение говорящего к теме разговора, и поэтому быть нейтральными не могут уже изначально. Семантика слов, относящихся к данной категории, совершенно однозначна и явно отражена.

Так, характеризуя Мейзи, главную героиню романа «Свет погас» (Kipling. *The Light That Failed*. 1891), Р. Киплинг выбирает ключевую характеристику её образа как «self-contained» (замкнутая, необщительная, самодостаточная), что определенным образом подчеркивает характер этой девушки и весь сюжет знаменитого романа:

- «The autumn of one year brought him a companion in bondage, a long-haired, gray-eyed little atom, as *self-contained* (выд. автором) as himself, who moved about the house silently and for the first few weeks spoke only to the goat that was her chiefest friend on earth and lived in the back-garden» (Kipling. *The Light That Failed*. 1891);
- «Однажды осенью, приехав на каникулы, Дик обнаружил, что он уже более не одинок в своём заточении, потому что в доме он застал длинноволосую сероглазую малявку, которая была так же замкнута в себе, как и он сам, жила в доме, не говоря ни слова, и в первые недели

водилась только с козлом, единственным своим другом на всем белом свете, обитавшим в садике на задворках» (Киплинг).

Самодостаточность и отчужденность Мейзи, как её основная черта характера, в конечном итоге, и стала причиной всех эмоциональных переживаний и трагедии главного героя.

Л.Л. Нелюбин считает, что «эмоциональное значение может существовать в слове либо самостоятельно, либо вместе с предметно-логическим значением, либо контекстуально» (Нелюбин 2007:103), поэтому ко второй группе можно отнести слова, характеризующиеся стилистической нейтральностью, которые лишь в определенном контексте могут быть «нагружены» определенной долей эмоциональности.

В качестве примера можно привести «нейтральное» слово «вода», которое в контексте разговора о живописи персонажей романа Р. Киплинга «Свет погас» (там же) приобретает личностно-эмоциональную окраску:

- «'H'm!' said Torpenhow, 'can't say I care for Verestchagin-and-water myself, but there's no accounting for tastes. Doing anything now, are you?» (там же);
- «Угм! – хмыкнул Торпенхау. – Лично я не поклонник *водянистой мазни* (курсив наш – А.М.) в духе Верещагина, но ведь о вкусах не спорят. Вы сейчас делом заняты, что ли?» (там же).

В третьей группе автор анализирует слова, получающие эмоциональный оттенок благодаря аффиксации, чаще всего с помощью суффиксов. Эта категория подробно описана в известной книге В.И. Шаховского «Лингвистическая теория эмоций», в которой, в частности, автор отмечает, что активность экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации в XX веке «объясняется прагматическими мотивами языкового сообщества. Деривационный «взрыв», наблюдаемый на протяжении последних десятилетий, привел к тому, что традиционно малопродуктивные *аффиксы* английского языка -dom, -nik, -ish, -able, -ible, -ness, -ee, -ship, -some, -

esee, un-, dis-, anti-, out-, be- и др. активно участвуют в современных словообразовательных процессах и образуют новые эмотивные единицы: Masscouberish (скряга), unclе Tottish (не протестующий), showmanship (умение себя показать); unkissable, unputdownable, blackmailee (жертва шантажа) (см. также большое гнездо эмотивных номинаторов с суффиксом -nik: sittingnik (горожанин); (no)goodwillnik (не)хорошо расположенный (человек); getalongnik, sexnik, awarenik, etc; TV-ese; planerese (с коннотацией презрительности)» (Шаховский 2008:85-86).

Большой словообразовательной активностью обладают также такие суффиксы, как -in: love-in, puff-in, talk-in, paint-; -rama: tomatorama, cleanarama, horrorrama; -athon: danceathon, talkathon; а также уже хорошо известные в сфере передачи эмотивности "старые" суффиксы: -ie,-ly: indee/die, quickie, whitle; -dom: filmdom, teacherdom, freckledom. etc; -ness: twinness, pigheadedness, hardupness, etc. Среди префиксов, используемых в данной сфере наиболее продуктивными считаются: anti-, be-, out- (там же).

Подобные *эмотивные единицы* самым продуктивным образом используются Р. Кипплингом во всём его многогранном творчестве. Так, в ниже цитируемом произведении «Свет погас»:

- «Dick had been under her care for six years, during which time she had made her profit of the allowances supposed to be expended on his clothes, and, partly through *thoughtlessness* (выд. автором), partly through a natural desire to pain, – she was a widow of some years anxious to marry again, – had made his days *burdensome* (выд. автором) on his young shoulders»;
- «Since she chose to regard him as a hopeless liar, but an economical and self-contained one, never throwing away the least unnecessary fib, and never hesitating at the blackest, were it only *plausible* (выд. автором), that might make his life a little easier»;

- «They fired in turns till the rickety little revolver nearly shook itself to pieces, and Amomma the *outcast* (выд. автором) – because he might blow up at any moment – browsed in the background and wondered why stones were thrown at him»;
- «There was a scene, not, for the sake of discipline, to be reported, when Mrs. Jennett would have fallen upon him, first for disgraceful *unpunctuality*, and secondly for nearly killing himself with a forbidden weapon»;
- «Mf!' said Maisie, sniffing the air. 'I wonder what makes the sea so *smelly* (курсив наш – А.М.)? I don't like it!' 'You never like anything that isn't made just for you,' said Dick *bluntly* (выд. автором)»;
- «He grunted disconsolately as the *vastness* (выд. автором) of the void developed itself» (Kipling. The Light That Failed. 1891).

Традиционно большим эмоциональным потенциалом обладают разнообразные формы лексических повторов. Совершенно очевидно, что с их помощью автор легко придает высказываниям героев дополнительную эмоционально-экспрессивную окрашенность:

«...*A veil 'twixt us* and Thee, Good Lord,
A veil 'twixt us (выд. автором) and Thee--
 Lest we should hear *too clear, too clear* (выд. автором),
 And unto madness see!» (Kipling. The Prayer of Miriam Cohen. 1893).

«Пусть вечно разделяет нас
 Глухой завесой Тьма,
 Чтоб Око Божие и Глас
 Нас не свели с ума»

(Киплинг. Молитва Мириам Коэн, пер. С. Степанова. 1989).

Неисчерпаемым источником выразительности также традиционно служат фразеологические сочетания, в которых автор не только образно и ярко описывает «объект», но и имеет все возможности выразить своё к нему отношение. Примерами авторской речи являются *фразеологические сочетания*, характеризующиеся образностью, экспрессивностью и эмоциональностью, что позволяет не только назвать предмет или явление, но и выразить определенное отношение к нему. Именно поэтому, по мнению В.В. Рожкова, «... в метафорах, выражающих индивидуальное видение мира, ведущую роль играют субъективные, образные и эмоциональные установки говорящего – автора метафоры. Силе образа и эмотивности в этом случае способствуют ассоциативная насыщенность метафоры и удаленность областей, к которым принадлежат ее компоненты, друг от друга» (Рожков 2007:49).

Фразеологические сочетания, будучи наделены большой потенцией экспрессивности и образности, часто могут быть использованы даже в их изначальном виде и привычном языковом окружении. Как, например, фразеологическое сочетание «паршивая овца в стаде» у Р. Киплинга в «Рикше-призраке» (Kipling. *The Phantom Rickshaw and other Eerie Tales*.1888).

- «Globe-trotters who expect entertainment as a right, have, even within my memory, blunted this open-heartedness, but none the less to-day, if you belong to the Inner Circle and are neither a Bear nor a *Black Sheep* (выд. автором), all houses are open to you, and our small world is very, very kind and helpful»;
- «Туристы, полагающие, что их право – встречать всюду радушный прием, совсем еще недавно злоупотребляли этим нашим простосердечием, однако и сейчас еще, если вы принадлежите к числу постоянно живущих здесь англичан и если вы не какой-нибудь грубиян или *паршивая овца в стаде* (выд. автором), двери всех домов открыты для вас и весь наш маленький мирок встречает вас приветливо, старается всячески вам помочь.

С другой стороны, фраземы часто используются в трансформированном виде или в необычном лексическом окружении, что позволяет увеличить их выразительные возможности. Приемы использования и творческой переработки фразеологических оборотов у каждого автора индивидуальны и довольно разнообразны. Так, например, Р. Киплинг в этом же произведении употребляет фразему «разбиться в лепёшку» в необычном контексте, семантически изменив ее:

- «The men who do not take the trouble to conceal from you their opinion that you are an incompetent ass, and the women who blacken your character and misunderstand your wife's amusements, will work themselves to the bone in your behalf if you fall sick or into serious trouble» (там же)»;
- «Мужчины, которые убеждены, что вы суший осел, и нимало не стараются от вас это скрыть, и женщины, которые всячески ругают вас за плохой характер и никак не могут примириться с привычками и вкусами вашей жены, разбиваются ради вас в лепешку, заболей вы или случись у вас какое несчастье» (там же).

Даже само понятие «метафора» оказывается в цитируемом произведении в самом неожиданном «лексическом окружении»:

- «The weather in India is often sultry, and since the tale of bricks is always a fixed quantity, and the only liberty allowed is permission to work overtime and get no thanks, men occasionally break down and become *as mixed as the metaphors in this sentence* (выд. автором)» (там же).
- «В Индии часто бывают очень душные дни, а так как число кирпичей, которые надо уложить за день, остается тем же, а единственная предоставляемая льгота – это возможность доделать урок в нерабочие

часы, то люди время от времени не выдерживают и срываются, как срываются сейчас метафоры у меня с языка» (там же).

Не меньший интерес в системе языковых средств выражения эмоций вызывают и соответствующие синтаксические структуры, отвечающие за эмоциональную сторону нашей речи. Н.Н. Орлова считает, что "синтаксическая экспрессивность" должна рассматриваться на нескольких уровнях в соответствии с целью высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные предложения и их типы); эмоциональной окраской (восклицательные предложения); количеством предикативных центров предложений (простые и сложные предложения) и количеством синтаксических позиций предикативного ядра (односоставные, двусоставные, эллиптические и неполные предложения); порядком слов (инверсия); статусом «аранжировочных» экспрессивных средств (повтор); наличием вставных и присоединительных конструкций (обращение, парцелляция, парентеза); пунктуационным оформлением эмоциональной интонации. При этом «семантические характеристики речевых актов при выражении различных эмоций с особой интенсивностью реализуются в предложениях со смешанными коммуникативно-установочными свойствами, т. е. предложения способны выражать дополнительные значения благодаря подвижности границ системы коммуникативных типов высказываний в контексте» (Орлова 2009:14-15).

В то же время некоторые исследователи считают синтаксические средства выразительности менее значимыми и менее заметными по сравнению с лексико-фразеологическими в силу того, что предложения и словосочетания, так или иначе, состоят из их конституирующих слов и, по этой причине, являются зависимыми от последних. Лексико-грамматические формы, словосочетания и предложения *соотносятся со словами* и в той или иной степени зависят от их семантики и стилистической окраски. Именно по этой причине некоторые исследователи (Плещенко, Федотова, Чечет 1999)

предпочитают говорить исключительно о семантико-синтаксических средствах выразительности.

Существует обоснованное мнение, что наибольший эффект выразительных возможностей синтаксиса достигается посредством широкого внесения в текст различных стилистических фигур речи, выстроенных в форме синтаксических конструкций (инверсии, параллелизма, антитезы, эпитифор, анафор, эллипсиса, градации, умолчания, многосоюзия, бессоюзия и других).

Прекрасной иллюстрацией этого положения может служить классическое стихотворение Р. Кипплинга «Если» (Kipling. IF. 1910).

- «If you can keep your head when all about you
Are losing theirs and blaming it on you,
If you can trust yourself when all men doubt you,
But make allowance for their doubting too;
If you can wait and not be tired by waiting,
Or being lied about, don't deal in lies,
Or being hated, don't give way to hating,
And yet don't look too good, nor talk too wise:

If you can dream - and not make dreams your master;
If you can think - and not make thoughts your aim;
If you can meet with Triumph and Disaster
And treat those two impostors just the same...»

«О, если ты спокоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг.
И если ждать умеешь без волнения,
Не станешь ложью отвечать на ложь,

Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым тебя не назовешь.

И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь твёрд в удаче и несчастье,
Которым, в сущности, одна цена».
(Киплинг. О, если... Пер. С. Маршака)

Не останавливаясь на подробном анализе этого гениального произведения, лишь отметим, что повтор параллельной сослагательной конструкции, начинающейся с «If you can...» в сочетании с глаголами, стоящими в позиции антитезы, создает эффект особого нарастающего эмоционального накала не только на семантическом, но и во многом на синтаксическом уровне.

Безусловно, наиболее распространенными и эффективными синтаксическими средствами выразительности, позволяющими одновременно запечатлеть своё собственное эмоционально-оценочное отношение к содержанию, у Р. Киплинга, как и у других авторов, являются восклицательные и вопросительные и предложения.

Вопросительные предложения (в том числе и риторические вопросы) автора, как правило, не только являются средством выразительности, но и служат привлечению внимания адресата, возбуждают у него особый интерес к произнесенному сказанному героем тексту.

Восклицательные предложения, в свою очередь отражают, в основном, как эмоционально-оценочное отношение к содержанию высказывания:

- «What is your caste? Where is your house? Have you come far?, Kim asked» (Kipling, Kim);
- «The Lord! The Lord! It is Sakya Muni himself,' the lama half sobbed; and under his breath began the wonderful Buddhist invocation ... 'And He is

here! The Most Excellent Law is here also. My pilgrimage is well begun.
And what work! What work!» (там же).

Особую роль в передаче эмоционального состояния автора играет нарушение порядка слов в синтаксической конструкции английского предложения – инверсия, которой Р. Киплинг пользуется достаточно часто. Очевидно, что обилие инверсионных конструкций объясняется тем, что под влиянием эмоций, а также с целью акцентирования мнения собеседника на определенном коммуникативно важном элементе говорящий выдвигает его на первый план, при этом инверсии могут быть подвергнуты почти все члены предложения, но особенно обстоятельства места, времени и образа действия (Базалук 2010).

При помощи инверсии автор акцентирует внимание адресата на определенных элементах высказывания. Особенно ярко инверсия проявляется в поэтическом творчестве Р. Киплинга. Например, в стихотворении «South Africa» (Kipling. South Africa. 1903):

Lived a woman wonderful,
(May the Lord amend her!)
Neither simple, kind, nor true,
But her Pagan beauty drew
Christian gentlemen a few
Hotly to attend her...

Что за женщина жила

(Бог ее помилуй!) -

Не добра и не верна,

Жуткой прелести полна,

Но мужчин влекла она

Сатанинской силой.

(Киплинг. Южная Африка, пер. Е. Витковского)

Немалый потенциал экспрессии также заложен в формах наклонения, особенно наклонения сослагательного:

If I were hanged on the highest hill,
Mother o' mine, O mother o' mine!
I know whose love would follow me still,
Mother o' mine, O mother o' mine!

If I were drowned in the deepest sea,
Mother o' mine, O mother o' mine!
I know whose tears would come down to me,
Mother o' mine, O mother o' mine!

If I were damned of body and soul,
I know whose prayers would make me whole,
Mother o' mine, O mother o' mine!

Вздёрнут меня на высоком холме,
Мама моя. О мама моя!
Знаю любовь, что верна будет мне.
Мама моя. О мама моя!

Или морской похоронит волной,
Мама моя. О мама моя!
Чьих тогда слёз будет соль надо мной?
Мама моя. О мама моя!

А проклянут если тело и душу,
Знаю, молитвы проклятье разрушат.
Мама моя. О мама моя!

(Киплинг. «О мама моя!», пер. С. Долгова)

Особый эмоциональный эффект в этом стихотворении Р. Киплинга (Kipling. *Mother o' Mine*. 1922), безусловно, также достигается использованием параллельной конструкции, звучащей как нагнетающий рефрен «If I were hanged...», «If I were drowned...», «If I were damned...».

Говоря об особенностях киплинговского синтаксиса, нельзя не упомянуть и специфику использования автором присоединительных конструкций, в частности обращений. Особенно часто они встречаются в его блестящих сказках. Так, к примеру, начинается, на наш взгляд, лучшая из них – «Кошка, которая гуляла сама по себе» (R. Kipling. *The Cat Who Walked by Himself*. 1902):

- «Hear and attend and listen; for this befell and behappened and became and was, *O my Best Beloved* (выд. автором), when the Tame animals were wild...»
- «Слушайте, и внимайте, и воспринимайте, ибо это случилось, и приключилось, и произошло, и было, О мои Самые Любименькие, когда Домашние животные были дикими».
(Киплинг. Кошка, которая гуляла сама по себе, пер. О. Дьяконова)
- «That night, *Best Beloved*, they ate wild sheep roasted on the hot stones...»
- «В тот вечер, Самые Любименькие, они ели дикого барашка, поджаренного на горячих камнях...».

(Киплинг. Кошка, которая гуляла сама по себе, пер. О. Дьяконова)

Употребление данной присоединительной синтаксической конструкции отражает особое личностное и прочувствованное отношение к слушателям по поводу наиболее существенных, по мнению автора, моментов, и также направлено на оказание эмоционального воздействия.

Предложенный анализ, безусловно, не претендует на исчерпывающую полноту описания всех семантико-синтаксических и лингвостилистических экспрессивных средств и приемов достижения эмоционального эффекта, а лишь проиллюстрировал те из них, которые, на наш взгляд, наиболее характерны для творчества Редьярда Киплинга.

Таким образом, изобразительно-выразительный потенциал любого языка – это относительно стабильная, значимая для всего общества система образных и экспрессивных средств языка. Семантические, как и стилистические средства, многозначны и вариативны, могут быть использованы в любых коммуникативно-речевых условиях, так как порождены человеком и как таковые способны передать самые тонкие чувства вследствие своих особых свойств.

Эмотивность может быть выражена при помощи различных категорий на различных уровнях и подсистемах языка и речи – фонетическом, лексическом и синтаксическом.

Эмоционально-выразительный эффект достигается в том числе и обычными, стилистически нейтральными языковыми инструментами. Выразительность речи может создаваться и самыми обычными, стилистически немаркированными языковыми единицами с помощью особо сформатированного контекста и функционально-стилевой окраски.

Все разноуровневые механизмы и способы вербального оформления эмоционального фона высказывания реализуются в речи в едином комплексе, создавая искомый автором уровень экспрессии и образности, о чём наглядно свидетельствуют приведенные образцы кипплинговских текстов.

Выводы по главе 2

Во второй главе нашего исследования рассматриваются ключевые слова и концепты как важнейшие средства формирования образов и целостного текста в творчестве Р. Киплинга, отражающие индивидуальную художественную картину мира автора; набор основных семантико-

синтаксических и лингвостилистических экспрессивных средств и приемов, использованных в его работах; на обширном материале оригинальных текстов автора изучается жанровое своеобразие, его обусловленность соответствующим жизненным этапам выдающегося мастера слова.

Изучение индивидуальной художественной картины мира писателей и поэтов, создающих в своих произведениях «вторую реальность», становится все более актуальным в когнитологии. Главным объектом исследования при этом становятся художественные концепты, ключевые слова как единицы творческого мышления автора и важный структурно-смысловой элемент созданной им художественной картины мира.

Ключевые слова формируют доминантные смыслы текстов и, будучи извлеченными из памяти индивида, занимают центральное место в определенной части высказывания. При этом данный термин используется и в случае описания словарного состава определенного исторического периода, для которого они были наиболее употребительны (что также могло рассматриваться в качестве известной стилистической характеристики данной эпохи), так же как и стиля конкретного автора или одного из им созданных произведений. Термин «концепт», также имеющий разнообразные трактовки, зачастую используется как синоним понятия или слова с его полной, объемной семантикой, но чаще наполняется более сложным содержанием, о чём свидетельствует приведенный в работе анализ соответствующих мнений многих специалистов в этой области

Признавая тот факт, что ключевые слова произведений Р. Киплинга еще не становились объектом системного исследования в отечественной лингвистике, нами предложены ключевые образные ряды контрастных антиномий, на которых базируется поэзия Р. Киплинга, и которые прослеживаются практически в каждом его произведении.

Созданная Редьярдом Киплингом *картина мира* выводит читателей за пределы индивидуального, единственного, исторически конкретного: в ней мало оттенков и полутонов, она универсальна, так как построена, как сам миф, и оперирует лишь исконными категориями и известными каждому

символами (*жизнь – смерть, победа – поражение, сила – слабость, день – ночь, свет – темнота, рай – ад, порядок – хаос, Бог – дьявол, действие – пассивность, знание – неведение, корпорация – одиночество, цивилизация – природа*). И это далеко не полный перечень типичных для творчества Киплинга противопоставлений, реализуемых на многих уровнях и влияющих на эмоциональное состояние читателей. Несмотря на то что предложенная Киплингом модель мира крайне проста и сводит человека и окружающий мир к набору этих элементарных категорий, они образуют систему ценностей, которую, в принципе, любая культура может признать «своей».

Именно этот «набор элементарных категорий», выраженный ключевыми концептами, становится интегрирующей текстовой доминантой, цементирующей тексты Р. Киплинга, обеспечивает их целостность. На основе анализа достаточно большого количества (более 500) оригинальных поэтических и прозаических текстов автора нами, с известной степенью условности, выделены четыре основные группы концептов, характерных для индивидуально-авторской картины мира Р. Киплинга: философские («жизнь», «смерть», «добро», «зло», «судьба»); политические («империя», «власть», «государство», «флаг», «закон», «Восток – Запад»); натуралистические характеризующие природу («природа», «пейзаж», «растительный мир», «животный мир», «времена года»); эмоциональные («чувство», «любовь», «ненависть», «одиночество», «страх») и др.

Содержание концепта значительно шире содержания, обозначающего данный концепт слова (термина), поскольку в содержание концепта входят не только понятийные, но и эмоциональные, ценностные, культурно-исторические и образные компоненты. Специфика концептуального анализа выражается в обращении к структурам и единицам ментальной деятельности человека.

Концептуальная картина мира проецируется на лексическую систему, определяя языковую картину мира, получающую отражение в тексте. Потенциал концепта соответствует диапазону кругозора и культурного багажа автора, систематизированного в определенном «наборе элементарных

категорий». Выраженный ключевыми концептами этот набор становится интегрирующей текстовой доминантой, цементирующей тексты Р. Киплинга, обеспечивает их целостность. Его гениальность заключается также в том, что в умной, рассудительной, захватывающей по стилю и красоте и одновременно восхитительной по концентрированности впечатлений и эмоций поэзии и прозе ему удается сочетать самые разнообразные темы самоидентификации личности, проблемы культурных и духовных различий, вопросы природы, судьбы и удачи.

Многогранная личность Редьярда Киплинга, многозначность и вариативность используемого им языкового арсенала своеобразно отражаются в системе образных и экспрессивных средств языка его произведений, что находит свое выражение во всех его компонентах: фонетике, лексике, синтаксисе и анализируется на конкретных примерах в нашей работе.

ГЛАВА 3 СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА: ЖАНРОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

3.1. Жанровые предпочтения в творчестве Р. Кипплинга

Важнейшим инструментом и составляющей социального взаимодействия автора с читателями является жанровая организация его творчества. Понимание жанра, занимающего особую роль в акте коммуникации, особенно принципиально в силу того, что именно в разных жанрах осуществляются разные типы вербального поведения автора. По мнению В.В. Смирнова, жанр – «категория историческая, он видоизменяется, эволюционирует, осваивая новое творческое пространство с изменением условий творчества, определяемых возможностями коммуникационного канала, а также общественно-политическими задачами» (Смирнов 2002:9).

Как отмечают В.Е. Гольдин и О.Н. Дубровская, жанр – это тип, форма, коммуникативная организация речевого действия и соответствующего речевого произведения либо представление, знание о типах, формах, коммуникативной организации речевых действий и соответствующих речевых произведений, но не сами эти действия и произведения (Гольдин, Дубровская 2002).

Понимание особой значимости жанрового оформления речи (авторских произведений) диктует большой интерес к этой сфере многих ученых. Так, М.М. Бахтин говорит о том, что проблема речевых жанров находится на стыке лингвистики и литературоведения, а также ещё многих не разработанных разделов филологии. Считается, что именно он заложил основы направления, получившего в языкознании название «жанроведение», которое находится на стыке лингвопрагматики, социолингвистики и стилистики и пользуется терминологией и методологией таких дисциплин, как риторика, психолингвистика и лингвистика текста. По М.М. Бахтину, каждое отдельное высказывание индивидуально, но каждая сфера

использования языка имеет свои относительно устойчивые типы таких высказываний, так как «речевые жанры более гибки, чем формы языка, но они предписаны говорящему, не создаются им, а даны» (Бахтин 1996:183-184).

Выделяя первичные и вторичные жанры, в качестве критерия, М.М. Бахтин выделяет простоту – сложность. К первичным, как правило, относят бытовое, межличностное общение, к вторичным – институциональное, публичное, официальное общение (Бахтин 1986; Гольдин 1997).

Первичные жанры, по мнению В.И. Карасика, – это жанры простые, сложившиеся в условиях непосредственного общения (реплики бытового диалога, частное письмо). К персональному дискурсу В.И. Карасик также относит публичную речь, аналитическую проблемную статью, заявление (Карасик 2000).

Вторичные (сложные) жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического» (Бахтин 1986:252).

В нашей работе мы предприняли попытку, в известной степени, инкорпорировать различные точки зрения на типологию жанров, которые были предложены В.И. Карасиком (2000), М.Л. Макаровым (2003) и другими исследователями, а также с учетом особенностей творчества Р. Киплинга на разных этапах яркой и насыщенной событиями жизни великого мастера, и на этой основе выделить следующий набор используемых им жанров от институционального до персонального, различия между которыми зачастую являются очевидно условными: *автобиографические произведения, статьи, газетные репортажи (очерки) в газете, путевые заметки, стихотворения, стихи для песен, рассказы, сказки, новеллы, романы, приключенческие повести, исторические документальные исследования и исторические рассказы.*

Особое место в творчестве каждого выдающегося автора, безусловно, занимают мемуары, которые так или иначе присутствуют во всех произведениях автора, отражающих самые различные этапы его яркой творческой биографии.

По определению в БСЭ, мемуары (франц. *mémoires*, от лат. *memoria* – память) – это воспоминания о прошлом, написанные участниками или современниками каких-либо событий. Создаются на основе личного опыта их авторов, осмысленного в соответствии с их индивидуальностью и общественно-политическими взглядами времени написания мемуаров. Основным источником сведений для них являются воспоминания авторов о пережитом, но наряду с ними порой используются различная документация, дневники, письма, пресса и т. п. Ценность мемуаров для науки определяется их конкретностью, способностью отразить личное отношение автора к событиям, в которых он участвовал (БСЭ электронный ресурс).

Мемуары – весьма многообразный жанр, во многом смыкающийся и пересекающийся с другими. Воспоминания, считает Ю.А. Кричун, способны восстановить множество фактов, которые не отразились в других видах источников. Мемуарные частности могут иметь решающее значение для реконструкции того или иного события. При этом воспоминания – это не только бесстрастная фиксация событий прошлого, это и исповедь, и оправдание, и обвинение, и раздумья личности. Поэтому мемуары, как никакой другой документ, субъективны. Это не недостаток, а свойство мемуаров, ибо они несут на себе отпечаток личности автора.

Все достоинства и недостатки мемуариста невольно переходят и на воспоминания. В противном случае мемуары безлики. Иногда в исторической литературе, в учебниках субъективность мемуаров если не оценивается открыто как недостаток, то, во всяком случае, подразумевается. Однако мемуары нельзя считать продуктом исключительно личностного происхождения. Они неизбежно несут на себе печать своего времени. Искренность мемуариста, полнота и достоверность его впечатлений зависят от той эпохи, в которой писались, во-первых, и публиковались, во-вторых,

мемуары. Немаловажное значение имеет и объект воспоминаний: событие или личность, о которых пишет мемуарист. Иногда это имеет решающее значение (Кричун 2011).

Во многом автобиографическая книга Редьярда Киплинга «Сталки и компания» (Rudyard Kipling. *Stalky & Co*, 1874-1894) повествует о пребывании мальчишек в частной английской школе-интернате, в которой, автор вспоминает, прошло его собственное детство и учеба. Книга была издана в 1899 году и долгое время в нашей стране была малоизвестной. В ней Р. Киплинг очень честно и с изрядной долей юмора рассказывает о замечательном мальчугане по имени Сталки и его лучших друзьях – ирландце Мактурке и Жуке, который всё время пишет стихи, и в чьём образе, безусловно, угадывается личность самого автора. Веселая компания друзей регулярно изобретает забавные «штучки», дабы раздосадовать «вредных» преподавателей и «выскочек» из других классов. Но делается всё это исключительно с целью собственной защиты и при соблюдении принципов собственного благородства и достоинства.

Достается всем, и младшим школьникам за доносы, и старшим за издевательства над младшими, и преподавателям за глупость и заносчивость. В ход идут как хитроумные ловушки, так и довольно изобретательное рукоприкладство. Книга захватывает читателя с первых же строк первого рассказа, названного «В засаде» (“In Ambush”):

- In summer all right-minded boys built huts in the furze-hill behind the College — little lairs whittled out of the heart of the prickly bushes, full of stumps, odd root-ends, and spikes, but, since they were strictly forbidden, palaces of delight. And for the fifth summer in succession, Stalky, McTurk, and Beetle (this was before they reached the dignity of a study) had built like beavers a place of retreat and meditation, where they smoked (Kipling, *In Ambush*).

- «Летом все толковые ученики строили на поросшем дроком холме за колледжем шалаши – хлипкие строения из колючих веток, с торчащими корнями и шипами, которые, поскольку подобное строительство строго запрещалось, представлялись дворцами наслаждений. И уже пятое лето подряд Сталки, Мактурк и Жук (это еще было до того, как они удостоились отдельной комнаты), уподобившись бобрам, строили себе убежище, где можно было поразмыслить и покурить» (Киплинг, В засаде).

В 1925 году в нашей стране опубликовали перевод этой книги, которая вышла под названием «Шальная компания». Перевод сделал Н.А. Пушешников – племянник И.А. Бунина. В 2013 году был найден перевод этого произведения, выполненный в 1960-е годы Аркадием Стругацким. Примечательным лингвистическим нюансом является прозвище главного героя – Stalky ([ˈsto:ki], букв. гибкий), что в переводе с английского дословно означает «проныра», «ловкач», «пройдоха». В переводе на русский язык это звучание сохранено не было и стало таким, каким мы все привыкли его слышать. Перевод Аркадия Стругацкого очень долго числился безвозвратно потерянным. Здесь также уместно вспомнить тот факт, что от имени «Сталки» образовано слово «сталкер», которое изначально употребляли братья Стругацкие в повести «Пикник на обочине». Оно стало не только популярным, но и всемирно известным после выхода на экраны в 1979 году знаменитого кинофильма «Сталкер».

В финале произведения Сталки рассказывает о своей военной службе в Индии в рядах британской колониальной армии. Так сложилось, что все школьные друзья, изображенные в книге, были рождены за пределами Англии в семьях военнослужащих-поданных Британской Короны. Каждый из них не мыслил себе никакой иной судьбы и карьеры, кроме как военной, так же как и их родители.

Для значительного большинства пуританского английского общества «Stalky & Co» со всеми живописаниями издевательств, которые ученики

старших классов учиняли над учениками классов младших, казались шокирующими. При том, что писателю не требовалось ничего и придумывать – он просто констатировал реально существующие факты, чем внес существенные коррективы в давно до него существовавший в английской литературе жанр *«школьной прозы»*.

По нашему мнению, *выбор жанра* конкретного произведения Р. Киплинга был неразрывно связан с *определенным этапом его собственной биографии* и соответствующим эмоциональным фоном данного жизненного периода. Так, в возрасте 6 лет, как это было принято в англоиндийских семьях, Редьярд и его младшая сестра были отправлены учиться в Англию. Они жили в частном пансионе, а на праздники уезжали к родственникам матери, в семью художника прерафаэлитской школы Эдуарда Берн-Джонса. Отношения будущего писателя с хозяйкой пансиона не сложились, она часто ругала и наказывала его. Вызванные этим переживания ребенка нашли отражение в *романе «Свет погас» («The Light That Failed», 1890)*, новелле *«Черная овечка» («Ваа Ваа, Black Sheep», 1888)*, а также в собственной (неоконченной при жизни Киплинга) *автобиографии «Кое-что о себе» («Something of Myself», 1937)*.

Отец Редьярда, получившего имя по названию английского озера Редьяр, где познакомились родители, Джон Локвуд Киплинг, ректор и профессор Бомбейской школы искусств, вначале считал, что юный Киплинг должен стать именно офицером. Тринадцатилетним юношей Редьярд был принят в Девонское училище (аналог нашего суворовского), являющегося своеобразным трамплином для будущих офицеров, желающих поступить в дальнейшем в известные военные академии. Он полюбил училище и службу. Об этом периоде его жизни повествует упомянутый выше сборник *рассказов «Сталки и Ко»*. Там проявился его талант литератора. В то же время слабое зрение не оставляло надежд на военную карьеру. Отец отозвал 17-летнего молодого человека в Индию, где для него нашлась должность военного корреспондента в *«Гражданской военной газете»*.

Всю жизнь Киплинг скитался по миру, заглядывая в самые отдаленные уголки необъятной Британской империи, оставляя при этом в качестве зарисовок, репортажей, статей, серьезных книг и сказок бесценные воспоминания и эмоции, выплеснувшиеся на страницы его замечательных произведений.

Р. Киплинг считал *газетный репортаж жанром второстепенным*, но именно будучи «разъездным» корреспондентом, а не клерком или администратором в редакции он добился самых выдающихся успехов сначала в редакции «Газетт», – идеологическом оплоте Британской Индии на северо-западе страны, где он регулярно публиковал свои *репортажи, статьи, рассказы*, находясь в командировках по огромной стране. Работа в ней принесла ему огромные дивиденды не только в виде богатого жизненного опыта, но и дала шанс собрать неоценимый материал для его будущих разножанровых произведений. Именно журналистская стезя положила начало рассказам Р. Киплинга.

В октябре 1884 года в «Газетт» печатается первый рассказ Р. Киплинга из сборника рассказов «Ворота ста печалей» (R. Kipling. The Gate of the Hundred Sorrows. 1884):

- ... It isn't really a gate though. It's a house. Old Fung-Tching had it first five years ago. He was a boot-maker in Calcutta. They say that he murdered his wife there when he was drunk. That was why he dropped bazar-rum and took to the Black Smoke instead. Later on, he came up north and opened the Gate as a house where you could get your smoke in peace and quiet. Mind you, it was a pukka, respectable opium-house, and not one of those stifling, sweltering chandoo-khanas, that you can find all over the City (R. Kipling. The Gate of the Hundred Sorrows. 1884).
- «... На самом деле это вовсе не ворота. Это дом. Пять лет назад им владел старик Фун Чин – первый его хозяин. Он раньше был сапожником в Калькутте. Говорят, что там он спьяну убил свою жену. Вот почему он бросил пить базарный ром и взамен его пристрастился к

черному куреву. Впоследствии он переселился на север и открыл "Ворота", иначе говоря – заведение, где можно покурить в тишине и спокойствии. Имейте в виду, эта курильня опиума была пакка – солидное заведение, не то что какая-нибудь жаркая, душная чандукхана из тех, что попадаются в городе на каждом шагу» (Киплинг, Ворота ста печалей).

Р. Киплинг написал этот рассказ в восьмидесятых годах XIX века, и уже тогда пытался привлечь внимание общественности и всего мира к страшной проблеме, а по сути, болезни современной жизни – наркотикам. Неважно как они назывались тогда, главное, что и тогда и сейчас (ещё в более ужасающих масштабах) они продолжают уносить жизни миллионов людей. И всё чаще людей молодых. Рассказ написан предельно простым языком, однако то, как его герой бесстрастно рассказывает о смерти людей от «чёрного курева», или о том, как они хотели бы умереть, производит угнетающее впечатление на любого нормального человека. Весь кошмар этого повествования заключается в том, что описанные автором «Ворота» из зловонных индийских улочек беспрепятственно перебрались на улицы современных городов, в нашу с вами жизнь... Молодой Киплинг уже в те далёкие годы хотел об этом предупредить весь Мир:

- «...One of these days, I hope, I shall die in the Gate. The Persian and the Madras man are terrible shaky now. They've got a boy to light their pipes for them. I always do that myself. Most like, I shall see them carried out before me. I don't think I shall ever outlive the Memsahib or Tsin-ling. Women last longer than men at the Black- Smoke, and Tsin-ling has a deal of the old man's blood in him, though he *does* smoke cheap stuff. The bazar-woman knew when she was going two days before her time; and *she* died on a clean mat with a nicely wadded pillow, and the old man hung up her pipe just above the Joss. He was always fond of her, I fancy. But he took her bangles just the same. I should like to die like the bazar-woman--on a clean, cool mat

with a pipe of good stuff between my lips» (Kipling, The Gate of a Hundred Sorrows).

- « ... Я надеюсь когда-нибудь умереть в «Воротах». Перс и мадрасец теперь здорово сдали. Трубки им зажигает мальчик. Я же всегда это делаю сам. Вероятно, я увижу, как их унесут раньше, чем меня. Вряд ли я переживу *мем-сахиб* или Цин Лина. Женщины дольше мужчин выдерживают черное курево, а Цин Лин – тот хоть и курит дешевый товар, но он стариковой крови. Уличная женщина за два дня до своего смертного часа знала, что умирает, и она умерла на чистой циновке с туго набитой подушкой, а старик повесил ее трубку над самым идолом. Мне кажется, он всегда был привязан к ней. Однако браслеты ее он забрал. Мне хотелось бы умереть, как эта базарная женщина, – на чистой прохладной циновке, с трубкой хорошего курева в зубах» (Киплинг, Ворота Ста Печалей).

Так же как и рассказы, первые стихи Р. Киплинг начал печатать в «Гражданской и военной газете» и назывались они тогда не «Департаментские песенки», а «Баллады из бунгало». Впервые в книжном переплете «Департаментские песенки» (R. Kipling. Departmental Ditties and Other Verses, 1886) были выпущены в индийском Лахоре лишь в 1886 году небольшим тиражом, который моментально разошелся, а книга сразу стала библиографической редкостью. Имя Киплинга тогда на обложке также не стояло. Объективности ради следует сказать, что во многом своей популярностью сборник был обязан очень оригинальному оформлению. Сборник стихотворений был оформлен в виде «конторской» («департаментской») папки для бумаг – в этом крылся и секрет названия.

Во всех стихотворениях Редьярда Киплинга как в первом, так ещё более и во втором, сборниках («Казарменные баллады», 1892) отчетливо просматриваются свежие, явно демократические свойства его поэтического творчества. Как, например, в этих ярчайших стихах под названием

«ОСНОВНОЙ ИТОГ» (R. Kipling. General Summary. Departmental Ditties and Other Verses):

We are very slightly changed
From the semi-apes who ranged
India's prehistoric clay;
Whoso drew the longest bow,
Ran his brother down, you know,
As we run men down today.
“Dowb,” the first of all his race,
Met the Mammoth face to face
On the lake or in the cave,
Stole the steadiest canoe,
Ate the quarry others slew,
Died — and took the finest grave.
When they scratched the reindeer-bone
Someone made the sketch his own,
Filched it from the artist — then,
Even in those early days,
Won a simple Viceroy's praise
Through the toil of other men.
Ere they hewed the Sphinx's visage
Favoritism governed kissage,
Even as it does in this age.
Who shall doubt the secret hid
Under Cheops' pyramid
Was that the contractor did
Cheops out of several millions?
Or that Joseph's sudden rise
To Comptroller of Supplies

Was a fraud of monstrous size
 On King Pharoah's swart Civilians?
 Thus, the artless songs I sing
 Do not deal with anything
 New or never said before.
 As it was in the beginning,
 Is today official sinning,
 And shall be forevermore (General Summary. Departmental Ditties and Other
 Verses)

«Изменилась ли Европа
 Со времен питекантропа?
 Некий предок, тот, чей лук был подлинней,
 Даже с мамонтом сражался,
 Носом к носу с ним встречался,
 И, как мы, плевать хотел на всех людей:
 Лодку лучшую оттяпал,
 Бабу лучшую захапал,
 И чужой добычи кучу отхватил,
 Кем-то вырезанный идол
 За свою работу выдал,
 И улегся в самой классной из могил.
 А пройдоха, что когда-то
 Стал папашей плагиата,
 Заслужил хвалу и честь от короля!
 Фавориты и воры
 Правят нами с той поры,
 Как себя считала девушкой земля.
 В чем, скажите без обиды,
 Тайна некой пирамиды?
 Да, один подрядчик был других шустрей,
 Он сумел спереть казенных

Пару-тройку миллионов,
 И в Египте стал богаче всех людей.
 А Иосиф? Продвиженье
 До Начальника Снабженья
 И ему не вредно было, ей же ей!
 Извините, эта песня
 Не новей, не интересней
 Тех, что самый дальний предок распевал,
 Таковы уж человеки:
 Ныне, присно и вовеки
 Воровство на этом свете правит бал! »
 (Основной итог. Департаментские песни. Перевод В. Бетаки. 2011).

Стихи из «Департаментских песен» пользовались большим успехом у современников автора, а многие – актуальны во все времена.

Важное место в ранней прозе Р. Киплинга занимают новеллы. Новелла (от итальянского *novella* – «новость») – жанр эпического повествования, отличающийся чёткостью композиции, напряженностью действия, в первую очередь, противостоит жанру рассказа. Считается, что события, ставшие предметом изображения в новелле, в силу своей неординарности, не укладываются в «прокрустово ложе» обычной жизни. В. Гёте в своей переписке с И. Эккерманом определял жанр новеллы «как нечто иное, как случившееся неслыханное происшествие» (Теория литературы. Роды и жанры 2003:245).

Важнейшим структурным свойством новеллы Р. Киплинга является ее острая событийность, отсутствие развернутых описаний, экстенсивность в показе действительности. Ее главный интерес сосредоточен на показе события, действия, поступка, а, следовательно, – на сюжете. «Диапазон новеллистического творчества Р. Киплинга широк: в его творчестве можно найти любовные, фантастические, сатирические и очерковые произведения «малых» форм. Все они отличаются глубоким своеобразием. И вместе с тем, – по мнению Л.И. Зотовой, – жанровые предпочтения в раннем творчестве

Р. Киплинга своего освещения и осмысления еще не получили» (Зотова 2011: 237).

Первыми новеллами Р. Киплинга считаются «Простые рассказы с гор» («Plain Tales from the Hills», 1888) – достаточно короткие и зачастую жесткие рассказы о бытии в колониальной Индии, которые были опубликованы Калькутте в январе 1888 года.

Редьярд Киплинг-новеллист повторил успех автора «Департаментских песенок» двухлетней давности. Анализируя данные произведения, А.Я. Ливергант замечает, что рассказы «вышли» из газеты, и это видно при первом же знакомстве невооруженным глазом. В большинстве своем они одной – «газетной» – длины, от 2000 до 2500 слов, – размер, который отводился на так называемый «turn-over», газетную статью, переходящую с первой полосы на следующую. По стилю и содержанию рассказы напоминают «gossip column» – колонку сплетен, анекдотов, светских новостей и всевозможных курьезов. Как всегда немного кокетничая, Р. Киплинг пишет в посвящении к «Простым рассказам»: «Хотелось бы, чтобы они были достойнее». «Недостойны» рассказы в том смысле, что растут, «не ведая стыда», из всевозможного житейского «сора» – из разговоров, услышанных в Пенджабском клубе, на узкой улочке старого города в Лахоре, на базаре или на великосветском пикнике в Симле. Из анекдотов, рассказанных в курительной заезжим офицером, из светской, военной и уголовной хроники, из газетных материалов, в том числе и киплинговских (Ливергант).

«Простые рассказы с гор» (другие названия: «В горной Индии»; «Простые рассказы из холмистой страны»; «Сказания Индийских Нагорий») – увлекательный сборник из тридцати двух рассказов (при переизданиях состав сборника менялся), Р. Киплинга, написанных и опубликованных в период британского владычества в Индии, во времена военных и чайных плантаторов, вторых завтраков и пикников, верховой езды и стрельбы, играющих оркестров и «ростбифов по-английски», и все это происходило под неумолимым индийским солнцем.

В этой серии рассматриваются каждая человеческая эмоция и образчики поведения, распространенные среди английских обитателей гарнизонов, городков и клубов по всей Индии, такие как обман, измена, пошлость, отчаяние, недоверие, ненависть и зависть, ревность. Но и конечно, описывается красота, обыкновенная красота обыкновенной индийской девушки, дочери гималайского горца Сону и жены его Джаде, которую англичане воспитывают как англичанку. Эта история описана в рассказе «Лиспет» (Kipling R. *Lispeth*. 1886).

«Whether Christianity improved Lispeth, or whether the gods of her own people would have done as much for her under any circumstances, I do not know; but she grew very lovely. When a Hill girl grows lovely, she is worth traveling fifty miles over bad ground to look upon. Lispeth had a Greek face – one of those faces people paint so often, and see so seldom. She was of a pale, ivory color and, for her race, extremely tall. Also, she possessed eyes that were wonderful; and, had she not been dressed in the abominable print-cloths affected by Missions, you would, meeting her on the hill-side unexpectedly, have thought her the original Diana of the Romans going out to slay» (Kipling R. *Lispeth*. 1886).

«Не знаю, христианство ли так усовершенствовало Лиспет, или боги ее страны одарили ее этим свойством, которому было суждено проявиться при каких угодно обстоятельствах, только она выросла прелестной девушкой. Если горная девушка красива, то стоит пройти пятьдесят миль по плохой дороге, чтобы взглянуть на нее. У Лиспет было греческое лицо, одно из тех лиц, которые люди рисуют так часто и видят так редко. Цвет ее лица был бледный, как слононая кость, и для своего племени она была необыкновенно высока. Глаза у нее были также чудные, и не одевайся она в отвратительное ситцевое платье, столь любимое миссионерами, вы бы могли, встретясь с ней неожиданно в горах, принять ее за самую римскую Диану, вышедшую на охоту» (Киплинг, Лиспет).

Между тем главной глубинной темой киплингвской «Лиспет» становится непреодолимый конфликт между культурами разных стран в самом широком смысле, затрагивающий важнейшие жизненные сферы: веру и религию, правду и ложь.

Ещё одной особенностью киплингвской новеллистики, особенно заметной в цитируемом произведении, является то, что параллельно с основным сюжетом встречаются нотки сатиры, которые сгущают краски, доводят изображение, порой, до нелепости, а иногда и до крайности. Места событий настолько детально и красочно описаны, что у читающего невольно возникает эффект присутствия. Интригует именно та нить сюжета, которую хочется распутать, и именно она в конце становится действительностью с неожиданным поворотом событий.

Примечательным моментом является тот факт, что сам автор «Простых рассказов с гор», а также многих последующих новелл и очерков, с одной стороны, хорошо отзывался о них: «... я проводил свои опыты относительно веса, цвета, запаха и символики слова... чтобы при чтении вслух они были благозвучны, а напечатанные радовали глаз...», с другой, – считал, что окончания рассказов не всегда удачны и оставляют ощущение незавершенности (Редьярд Киплинг. Немного о себе.).

В 1887 году Киплинг перешел в газету «Пайонир» в Аллахабаде, с которой он заключил контракт на написание путевых очерков. В самой газете, как и в её приложении, а также «Новостях недели», ему, уже зарекомендовавшему себя одаренным и востребованным автором, дают большой простор для творчества, позволяя печатать материалы объемом от трех до пяти тысячи слов, а не тысячи двухсот, как в Лахоре.

К этому времени многие из его блестящих *рассказов* уже были опубликованы вышли в Индии, часть из них со временем была объединена в его известных книгах «Три солдата» («Soldiers Three») и «Ви-Вилли-Винки» («Wee Willie Winkie»), в которых давались зарисовки из жизни английских солдат в Индии. Некоторые из них были по-настоящему яркими и живыми, хотя и немногословными, в то время как другие казались затянутыми и

откровенно "занудными". Вот, к примеру, типичное описание ирландца в «типичной обстановке» из рассказа «Припадок рядового Орзириса» («Deux ex machina»):

- «My friend, Private Mulvaney, was one of the sentries, because he was the tallest man in the Regiment. When the dance was fairly started the sentries were released, and Private Mulvaney went to curry favour with the Mess-Sergeant in charge of the supper. Whether the Mess-Sergeant gave or Mulvaney took, I cannot say. All that I am certain of is that, at supper-time, I found Mulvaney with Private Ortheris, two-thirds of a ham, a loaf of bread, half a pâté-de-foie-gras, and two magnums of champagne, sitting on the roof of my carriage. As I came up I heard him saying: — ‘Praise be, a danst doesn’t come as often as Ord’ly-Room, or, by this an’ that, Orth’ris, me son, I wud be the dishgrace av the Rig’mint instid av the brightest jool in uts crown.’ ‘Hand the Colonel’s pet noosance,’ said Ortheris. ‘But wot makes you curse your rations? This ’ere fizzy stuff’s good enough.’ ‘Stuff, ye oncivilised pagin! ’Tis champagne we’re dhrinkin’ now. ’Tisn’t that I am set agin’. ’Tis this quare stuff wid the little bits av black leather in ut. I misdoubt I will be disthressin’ly sick wid ut in the mornin’. Fwhat is ut?’ ‘Goose liver,’ I said, climbing on the top of the carriage, for I knew that it was better to sit out with Mulvaney than to dance many dances» (Kipling, *Soldiers Three*).

«Мой друг, рядовой Мельваней, был одним из этих часовых, так как он принадлежал к числу самых рослых малых в полку. В разгаре танцев часовых освободили, и Мельваней пошел помогать сержанту, который заведовал ужином. Не знаю, сержант ли отдал, или Мельваней взял, одно верно: во время ужина я увидел, что на крыше моей кареты сидят Мельваней и рядовой Орзирис с большим куском окорока, с караваем хлеба и с половиной страсбургского пирога, а также с двумя бутылками шампанского. Поднимаясь на карету, я услышал, как Мельваней

говорил: – Еще хорошо, что танцы бывают реже, чем дежурства, не то, честное слово, Орзирис, сынок мой, я не был бы, как говорится, лучшей жемчужиной в короне полка, напротив, осрамил бы его... » (Киплинг, Три Солдата).

К сожалению, прочувствовать весь колорит ирландского варианта английского в переводе на русский язык читателю не удастся, потому что переводчик не предпринял какие-либо действия, чтобы дать языковую характеристику в русском тексте, однако смысловые потери компенсируются за счет использования в переводе таких вводных фраз, как «честное слово», «как говорится». По тому с какой периодичностью и в какой последовательности они стоят в отрывке именно этого текста, можно понять, что образование у говорящего не классическое, и использует он больше язык «служак».

Каждый из семи (включенных в этот сборник) рассказов представляет собой историю из жизни, или даже, скорее всего, некий «анекдот». А.Я. Ливергант в своей книге «Киплинг», изданной в серии «Жизнь замечательных людей», пишет по этому поводу: «Я беру пустяк-анекдот, базарный рассказ – и делаю из него вещь, от которой сам не могу оторваться». Это сказал не Киплинг про свои индийские рассказы, а Бабель – про рассказы одесские. Между тем «пустяк-анекдот», «базарный рассказ» – и в самом деле важная примета новеллистики Киплинга – и «Простых рассказов с гор», и «Трех солдат», и других последовавших за ним индийских и первых лондонских сборников: «Черное и белое», «Под деодарами», «Рикша-призрак», «Жизнь дает фору» (Ливергант).

Особое место в рассказах Киплинга занимает проблема рассказчика – того «я», от лица которого идет речь. Иногда этот «я» неуловим, его заслоняет другой рассказчик, которому предоставлено слово автором, произнесшим только некий зачин, предисловие. Чаще всего это сам Киплинг, участник повседневных событий, происходящих в британских поселениях и на военных постах, свой человек и в офицерском собрании и в компании простых солдат, ценящих его за сердечность и простоту обращения. Лишь

изредка это не двойник Киплинга, а кто-нибудь другой, но это обязательно бывалый человек, обладающий скептическим и вместе с тем стоическим мировоззрением, гордящийся своей объективностью, своей неусыпной наблюдательностью, своей готовностью прийти на помощь и, если это необходимо, даже помочь дезертировать рядовому Орзирису, которому уже невоготу стал красный мундир» (Самарин).

Так, в «Рассказе рядового Ляройда» (R. Kipling. Private Learoyd's Story. Soldiers Three, 1888) автор, «заочно» не вступая в полемику с главным героем – «... не стану спорить... », высказывает «между строчек» якобы свое мнение.

- «Orth'ris, as allus thinks he knaws more than other foaks, said she wasn't a real laady, but nobbut a Hewrasian. I don't gainsay as her culler was a bit doosky like. But she was a laady. Why, she rode iv a carriage, an' good 'osses, too, an' her 'air was that oiled as you could see your faice in it... » (Kipling, Soldiers Three).
- «Этот Орзирис думает, будто он все знает лучше всех, и он вечно твердил, что она не настоящая леди, что в её жилах течёт смешанная кровь. Не стану спорить: лицо её казалось слишком тёмным для англичанки, но она была леди, ездила в коляске, да ещё на каких чудных лошадях, и волосы её так блестели, что, право, вы могли бы видеть в них ваше отражение...» (Киплинг, Три Солдата).

Следует отметить, что работая в Индии, начинающий писатель, свободно владея языком хиндустани, стал близок индийским читателям, которые его понимают и очень любят. Однако 9 марта 1888 года Р. Киплинг всё же уезжает из Калькутты. Сначала он направляется в Англию, посетив по пути Рангун, Сингапур, Гонконг, Йокогаму, Сан-Франциско и Нью-Йорк. Значительно позже Р. Киплинг расскажет об этих странствиях в книге путевых заметок «От моря до моря», которые, как он полагал, были адресованы его англо-индийской «малой родине», и уж никак не мог

ожидать, что когда-нибудь они станут известны более широкому кругу читателей.

Долгие семь лет, в течение которых Редьярд Киплинг был связан с Британской Индией, для него не было и не могло быть жизни, отличной от той, которая была у него в те годы. Поэтому совершенно очевидно наполнение его первых рассказов и очерков обращениями к индийским реалиям:

- «All this world of ours knows something about the Eden Gardens, which are supposed by the uninitiated of the mofussil to represent the gilded luxury of the metropolis. As a matter of fact they are hideously dull. The inhabitants appear in top-hats and frock-coats, and walk dolorously to and fro under the glare of jerking electric lamps, when they ought to be sitting in their shirt-sleeves round little tables and treating their wives to iced lager beer...» (Kipling, *From Sea to Sea*).
- «Каждый, кто живет в Англо-Индии, что-нибудь да слышал о "Садах Эдема". Более того, провинциалы думают, что эти сады олицетворяют блеск метрополии. На самом деле там ужасно скучно. Местный цвет публики является туда в сюртуках и цилиндрах и с меланхолическим видом расхаживает по лужайке в ослепительном сиянии мигающих электрических лампочек. Уж лучше бы эти господа сидели дома, угощая жен охлажденным пивом...» (Киплинг, *От моря до моря*).

Несмотря на то, что для Р. Киплинга не существовало «иной жизни», что выражается в многократном использовании реминисценций, он с большой долей иронии говорит об этом обществе: например, “As a matter of fact they are *hideously dull*”. Р. Киплинг отказывается от нейтрального *dull* без каких-либо усиления или, если и усилить, то просто используя наречие *very*. Нет, для Р. Киплинга такой стиль несвойственен. Для наиболее полного выражения имплицитности автор прибегает к эмоционально-усилительному

наречию *hideously*, коннотация которого говорит читателю, что там не просто «скучно», там так скучно, что даже божественное звучание названия *the Eden Gardens* не может скрыть этого. В тоже время этим наречием Р. Киплинг подчеркнул и ограниченность того провинциального общества, которое он с такой любовью пытался описать.

Ещё одним доказательством «подшучивания» над *the Eden Garden* является то, как Р. Киплинг говорит о манере «прохаживания» обитателей «Садов Эдема»: “... and walk *dolorously* to and fro ...”. Мог же он использовать *wistfully* или *meditatively*, что вполне бы выразило чувство и задумчивости, и мечтательности, и некоего сожаления, и созерцания, но мастер прибегает именно к *dolorously* – книжному слову, форма которого если и употребляется, то очень редко.

Но чем дальше уходила от Р. Киплинга его вторая родина – Индия, тем больше для него раскрывался совершенно новый мир (в том числе Америка), который приносит с собой массу новых знаний, впечатлений и эмоций:

- «I was seeing Life. "Life" is a great thing. It consists in swigging sweet champagne that was stolen from a steward of the P. and O., and exchanging bad words with pale-faced baggages who laugh demnibly without effort and without emotion. The *argot* of the real "chippy" (this means man of the world – *Anglice*, a half-drunk youth with his hat on the back of his head) is not easy to come at. It requires an apprenticeship in America. I stood appalled at the depth and richness of the American language, of which I was privileged to hear a special dialect... Very many men have heard a white woman swear, but some few, and among these I have been, are denied the experience. It is quite a revelation; and if nobody tilts you backwards out of your chair, you can reflect on heaps of things connected with it. So they cursed and they drank and they told tales, sitting in a circle, till I felt that this was really Life and a thing to be quitted if I wished to like it» (Kipling, *From Sea to Sea*).

- «Это и была Жизнь. Жизнь – не шуточное дело. Ее атрибуты – глоток приторного шампанского, которое украдено у стюарда "Пи энд Оу", и всевозможные словечки. Последними необходимо обмениваться с бледнолицыми потаскухами, которые готовы заливаться омерзительным смехом по любому поводу. Аргю настоящего чиппи, то есть "светского человека" – подвыпившего юноши в шляпе, сбитой на затылок, постичь трудно. Необходимо пройти обучение в Америке. Я был ошарашен богатством и глубиной американского языка, так как мне была оказана честь познакомиться с его особым диалектом... Многие слышали, как ругается белая женщина, а кое-кто – и я в том числе – нет. Это настоящее откровение, и если вы не слетите со стула, то сможете поразмыслить о многом, что имеет ко всему этому отношение. Усевшись в кружок, девицы кляли белый свет, пили, несли всякую чепуху, и тогда я догадался, что все это и есть та самая Жизнь, а чтобы возлюбить ее, надо немедленно убираться прочь» (Киплинг, От моря до моря).

В 1889 году Р. Киплинг побывал во многих странах, неизменно продолжая описывать свои впечатления в *дорожных заметках*, а уже в конце года оказался в Лондоне, где был удостоен всенародной славы: в 1890-м выходят «Баллады о Востоке и Западе» («The Ballad of East and West»), а чуть позже и он «Казарменные баллады» («Barrack-Room Ballads and Other Verses». 1892).

Под этим общим названием вышел сборник *песен и стихотворений*, рассказывающих о британской армии периода позднего Викторианства. Основное издание было опубликовано в 1890-х годах в двух томах: «Казарменные баллады» – в 1892 году и «Семь морей» («The Seven Seas and Further Barrack-Room Ballads») – в 1896-м.

В сборники вошли наиболее известные стихотворения Р. Киплинга «Гунга Дин» («Gunga Din»), «Денни Дивер» («Danny Deever»), «Томми» («Tommy») и др. В качестве примера, характерного для этого популярного в описываемые годы жанра, процитируем выдержки из «Денни Дивер» (R.

Kipling. Danny Deever), стихотворения, написанного в стиле популярных в те времена «уличных песен»:

«'What are the bugles blowin' for?' said Files-on-Parade.
 'To turn you out, to turn you out,' the Colour-Sergeant said.
 'What makes you look so white, so white?' said Files-on-Parade.
 'I'm dreadin' what I've got to watch,' the Colour-Sergeant said.

For they're hangin' Danny Deever, you can hear the Dead March play,
 The regiment's in 'ollow square--they're hangin' him to-day;
 They've taken of his buttons off an' cut his stripes away,
 An' they're hangin' Danny Deever in the mornin'. ...

'What's that so black agin the sun?' said Files-on-Parade.
 'It's Danny fightin' 'ard for life,' the Colour-Sergeant said.
 'What's that that whimpers over'ead?' said Files-on-Parade.
 'It's Danny's soul that's passin' now,' the Colour-Sergeant said.

For they're done with Danny Deever, you can 'ear the quick-step play,
 The regiment's in column, an' they're marchin' us away;
 Ho! the young recruits are shakin', an' they'll want their beer to-day,
 After hangin' Danny Deever in the mornin'» (Kipling. Danny Deever).

« "О чем с утра трубят рожки?" - один из нас сказал.
 "Сигналят сбор, сигналят сбор", - откликнулся капрал.
 "Ты побелел, как полотно!" - один из нас сказал.
 "Я знаю, что покажут нам", - откликнулся капрал.

Будет вздернут Денни Дивер ранним-рано, на заре,
 Похоронный марш играют, полк построился в каре,
 С плеч у Денни рвут нашивки - на казарменном дворе

Будет вздернут Денни Дивер рано утром.

"Как трудно дышат за спиной", - один из нас сказал.

"Хватил мороз, хватил мороз", - откликнулся капрал.

"Свалился кто-то впереди", - один из нас сказал.

"С утра печет, с утра печет", - откликнулся капрал.

Будет вздернут Денни Дивер, вдоль шеренг ведут его,

У столба по стойке ставят возле гроба своего,

Скоро он в петле запляшет, как последнее стерво!

Будет вздернут Денни Дивер рано утром.

"Он спал направо от меня", - один из нас сказал.

"Уснет он нынче далеко", - откликнулся капрал.

"Не раз он пиво ставил мне", - один из нас сказал.

"Он хлещет горькую один", - откликнулся капрал.

Будет вздернут Денни Дивер, по заслугам приговор:

Он убил соседа сонным, на него взгляни в упор,

Земляков своих бесчестье и всего полка позор -

Будет вздернут Денни Дивер рано утром!

"Что это застит белый свет?" - один из нас сказал.

"Твой друг цепляется за жизнь", - откликнулся капрал.

"Что стонет там, над головой?" - один из нас сказал.

"Отходит грешная душа", - откликнулся капрал.

Кончил счета Денни Дивер, барабаны бьют поход,

Полк построился колонной, нам командуют: "Вперед!"

Хо! - трясутся новобранцы, промочить бы пивом рот -

Нынче вздернут Денни Дивер рано утром»

(Киплинг, Денни Дивер).

Здесь следует сказать, что несмотря на всеобщую любовь к Киплингу-поэту (во многих странах его переводили на многие языки), признание своих английских собратьев по поэтическому цеху он получил очень поздно. Ю. Кагарлицкий так объясняет это непонимание: «Здесь, конечно, проявилось все то же неприятие Киплинга-империалиста, может быть, даже сильнее, чем в ряде других случаев, поскольку именно стихи, в первую очередь те, что были положены на музыку, получили самое широкое распространение, а значит, оказали наибольшее влияние на людей и, как легко понять, вызвали самое решительное противодействие тех, кто был не согласен с идеями Киплинга. Даже такой литературный восприимчивый Киплинга, как Генри Джеймс, всегда восхищавшийся его талантом, писал в 1899 г.: "Не переношу его крикливые, резкие патриотические стихи. По моему, пускать в ход националистические идеи – это почти то же самое, что клясться именем своей матери или жены. Раз-другой в сто лет – ради бога, но не из месяца же в месяц!» (Кагарлицкий 1990:47).

Первое издание романа Киплинга «Свет погас» («The Light That Failed», 1890) было связано с известными библиографическими трудностями, так как он существовал в двух вариантах – один трагический, другой – со счастливым концом. Из-за проблем со здоровьем Р. Киплинг провел практически весь 1891-й год в поездках по США и странам, входящим в Британскую империю. Из-за переутомления здоровье писателя пошатнулось, и большую часть 1891 года он провел в путешествиях по Америке и британским доминионам.

После возвращения в 1892 году в Лондон, 34-летний писатель, уже известный в Британии, сотрудничает с американцем Уолкоттом Бейлстиром, издателем. Р. Киплинг работает над *повестью* «Наулака» («Naulahka», 1892), которую можно отнести к жанру *приключенческих*. На её страницах происходит встреча экзотического Востока и американского Запада. Герои романа – девушка-врач и молодой предприниматель из маленького

американского городка – вместе ищут легендарные сокровища Наулаки. Их пребывание в Индии – цепь непрерывных приключений.

Скромная, умная Кэт, свято верящая, что ее призвание – облегчить участь «угнетенных женщин Востока». И Ник – молодой политик и бизнесмен, беспринципный и целеустремленный. Его мечты и цели очень просты и конкретны: жениться на Кэт и добиться, чтобы строящаяся железная дорога прошла через его город. И ради этих целей он готов пойти на все. Рвануть на другой конец земного шара за любимой девушкой – это, конечно, хорошо, но ведь в ход идут и интриги, и обман, и даже предательство. Место действия: Дикий-дикий Запад – западные штаты США и экзотический Восток – Индия. Полная противоположность во всем, начиная с природных условий и заканчивая особенностями ведения бизнеса и политики. Динамичное развитие, с одной стороны, и полный застой с другой.

Но если люди еще как-то могут между собой договориться (как Ник и Кэт), то в отношениях «востока» и «запада» ничего не меняется вот уже сто с лишним лет. Собственные знаменитые строчки Киплинга о том, что «Запад» есть «Запад», а «Восток» есть «Восток» здесь как никогда уместны. Символично звучит зарисовка, описывающая детские годы Кэт:

- «Kate Sheriff had lived with her face to the West and with her smouldering eyes fixed upon the wilderness since she could walk. She had advanced into the wilderness with the railroad. Until she had gone away to school, she had never lived where the railroad ran both ways. She had often stayed long enough at the end of a section with her family to see the first glimmering streaks of the raw dawn of civilisation, usually helped out by the electric light; but in the new and still newer lands to which her father's civil engineering orders called them from year to year there were not even arc lamps» (Kipling, *The Naulahka: A Story of West and East*).
- «С тех пор как Кэт Шерифф научилась ходить, она жила, повернув лицо к западу и устремив мечтательные глаза в страну пустыни. Вместе с

железной дорогой она продвигалась по этой пустыне. Пока она не поступила в школу, ей приходилось жить в таком месте, откуда железная дорога расходилась бы в обе стороны. Часто она со своей семьей останавливалась на законченном участке железной дороги достаточно долго для того, чтобы видеть первые проблески зары цивилизации, поддерживаемые обыкновенно светом электричества, но в новых и все более новых странах, где из года в год требовалось инженерное искусство ее отца, не бывало даже фонарей» (Киплинг, Наулака)

Биография и хронология жизни Р. Киплинга в этот период наиболее интересна. Он нашел настоящего друга и к тому же влюбился в его сестру. Однако не долго продлилась их совместная работа. После смерти друга от тифа Киплинг женится на его сестре Каролине.

Молодожены переезжают в США (штат Вермонт), где выходит в свет двухтомник «Книга джунглей» и сборник стихотворений «Семь морей». Здесь же у счастливых родителей появились двое дочерей, затем – сын. В это же время написан наиболее популярный роман Киплинга – «Ким» (R. Kipling. Kim) об индийском мальчишке-оборванце, познавшем буддийскую мудрость и ставшим британским разведчиком. Роман публиковался в журнале “Cassell’s Magazine” с января по ноябрь 1901 года и был типичным образцом эдвардианской литературы по типу приключенческой «повести для мальчиков».

Именно в «Киме» получила законченное выражение любовь Киплинга к Индии – стране его детства и юности. В литературу вернулся англо-индеец, обогащенный опытом жизни, успевший приобрести большое писательское мастерство.

«Ким» – это история сироты, Кимбола О’Хары, – лахорского мальчишки-сироты, сына ирландского солдата, оставшегося в Индии, когда его полк вернулся домой в Ирландию. Он зарабатывает на жизнь уличным попрошайничеством и исполнением поручений афганского торговца лошадьми по имени Махбуб Али. По ходу романа выясняется, что афганский

купец связан с британскими спецслужбами. От него Ким узнаёт о Большой Игре за обладание Внутренней Азией, которую ведут между собой британское и русское правительства. Именно после публикации романа термин «Большая Игра» вошёл в широкое употребление (Hodge 2008:286).

Ким – истинное «дитя базара», своеобразного центра общественной жизни азиатского города, вынужденный сам изыскивать себе пропитание, – мальчик-индуист, принадлежащий к низкой касте и вместе с тем способный внешне, а отчасти и внутренне преображаться. Ким – воплощение многоликой индийской жизни. У него врожденное умение понимать людей; попав в поле зрения английской разведки, он уже навсегда остается в ее рядах:

- «Kim pretended at first to understand perhaps one word in three of this talk. Then the Colonel, seeing his mistake, turned to fluent and picturesque Urdu and Kim was contented. No man could be a fool who knew the language so intimately, who moved so gently and silently, and whose eyes were so different from the dull fat eyes of other Sahibs. 'Yes, and thou must learn how to make pictures of roads and mountains and rivers, to carry these pictures in thine eye till a suitable time comes to set them upon paper. Perhaps some day, when thou art a chain-man, I may say to thee when we are working together: "Go across those hills and see what lies beyond." Then one will say: "There are bad people living in those hills who will slay the chain-man if he be seen to look like a Sahib." What then?' Kim thought. Would it be safe to return the Colonel's lead? 'I would tell what that other man had said.' 'But if I answered: "I will give thee a hundred rupees for knowledge of what is behind those hills—for a picture of a river and a little news of what the people say in the villages there"?' 'How can I tell? ... 'Nay, Sahib; nay. I know the price that will be paid for the answer, but I do not know why the question is asked» (Kipling, Kim).

- «Ким с самого начала притворился, что понимает не больше одного слова из трех. Тогда полковник понял свою ошибку, перешел на урду, которым владел свободно, употребляя образные выражения, и Ким почувствовал удовлетворение. Человек, который так превосходно знает местный язык, так мягко и бесшумно двигается, чьи глаза так отличаются от тупых, тусклых глаз прочих сахибов, не может быть дураком. – Да, и ты должен научиться видеть дороги, и горы, и реки, и хранить эти рисунки в своей памяти, пока не наступит удобное время перенести их на бумагу. Быть может, однажды, когда ты будешь землемером и мы будем работать вместе, я скажу тебе: "Проберись за те горы и посмотри, что лежит за ними". А кто-нибудь скажет: "В тех горах живут злые люди, и они убьют землемера, если он будет с виду похож на сахиба". Что тогда? Ким задумался: "Не опасно ли ходить в той же масти, что и полковник?" – Я передал бы вам слова того человека. – Но если бы я ответил: "Я дам тебе сто рупий за сообщение о том, что находится по ту сторону гор, – за рисунок какой-нибудь речки и кое-какие сведения о том, что говорят люди в деревнях"? – Почему я знаю?... – Нет, сахиб, нет. Я знаю, сколько будет заплачено за ответ, но не знаю, почему задан вопрос» (Киплинг, Ким).

К счастью для автора, Р. Киплинг избежал опасности написать политический роман. Его любовь к красочной жизни Индии – страны, которую он так хорошо знал как в общих чертах, так и в мельчайших подробностях, пересилила все другие мотивации. Ким – еще один «естественный человек» Киплинга, который, в отличие от Маугли, с самого начала обитает в людской среде, и это заметно отличает роман о нем от «Книги джунглей». «Ким» – это не продолжение «Книги джунглей», не изложение тех же идей применительно к другому пласту жизни, а удачная попытка продолжить эти два сборника и подняться над ними. Ким учится уже не просто жить в окружении других существ – это дано ему словно бы от рождения, – а чему-то большему – любви. Он приобщается к человечеству через это общечеловеческое чувство (Кагарлицкий 1990).

За четыре года, прожитых в Америке, Р. Киплинг написал некоторые из своих лучших произведений. К ним относятся *рассказы* из сборников «Масса выдумок» («Many Inventions», 1893) и «Труды дня» («The Day's Work», 1898), *стихотворения* о море, кораблях и морях-первопроходцах, собранные в книге «Семь морей» («Seven Seas» 1896) и обе «Книги джунглей» («Jungle Books», 1894–1895).

«Книгу Джунглей» по праву можно назвать *прозой в стихах*. Мозаика из пятнадцати рассказов «Книги джунглей» состоит из истории о Маугли, объединяющей восемь из них, и других повествований о наделенных человеческими чертами животных Индии: об отважном мангусте Рикки-Тикки-Тави, о коте, который гуляет «сам по себе» и многих других. История о киплингском мальчике Маугли, воспитанным стаей волков, о его противостоянии жестокому тигру Шерхану многократно отображалась в различных изданиях и хорошо знакома детям всего мира.

«Книга джунглей», по мнению А.И. Хлебниковой, представляет собой не традиционный сборник произведений, а единое, целостное произведение, своего рода роман, образованный из чрезвычайно пестрого, разнородного материала. Существенно и то, что в название вынесено слово «книга», освященное библейской традицией и указывающее на религиозно-нормативное значение изображаемого; «Книга джунглей» входит в контекст «Книг бытия». И далее автор считает, что идеи Р. Киплинга требовали и особых *жанровых структур*. Если на раннем этапе жанровая эволюция Р. Киплинга может быть описана как эволюция «от репортажа к рассказу и балладе», то позже Киплинг обращается к жанрам заведомо условным, отягощенным большой литературной историей, восходящим к фольклору: *сказке, притче, мифу*, им свойственны ориентация на «строгую достоверность», в отличие от сказочной ориентации на вымысел, синкретизм, который есть в мифе и который рожден тем обстоятельством, что в мифе совершается «изображение под знаком полной неразличимости, то есть именно такое, чтобы общее всецело было особенным, особенное в свою

очередь всецело было общим, а не только обозначало его» (Хлебникова 1985:11-12).

Роман «Отважные мореплаватели» («Captains Courageous») был написан Р. Киплингом в 1896-м, и в том же году после глупой ссоры с шурином его семья вернулась Англию. Игнорируя излишнюю публичность, не замечая предвзятую критику, успешный и состоятельный Киплинг поселился в 1902 году в графстве Сассекс, где он купил дом в глухой деревне, в котором и прожил со своей семьей до самой смерти – до 1936 года.

В 1901-м вышел роман «Ким» («Kim»), который многие считают прощальным словом Р. Киплинга к Индии. В 1902 году свет увидела блестящая детская книга «Сказки просто так» («Just So Stories»). Эти сказки писались на протяжении нескольких лет. Некоторые из них автор рассказывал своей дочери в период жизни в Америке. Там же был написан и первый вариант лучшей, на наш взгляд, сказки «Кошка, которая гуляла сама по себе», истории про Кита, Носорога и Верблюда. В Южной Африке родились сказки о любопытном Слононке и о том, как Леопард стал пятнистым. Живя в Южной Африке, Р. Киплинг также сочинил несколько замечательных историй для детей: «Краб, который играл с морем», «Как было написано первое письмо», «Мотылек, который топнул ногой».

Особой прелестью этих сказок было то, что они рассказывались, а уже потом записывались, о чем наглядно свидетельствует их *особая языковая форма – диалогичность*. Автор постоянно вступает со своими слушателями в диалог, предугадывая их вопросы. В тексте постоянно присутствуют разговоры с «милым мальчиком»: «Это было давно, мой милый мальчик», «Чего же тебе еще, милый мальчик?», «Все устроилось отлично, не правда ли?», «Милый мальчик, я опять расскажу тебе сказку о Далеких и Старинных Временах», «А надо тебе знать, мой милый мальчик...», «Ты, надеюсь, уже догадался...». Часто эти отступления выглядят как советы: «Пожалуйста, не забудь про подтяжки, мой милый», или объяснения: «Джинны всегда путешествуют так, потому что они чародеи!», «И, ах, это было неспроста!».

Особенно часто они построены в виде наставлений: «А если тебе случится услышать от взрослых...», «Знай – даже взрослые не говорили бы такой чепухи...», «Ну, а если ты не можешь этого дождаться, попроси у взрослых „Таймс“», «Каждому мальчику, у которого есть игрушечный пароходик, надо уметь разбираться в подобных вещах...», «Слушай, внимай, разумей...», «Так слушай же, слушай внимательно...» (Киплинг 2015).

Литературная манера Р. Киплинга, достигшего зрелости в возрасте и творческой деятельности, претерпела существенные изменения. Он стал писать неторопливо и осмотрительно, тщательно выверяя написанное. Для двух книг *исторических рассказов* «Пак с холма Пука» («Puck of Pook's Hill», 1906) и «Награды и Феи» («Rewards and Fairies», 1910) характерен более высокий строй чувств, многие из стихов достигают уровня чистой поэзии (Пугина 2005).

Этому во многом способствовала и местность, в которой находилось имение Киплинга и которая была "переполнена" «теньями и призраками» давно прошедших лет. Воображение и незаурядный ум Р. Киплинга, конечно же, были возбуждены этими историческими видениями. Они получили отражение в сказках о Паке – шекспировским героем из «Сна в летнюю ночь», который считался "последним духом с холмов", не оставившим добрую старую Англию вместе с другими сказочными персонажами. Пак превращается в "поводыря" для детей в их странствиях в пространстве и времени. Очевидно, что сказки про Пака имеют значительно более сложную структуру и не читаются с той же легкостью, как ранее им написанные. Они тонки, глубоки и красивы совершенно по-своему.

Графство Сассекс на юго-западе Англии, обращенном к Европейскому континенту, издавна лежало на перекрестке исторических событий. Именно здесь высаживались приплывавшие с континента многочисленные завоеватели – их следы сохранились до нашего времени. Об этих следах истории Киплинг упоминает в стихотворении «Песня Пака».

«...See you our little mill that clacks,
So busy by the brook?

She has ground her corn and paid her tax
 Ever since Domesday Book.
 See you our stilly woods of oak,
 And the dread ditch beside?
 O that was where the Saxons broke,
 On the day that Harold died.
 See you the windy levels spread
 About the gates of Rye?
 O that was where the Northmen fled,
 When Alfred's ships came by.
 See you our pastures wide and lone,
 Where the red oxen browse?
 O there was a City thronged and known,
 Ere London boasted a house»
 (Kipling, Puck's Song)

«...Вон, видишь, жернова стучат
 На ближнем бережку?
 Лет восемьсот еще назад
 Мололи здесь муку.
 Вон там, среди густых дубрав,
 В лощине под горой
 Саксонцы в бой пошли, прорвав
 Норманнов тесный строй!
 Вон там, за той грядой холмов,
 Где ветер и туман,
 Альфред с ватагой храбрецов
 Громил и гнал датчан.
 А там, на склонах, где стада
 (И в каждом – рыжий бык),

Там город был, еще когда
И Лондон не возник!»
(Киплинг, Пак с волшебных холмов)

В этих сказках оживала некогда неведомая ранее абстрактная родина писателя. Р. Киплинг писал в те времена: «...Я медленно открываю для себя Англию – самую замечательную за границу, в которой мне довелось побывать...» (Курий). И он действительно видел старинную мельницу и развалины старой кузницы, нашел «чумной камень», выкопал из земли ложку времен Кромвеля, а еще глубже – остатки древнеримской лошадиной упряжи и даже кремниевые наконечники стрел каменного века.

В этот период Р. Киплинг также написал несколько рассказов, собранных в книгах «Пути и открытия» («Traffics and Discoveries», 1904), «Действие и противодействие» («Actions and Reactions», 1909), «Самые разные существа» («A Diversity of Creatures» 1917), «Дебет и кредит» («Debits and Credits», 1926), «Ограничение и обновление» («Limits and Renewals», 1932). *Исторический труд* «Ирландские гвардейцы в мировой войне» («The Irish Guards in the Great War»), изданный в двух томах со списком награжденных и погибших, а также «Истории на земле и на море» («Land and Sea Tales for Scouts and Guides») вышли в 1923 году.

Редьярд Киплинг, начав свой долгий творческий путь с во многом автобиографической «Сталки и компания», по-своему попытался «закольцевать» свой жизненный цикл, к сожалению, неоконченной автобиографией «Немного о себе самом» (R. Kipling. *Something of Myself, for my friends known and unknown*, 1937). А начинается она с парадоксально трогательного признания уходящего гения:

- «Верните мне первые шесть лет детства и можете взять себе все остальные. На семидесятом году при воспоминании о прошлом мне кажется, все карты в моей трудовой жизни сдавались таким образом, что сразу же приходилось ими ходить...» (Киплинг, «Немного о себе самом»)

- «Give me the first six years of a child's life and you can have the rest. Looking back from this my seventieth year, it seems to me that every card in my working life has been dealt me in such a manner that I had but to play it as it came» (Kipling. Something of Myself, for my friends known and unknown).

Ещё более трогательны признания о том, что он был счастлив лишь в детстве, на узкой улочке Бомбея в районе старого вокзала, где он родился в 1865 году. Тем не менее, Р. Киплинг с гордостью называл себя Гражданином первой державы мира. В какую бы страну он ни попадал, какие бы люди ни встречались ему в его «жизненном странничестве, он твердо помнил, что он – посол великой культуры, что «бремя белого человека» возложила на него сама История.

В 1920-е годы популярность великого англичанина уменьшилась. Гибель сына во время Первой мировой войны и многочисленные старческие недомогания и болезни великий писатель мужественно переносил и тихо скончался в Лондоне 18 января 1936 года.

Таким образом, каждый жанр в разноплановом творчестве Р. Киплинга отражает и во многом определяется соответствующим этапом его жизни, является важнейшим инструментом и составляющей социального взаимодействия автора с читателями, предписывает определённые нормы коммуникативного взаимодействия.

Предложенное описание системы жанров в творчестве Р. Киплинга, так же, как и список анализируемых произведений, безусловно, не претендуют на исчерпывающую полноту. В нашей работе мы исследуем лишь те, которые считаем наиболее существенными и показательными в исследовании творчества Р. Киплинга и отражают его знаковую языковую личность во всем многообразии.

3.2. Политическая мифология как лингвокультурная идентичность

Редьярда Киплинга

В момент присуждения Джозефу Редьярду Киплингу – первому среди англичан – Нобелевской премии по литературе в 1907 году с формулировкой «За наблюдательность, яркую фантазию, зрелость идей и выдающийся талант повествователя» его сравнивали с Джейн Остин, Даниэлем Дефо и Чарльзом Диккенсом, тем самым при жизни вводя его в ранг классиков и признавая высочайший писательский профессионализм. Даже поверхностное знакомство с Р. Киплингом, «бардом английского империализма», среди почитателей которого были такие писатели, как Марк Твен, Максим Горький, Бертольт Брехт, Юрий Олеся, Эрнест Хемингуэй, «не оставляет сомнений, что он больше нежели просто детский писатель. Он – современный мифотворец. Его герои давно уже покинули пределы книжного переплета, стали чем-то вроде архетипов» (цит. по: Романчук).

Р. Барт, отвечая на вопрос: «Что такое миф в наше время?», – подчеркивал, что любая идеология постоянно преобразует продукты истории в неизменные сущности, все время пытается затушевать процесс изменения и развития, превратить миф в застывший объект вечного обладания. Современные мифы, порожденные идеологией, имеют одну цель – «обездвижение мира» – они должны давать внутреннюю картину «вселенского хозяйственного механизма с раз и навсегда установленной ...иерархией».

Таким образом, мифы, являясь освященными государственной идеологией образцами для подражания, «настигают человека всегда и повсюду, отсылают его к тому неподвижному прототипу, который не позволяет ему жить своей жизнью, не дает ему особенно вздохнуть». Они парализуют человека, лишают его инициативы, делают его безвольным и пассивным (Барт 1996). В исследованиях Р. Барта ведущим определением мифа является слово. Все, что покрывается дискурсом, может стать мифом, так как «наш мир бесконечно суггестивен». Р. Барт, расширительно трактуя

созидательную силу «буржуазного» мифотворчества, рассматривал мифы как составляющие конструкторы всех культурных и социополитических феноменов. Миф, в соответствии с воззрениями Р. Барта, является маркирующей качественной характеристикой «анонимного» современного буржуазного общества, при этом мифологизация – признак всех социумов (Барт 1996). Оценивая влияние мифов на определённую эпоху, О.А. Сухова подчёркивает, что человек всегда «априори живет в плену у своих мифов. Архаические ценности присутствуют в народной культуре, семантике родного языка. Однако своеобразие культурной идентичности каждого этноса в отдельности формирует соответствующий тип воспроизводства архаики, от чего во многом зависит содержание и иерархичность ментальных установок национального мировосприятия» (Сухова 2008:3).

Современники называли Киплинга империалистом, даже О. Мандельштам в 1927 году писал о том, что у «Киплинга – писателя империалистической Англии – почти всегда можно уловить в его рассказах о животных нотки правящего класса». Но в искусстве действует древний закон, гласящий о том, что часть всегда больше целого. Именно поэтому Р. Киплинг был частью Английской империи, а его творчество – всего лишь страной времен Киплинга (Витковский 1998).

Обращаясь к истории, Р. Киплинг находит в ней подтверждение собственным мифическим представлениям об Империи и людях её населяющих как об идеально устроенном мире, и англосаксах, как единственном народе, который заботится о справедливом мироустройстве и благоденствии всех людей на Земле. Именно он пытается создать миф о «добрых колонизаторах», облаченных в рыцарские доспехи, которые повсеместно истребляют «злых драконов» (Долинин 1989).

Его авторская оценка носит субъективный характер и всегда подвержена его собственным идеологическим пристрастиям, которые определяют его программу поведения и, благодаря его творчеству, становятся образцами для подражания многочисленной армии его почитателей в Британской империи конца XIX века.

Консерватор по своим политическим убеждениям, не устававший повторять, что империя превыше всего, а долг британца – беззаветно служить родине, Р. Киплинг прославлял мужество, отвагу, доблесть, стоицизм, заставляя верить, что дух человека непоколебим. Многие из этих убеждений Р. Киплинга легли в основу создаваемых им конструктов политической мифологии. В мифах политических, по мнению Ш. Плаггенборга, «выражается нечто неизменное, нерушимый первичный опыт. Они содержат образы, служащие не для объяснения конкретной ситуации, – с их помощью подчеркивается её чрезвычайная важность. Мифы многозначны, и это качество позволяет применять их в политических целях. Прежде всего, мифы используются там, где не хватает легитимности» (Плаггенборг 2000:326).

Концепция мифа строится вокруг определённой базовой идеи, которая «подчиняет себе систему ритуалов, лозунгов, политических, этнических и социальных стереотипов» (Корниенко 2009:49). О.Г. Рюмкова говорит о политическом мифе как об «архетипической конструкции, обосновывающей существование определённой политической системы и претензии на особую роль в этой системе личности или группы. Автор полагает, что политический миф отображает такие особенности традиционного мифа, как символизм, концептуализм и системность, формирование образа сверхчеловека, мифологизацию исторической действительности, дихотомию добра и зла, анонимность мифотворчества» (Рюмкова 2004:92).

Считается, что мифологическое сознание – эмоционально окрашенное, чувственное представление о политической действительности – замещает и вытесняет реальное представление о ней и её подлинное знание. Миф подменяет объективное в политике его субъективным восприятием, субъективным образом, внутреннее, содержательное, существенное в политике – внешним и вымышленным (Политическая наука: словарь справочник). Мифу свойственны алогичность, безразличие к противоречиям, культ богов и героев и т. д. Подобные черты можно обнаружить и у многих современных идей и доктрин. Идеи национальной или расовой исключительности, превосходства одной из политических тенденций над

другой, непогрешимости политических вождей демонстрируют родство с мифологией.

Эта форма сознания воспроизводится в политике из-за своей простоты, логической непритязательности. Мифологизированные представления встречаются не только на уровне обыденного, но и теоретически организованного сознания. Технологию создания современных политических мифов раскрыл Э. Кассирер. «Двадцатый век, – писал он, – породил “технику” мифологического мышления, не имеющую аналогов в истории. С этого момента мифы стали изобретаться и производиться в том же самом смысле и теми же самыми методами, как изобретаются и производятся пулеметы и боевые самолеты» (Кассирер 2000:581).

Среди плеяды «певцов» имперского могущества Англии, которые, собственно, и разрабатывали имперскую мифологию, самой яркой фигурой, по мнению А.А. Голосеевой, был Редьярд Киплинг. Автор считает, что, «говоря о Р. Киплинге как о создателе мифов, было бы неверно говорить, что он выполнял некий политический заказ, а цель его была насаждать заведомо ложные идеи пропагандистского характера. Сам мифолог может частично или полностью находиться под влиянием мифологии. Он может адаптировать какую-либо мифологию, отдавая себе отчет в рациональности своих действий, но это не значит, что “базовая идея” мифа не увлекла его самого. Это, несомненно, верно по отношению к Р. Киплингу. Он, конечно, верил в те идеи, которые содержались в его произведениях» (Голосеева 2000:101).

Даже в сказках о Маугли, отмечает С. Курий, отражается базовая философия Р. Киплинга – философия Порядка, следствием которой были и его политические взгляды. Воплощением этой философии и стал Закон Джунглей, выведенный в киплинговских сказках, который только и мог появиться на основе теории Дарвина, древних представлений об изначальной гармонии Природы и идей о возникновении и устройстве государства (Курий 2008).

«Закон Джунглей – это прообраз первичного, пусть часто жестокого, но, по мнению Киплинга, справедливого и, главное, – необходимого – свода

правил, выработанного миллиардами лет эволюции и противостоящего Хаосу и Смерти. Порядок против Хаоса – именно эта идея – основа всех политических взглядов Р. Киплинга. Безусловно, эти взгляды – гораздо ограниченнее самой идеи. У Р. Киплинга она вылилась в прославление нового «Рима» – идеального мирового Государства, каким ему казалась Британская империя. Но уже в сказке ясно показано, что есть существо, которое по своей природе шире рамок раз и навсегда установленного Закона, и имя ему – Человек» (Курий 2008). Говоря о волках как о «свободном народе», Р. Киплинг еще раз делает акцент на том, что анархию с порядком не нужно отождествлять:

- «Ever since Akela had been deposed, the Pack had been without a leader, hunting and fighting at their own pleasure. But they answered the call from habit, and some of them were lame from the traps they had fallen into, and some limped from shot-wounds, and some were mangy from eating bad food, and many were missing; but they came to the Council Rock, all that were left of them...»... and one tattered wolf howled:
 «Lead us again, O Akela. Lead us again, O Man-cub, for we be sick of this lawlessness, and we would be the Free People once more».
 «Nay», purred Bagheera, «that may not be. When ye are full-fed, the madness may come upon ye again. Not for nothing are ye called the Free People. Ye fought for freedom, and it is yours. Eat it, O Wolves» (Kipling. The Jungle Book)
- « С тех самых пор как был смещён Акела, стая осталась без вожака, и волки охотились или дрались, когда им вздумается. Однако они по привычке пришли на призыв; некоторые из них хромали, ушибленные капканами в которые они попадали, некоторые ковыляли, раненные дробью, некоторые исхудали от плохой пищи; многих совсем не было; тем не менее уцелевшие собрались к Скале Совета...«А один лохматый провыл:
 – Будь нашим вожаком опять, о Акела! Будь нашим вожаком опять, о

детёныш человека, потому что нам надоело беззаконие, и мы хотели бы снова сделаться Свободным Народом.

– Нет, – промурлыкала Багира, – этого не должно быть. Когда вы наедитесь, безумие снова может овладеть вами. Недаром вы зовётесь Свободным Народом! Вы боролись за Свободу, и достигли её. Питайтесь ею, о волки!» (Киплинг 2000:398).

А.А. Долинин, разгадывая «загадки Редьярда Киплинга», пришел к выводу, что он «...рассматривая общество как цепочку замкнутых корпораций, каждая из которых регулирует поведение своих членов через собственный закон, неминуемо должен был прийти к идее Корпорации всех Корпораций, являющейся носителем Закона всех Законов» (Долинин 1983:9).

Таким образом политический миф, создаваемый автором, вписывается в «систему иносказательных образов, функциональная символика которых соотносит «желаемое» с «должным», т. е. со сложившимся архетипом» (Корниенко 2009). Согласно системе киплинговских архетипов, обязательные для исполнения всеми людьми законы составляют строгую систему, которая существует во всех уровнях выстроенной иерархии и применимы как в семье, так и в обществе, культуре и всеобщем универсуме.

Слова о том, что «Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд» также отражает глубочайшее киплинговское убеждение о том, что Европа и Азия есть не что иное, как две гигантские корпорации, и каждая из них обладает собственными внутренними законами и ритуалами, будучи самодовлеющими единствами, неизменными, равными только самим себе и закрытыми друг для друга» (Долинин 1989).

Политическая позиция Киплинга для многих была одиозной: он поддерживал колониальные войны, в частности англо-бурскую. Проимпериалистические симпатии писателя шокировали либералов. Для либерального сознания, набравшего силу к началу прошлого века, «железный Редьярд» – это жупел, посмешище, олицетворение всего ретроградного и антигуманного. Ему даже присваивают ярлык «барда империализма», ставя в

один ряд с именами таких одиозных «строителей Империи», как Герберт Китченер и Сесил Родс. «Однако политик не мог заслонить поэта; даже не вопреки, а благодаря своим политическим взглядам Киплинг был художником истинного и своеобразного таланта, последовательным противником эстетизации и интеллектуализма, занявшим собственную четкую позицию в искусстве своего времени» (Гениева 1994:382).

Таким образом, современный политический миф как коллективное бессознательное творение нации может отражаться и активно продвигаться как в рамках одного художественного произведения, так и выступать философской и нравственной основой и выстраиваемой на её базе целостной системы архетипов всего творчества конкретного автора (в нашем случае Р. Киплинга).

Хорошо известно, что мифы о себе есть абсолютно у всех народов. Обычно это мифы положительные – в них народ предстает намного лучше, чем он есть на самом деле. «Англичане видятся самим себе деловитыми и честными, свободолюбивыми, преданными короне и своей стране. Американцы считают себя прирожденными демократами, не терпящими никакого неравенства и несправедливости между людьми. Немцы – чувствительными, трудолюбивыми и добродушными. Каждый такой миф – приятное упрощение, в котором нет места для негативных сторон народного характера или черных пятен в истории народа» (Мединский 2010).

Э. Кассирер, признанный специалист в области политической мифологии, призывает тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов» (Кассирер 2000:586), так как философия бессильна их разрушить. Миф сам по себе неуязвим. Он нечувствителен к рациональным аргументам, его нельзя отрицать с помощью силлогизмов. Но его всесторонний (в том числе лингвистический) анализ может помочь нам понять отличную от собственной точку зрения.

Выводы по главе 3

Важнейшим инструментом и составляющей социального взаимодействия Р. Киплинга с читателями является жанровая организация его творчества. На основе соизмерения типологических черт жанра, предложенных разными исследователями, а также особенностей творчества Р. Киплинга на разных этапах его жизни, мы предложили выделить следующий набор используемых им жанров – от персонального до институционального, грань различий между которыми достаточно условна – автобиографические произведения, статьи, газетные репортажи (очерки) в газете, путевые заметки, стихотворения, стихи для песен, рассказы, сказки, новеллы, романы, приключенческие повести, исторические документальные исследования и исторические рассказы.

В рассматриваемой главе также анализируются политические мифы как выражение чего-то совершенно неизменного, как нерушимый первичный опыт. Архаические ценности присутствуют в народной культуре, *семантике каждого языка*. Они содержат образы, служащие не для объяснения конкретной ситуации, – с их помощью подчеркивается её чрезвычайная важность.

Р. Киплинг, обращаясь к истории Великобритании, находит в ней подтверждение собственным мифическим представлениям об Империи и людях её населяющих, как об идеально устроенном мире, и англосаксах, как единственном народе, который заботится о справедливом мироустройстве и благоденствии всех людей на Земле. Именно он пытается создать мифы о «добрых колонизаторах», которые со всей силой своего многогранного таланта «расцветивают» в своем творчестве, что наглядно подтверждается в соответствующих параграфах нашего исследования.

Проведённое исследование доказывает, что каждый жанр в разноплановом творчестве Р. Киплинга отражает только ему присущую картину мира и во многом определяется соответствующим этапом его жизни, является важнейшим инструментом и составляющей социального

взаимодействия автора с читателями, предписывает определённые нормы коммуникативного взаимодействия.

Заключение

«Все проиграть и вновь начать сначала...», – эти строчки Джозефа Редьярда Киплинга звучат наказом и завещанием не одному поколению британцев, и не только им. Однако каждая новая эпоха диктует свое прочтение его строк.

В последние годы отмечается особое внимание к изучению проблем, связанных не только просто с речевой деятельностью индивида, но и с личностью говорящего, особенностями его национально-культурного осмысления, отражающихся в системе лингвокультурных характеристик языковой личности.

Проведенное исследование доказывает выдвинутую нами гипотезу о том, что анализ и осмысление элементов лексической, грамматической, прагматической подсистем как маркеров языковой личности масштаба Редьярда Киплинга позволяют выделить категорию знаковой языковой личности, оказывающую особо значимое нормализующее воздействие на развитие языка в своих странах и мировой лингвокультуре.

Многогранность художественного дарования журналиста, прозаика и поэта Редьярда Киплинга, его огромное творческое наследие представляют неограниченные возможности для исследования «вечных» проблем языковой личности, рассмотренных через призму особенностей её индивидуальной картины мира и ставшей основой её лингвокультурной идентичности.

В ходе проведенного исследования нами получены следующие результаты:

- На материале произведений Р. Киплинга языковая личность рассмотрена как результат взаимодействия различных социокультурных факторов, концептуализации важнейших предметов духовной и материальной культуры народа, преобладающих в данный исторический период идейно-политических воззрений, выраженных в языке. Комплексное изучение языковой личности как *результата интеракции социокультурных факторов*, безусловно, предполагает использование системного подхода. В

исследовании показано, что языковая личность является *открытой системой* в том случае, когда мы говорим о личности как о создающем и воспринимающем в языковом процессе (конкретная языковая личность, национальная языковая личность), или *закрытой системой*, если мы имеем дело с завершённым дискурсом, например, творчеством отдельного автора.

- Выявлены и описаны эталонные (нестандартные, элитарные) черты носителя языка, определённого нами как *зна́ковая языковая личность*, дано её определение как уникальной по содержанию и роли, как «классика», «мэтра речи», «арбитра и нормализатора языка», не подменяющее понятия элитарности, а лишь конкретизирующее его, подчеркивающее особую роль выдающихся (*зна́ковых*) мастеров слова в развитии языка в своих странах. Среди факторов культурных, активно способствующих формулированию и продвижению национальной системы ценностей, определяющем является творчество *зна́ковых языковых личностей*, таких как Р. Киплинг.

- Изучены особенности индивидуальной картины мира языковой личности Р. Киплинга. В работе отражено, что любая *индивидуальная картина мира (как и языковая личность)* является в своем роде *единственной и неповторимой* – её возникновение происходит в результате интеракции индивида и окружающего его мира. И в этих условиях индивид не является чем-то изолированным, так как он живет в условиях своего времени и культурного окружения и, даже, имея определенные отличия от других себе подобных, он продолжает пребывать в рамках определенной культуры, а значит, его индивидуальная картина мира будет иметь большое количество областей взаимопроникновения с этими другими картинами мира. Анализ текстов, лексиконов, типических характеристик *знаковых языковых личностей* позволяет подойти к проблеме реконструкции *языковых и концептуальных картин мира индивидов и этносов* в целом в определенную эпоху, дает возможность объяснить и понять культуру нации на том или ином временном отрезке, как в нашем случае, языковая личность Р. Киплинга, безусловно, входящая в круг *зна́ковых*, и во многом определявшая картину

мира соотечественников, помогает его читателям лучше понять культуру и язык народов Британской империи.

- Рассмотрены ключевые слова и концепты в творчестве Р. Киплига как важнейшие составляющие в системе формирования образов и целостного текста его произведений, отражающие авторскую «картину мира», в которой мало оттенков и полутонов, так как она универсальна и построена, как сам миф, и оперирует лишь исконными категориям и известными каждому символами (*жизнь – смерть, победа – поражение, сила – слабость, день – ночь, свет – темнота, рай - ад, порядок – хаос, Бог – дьявол, действие – пассивность, знание – неведение, корпорация – одиночество, цивилизация – природа*).

- Исследован эмоциональный эффект произведений Р. Киплинга, который достигается посредством сочетания и взаимодействия многообразных семантико-синтаксических и лингвостилистических экспрессивных средств и приемов: фонетических, лексических, фразеологизированных синтаксических конструкций, особой интонации, порядка слов и других средств выражения чувств и эмоций. При этом материалы исследования подтверждают, что в определенном контексте практически любое нейтральное в языке слово приобретает эмоционально-экспрессивную окрашенность, т. е. дополнительную информацию о говорящем и об объекте речи.

- Определено место политической мифологии в портрете Редьярда Киплинга, выступающее философской и нравственной основой и выстраиваемой на её базе целостной системы архетипов всего творчества изучаемого автора. Обращаясь к истории, Р. Киплинг находит в ней подтверждение собственным мифическим представлениям об Империи и людях её населяющих, как об идеально устроенном мире, и англосаксах, как единственном народе, который заботится о справедливом мироустройстве и благоденствии всех людей на Земле. Его авторская оценка носит субъективный характер и всегда подвержена собственным идеологическим пристрастиям, которые определяют определенную программу поведения

и, благодаря собственному творчеству, становятся образцами для подражания для многочисленной армии почитателей в Британской империи конца XIX века. Согласно системе архетипов Р. Киплинга, принудительные для человека законы выстраиваются в системную иерархию, пронизывающую снизу вверх весь миропорядок – от закона семьи или клана до закона, культуры и универсума.

- Описан и проанализирован на обширном материале оригинальных текстов основной набор жанровых предпочтений в творчестве Р. Киплинга, выбор которых Киплинга в большой степени был детерминирован определенным этапом его собственной биографии и соответствующего эмоционального фона данного жизненного периода.

По мнению некоторых исследователей (например А.И. Хлебниковой), Редьярд Киплинг – один из самых загадочных, самых непрочитанных и не проанализированных западных художников конца XIX – начала XX века. До конца ещё не осмыслены место Р. Киплинга в литературном процессе, природа его художественного сознания, эволюция его художественного метода (Хлебникова 1985).

Наше исследование рассматривает отдельные стороны языковой личности Редьярда Киплинга в рамках заявленной темы на материале тех произведений великого мастера, которые мы считаем наиболее существенными и показательными в исследовании его творчества, и которые, совершенно очевидно, будут жить многие века и не только на языке автора.

В перспективе для нас представляет интерес продолжение изучения лингвокультурных образов и типажей, что, безусловно, является одной из актуальных тем современной лингвокультурологии и лингвоперсонологии.

Список использованной литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 97 с.
2. Аникин, Г.В. «Литература действия». Редьярд Киплинг / Г.В. Аникин, Н.П. Михальская // История английской литературы. – М.: Высшая школа, 1985. – С. 283-288.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры. – М., 1999. – 896 с.
4. Аскольдов, С.А. Концепт и слово // Русская речь. Ред. Щерба Л.В. – Л., 1928. – С. 28-45.
5. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 262-269.
6. Ашев, А.А. Элитарная языковая личность как идеальный носитель культурно-речевой компетенции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ашева Амината Аслановна. – Майкоп, 2013. – 25 с.
7. Бабарыкова, Э.В. Ключевые концепты поэзии И. Анненского: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Бабарыкова Эльвира Валерьевна. – Ярославль, 2007.– 225 с.
8. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Бабушкин Анатолий Павлович. – Воронеж, 1997. – 330 с.
9. Базалук, Е.И. Целостность языковой личности: функционально-прагматический и риторический аспекты (на материале речей президента США Ф.Д. Рузвельта): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Базалук Елена Игоревна. – Краснодар, 2010. – 163 с.
10. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли / пер. с фр. Вентцель Е.В. и Вентцель Т.В. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.

11. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 394 с.
12. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996. – 286 с.
13. Бахтин, М.М. Собр.соч.: в 7 т. Т.5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов / М.М. Бахтин. – М.: Изд-во «Русские словари», 1996. – 732 с.
14. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
15. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
16. Безелянский, Ю. Н. Знаменитые писатели Запада. 55 портретов / Ю.Н. Безелянский. – М., 2011. [Электронный ресурс] URL: http://royallib.ru/book/bezelyanskiy_yuriy/znamenitie_pisateli_zapada_55_portret_ov.html (дата обращения: 04.11.2015).
17. Бетаки, В.П. Редьярд Киплинг и русская поэзия XX века / В.П. Бетаки. – Б.М.: Salamandra P.V.V., 2011. [Электронный ресурс] URL: http://lit.lib.ru/b/betaki_w_p/text_0040-1.shtml (дата обращения: 12.03.2016).
18. Богин, Г.И. Типология понимания текста / Г.И. Богин. – Калинин: КГУ, 1986. – 86 с.
19. Большая советская энциклопедия, БСЭ / гл. ред. О.Ю. Шмидт. [Электронный ресурс] URL: <http://slovari.yandex.ru/> (дата обращения: 03.10.2015).
20. Будагов, Р.А. История слов в истории общества / Р.А. Будагов. – М.: Просвещение, 1971. – 270 с.
21. Будагов, Р.А. Новые слова и значения / Р.А. Будагов // Человек и его язык. – М.: МГУ, 1976. – 283 с.
22. Буряк, Н.Ю. Языковая личность в культуре современного общества / Н.Ю. Буряк // Теория и практика общественного развития. – 2011. – Вып. № 6. – С. 81-84.
23. Буянова, Л.Ю. Поэтический дискурс как метапространство лингвопроекции языковой личности / Л.Ю. Буянова // Природа. Общество.

Человек // Вестник Южно-Российского отделения Международной академии наук высшей школы. – 1998. – № 1. – С. 36-38.

24. Буянова, Л.Ю. Языковая личность как текст: жизнь языка и язык жизни / Л.Ю. Буянова // Языковая личность: экспликация, восприятие и воздействие языка и речи. – Краснодар: КГУ, 1999. – С. 47-73.

25. Вандриес, Ж. Язык: лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. – М.: Гос. соц-экон. изд-во, 1937. – 410 с.

26. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, А.А. Кретов, О.О. Борискина, Е.А. Пименов, М.В. Пименова / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 220 с.

27. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.

28. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.

29. Вилюнас, В.К. Психология эмоциональных явлений / В.К. Вилюнас. – М.: изд-во Моск. Ун-та, 1976. – 142 с.

30. Виноградов, В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

31. Витковский, Е. Империя по имени Редьярд Киплинг. Предисловие к изданию прозы Р. Киплинга. – М.: Рипол Классик, 1998. [Электронный ресурс] URL: <http://noblit.ru/content/view/673/33/> (дата обращения: 02.02.2016).

32. Власть. – 2009. – № 10. – С.49-53. [Электронный ресурс] URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2009/10/Suschnost_i_struktura.pdf (дата обращения: 05.11.2016).

33. Воркачев, С.Г. Концепт как «зонтиковый» термин / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – 2003. – Вып. 24. – С. 5–12.

34. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

35. Воробьев В. Лингвокультурологическое описание (русской и французской личности) / В. Воробьев // Вестник Львовского университета. – 2005. – Вып. 12. – С. 162-170.

36. Гениева, Е.Ю. Киплинг. История всемирной литературы / Е.Ю. Гениева – Т. 8. – М., 1994. – С. 381-383. [Электронный ресурс] URL: <http://www.philology.ru/literature3/genieva-94.htm> (дата обращения: 02.02.2016).

37. Гениева, Е.Ю. Индия, моя Индия... / Е.Ю. Гениева // Киплинг Р. Восток есть Восток: Рассказы, путевые заметки, стихи. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 3-18.

38. Глеб, М. Британская имперская идея во второй половине XIX века: основные направления и динамика развития / М. Глеб // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2003. – № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.evolutio.info/> (дата обращения: 19.08.2015).

39. Глеб, М.В. Британская имперская идея во второй половине XIX века: основные направления и динамика развития / М.В. Глеб. – Минск, 2007. [Электронный ресурс] URL: [http://www.ereading.by/bookreader.php/1032802/Gleb_Imperskaya_ideya_v_Velikobritanii_\(vtoraya_polovina_XIX_v.\).html](http://www.ereading.by/bookreader.php/1032802/Gleb_Imperskaya_ideya_v_Velikobritanii_(vtoraya_polovina_XIX_v.).html) (дата обращения: 27.03.2015).

40. Голосеева, А. А. Р. Киплинг и «имперский миф» в эдвардианские годы / А.А. Голосеева // Новая и новейшая история: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 19. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000.

41. Голосеева, А.А. Р. Киплинг об Индии: конфликт и диалог культур, стереотипы и открытия: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Голосеева Анна Анатольевна – Саратов, 2001. – 191 с.

42. Голуб, И.Б. Стилистика современного русского языка: учеб. пособие / И.Б. Голуб. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/> (дата обращения: 17.04.2015).

43. Гольдин, В.Е. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий / В.Е. Гольдин, О.Н. Дубровская // *Жанры речи*. – № 3. – Саратов: Гос. учебно-научный центр «Колледж», 2002. – С. 5-18.
44. Гольдин, В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В.Е. Гольдин // *Жанры речи*. – № 1. – Саратов: Гос. учебно-научный центр «Колледж», 1997. – С. 23-34.
45. Гришучкова, И.Б. Лингвостилистическая специфика речевого поведения анималистического персонажа: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гришучкова Ирина Борисовна. – Ставрополь, 2011. – 182 с.
46. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
47. Долинин, А.А. Загадки Редьярда Киплинга // Киплинг Р. Избранное: Poems. Short Stories / сост.: Н.Я. Дьяконова, А.А. Долинин; предисл. и коммент. А.А. Долинина. – М.: Радуга, 1983.
48. Долинин, А.А. Редьярд Киплинг / А.А. Долинин // Киплинг Р. Рассказы, стихотворения. – Л.: Художественная литература, 1989. – С. 5-16.
49. Дымшиц, В. Редьярд Киплинг / В. Дымшиц // Киплинг Р. Стихотворения. – СПб.: Северо-Запад, 1994.
50. Ермакова, Л.Р. Языковая личность и способы её манифестации / Л.Р. Ермакова, А.П. Седых. – Белгородский госуниверситет. – Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 18(89). – Выпуск 7. – С. 81-87.
51. Загрязкина, Т.Ю. Pere, Patrimoine, Patrie – изменения концептов versus история слов / Т.Ю. Загрязкина. – Вестник МГУ. – Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 3. – С. 108-117.
52. Залевская, А.А. Текст и его понимание / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.
53. Зиньковская, А.В. Жанровые предпочтения в творчестве Р. Киплинга / А.В. Зиньковская, А.Г. Мануэльян // *Современные тенденции развития науки и технологий*. – Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2016. – № 7-4. – С. 20-24.

54. Зотова, Л.И. «Индийская» новелла и ее своеобразие в системе прозы Р. Киплинга 1880-х гг. / Л.И. Зотова // Молодой ученый. – 2011. – №12. Т.1. – С. 237-244.
55. Зотова, Л.И. Поэтика "малой" прозы Р. Киплинга 1880-х гг. : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Зотова Людмила Ивановна. – Саранск, 2012. – 196 с.
56. Изард, К. Эмоции человека / К. Изард. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 954 с.
57. Кабанов, В.В. Источниковедение советского общества: курс лекций / В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, 1997. – 388 с.
58. Кагарлицкий, Ю. Редьярд Киплинг / Ю. Кагарлицкий // Киплинг Р. Рассказы. Стихи. Сказки. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 3-52.
59. Карасик, В.И. Структура институционального дискурса / В.И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – С. 25-33.
60. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
61. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. 2-е изд. / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
62. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
63. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 363 с.
64. Кассирер, Э. Техника политических мифов / Э. Кассирер // Политология: хрестоматия / сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. – М., 2000. – С. 577-586.
65. Колесник, А.С. Функции номинативных единиц в мифопоэтическом контексте / А.С. Колесник // Филология и культура: материалы III-й Междунар. науч. конф. – Ч. 3. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – С. 37-38.

66. Колесов, В.В. Ментальность и слово. Пути и источники изучения русской ментальности / В.В. Колесов // Отражение русской ментальности в языке и речи: материалы Всероссийской научной конференции (8-9 апреля 2004 года) – Липецк: ЛГПУ, 2004. – С. 10-26.
67. Конрад, Дж. Сердце тьмы. 1902. [Электронный ресурс] URL: <http://e-libra.ru/read/149653-serdce-tmy.html> (дата обращения: 18.05. 2015).
68. Корниенко, Т.А. Сущность и структура политического мифа / Т.А. Корниенко // Власть. – 2009. – № 10. – С. 49-53.
69. Кочеткова, Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) / Т.В. Кочеткова // Вопросы стилистики. Язык и человек. – 1996. – Саратов – Вып. 26. – С. 14-25.
70. Кочеткова, Т.В.. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Кочеткова Татьяна Васильевна – Саратов, 1999. – 534 с.
71. Красных, В.В. Концепт «Я» в свете лингвокультурологии / В.В. Красных // Язык. Сознание. Коммуникация. – 2003. – Вып. 23. – С. 4-14.
72. Крысин, Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1989. – С. 19.
73. Крючкова, Н.В. Концепты возраста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Крючкова Надежда Владимировна. – Саратов, 2003. – 252 с.
74. Крючкова, Н.В. Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов (на материале русского, английского, французского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Крючкова Надежда Владимировна. – Саратов, 2009. – 558 с.
75. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
76. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова, Б.А. Серебренников, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.

77. Куприн, А. Редиард Киплинг / А. Куприн // Собр. соч.: в 9 т. – Т. 9. – М.: Правда, 1964. – С. 478-483.
78. Курий, С. Не просто сказки Редьярда Киплинга / С. Курий // "Время Z". – 2008. – № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://ytime.com.ua/ru/26/425/1> (дата обращения: 12.01. 2016).
79. Ливергант, А.Я. Киплинг / А.Я. Ливергант. – М.: Молодая гвардия, 2011. [Электронный ресурс] URL: http://booksafe.net/book/livergant_aleksandr-kipling_243809.html (дата обращения: 29.03.2016).
80. Левенталь, В. Книга на бильярдном столе истории / В. Левенталь // Послесловие к русскому изданию «Stalky & Co.». Р. Киплинг. "Сталки и компания". – М.: Лимбус Пресс, Издательство К. Тублина, 2008. – 304 с.
81. Лейбниц, Г.В. О словах: пер. с фр. / Г.В. Лейбниц. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 96 с.
82. Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: тезисы докладов и сообщений международной научной конференции – 12-14 мая 1995 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 160 с.
83. Леонтьев, А.А. Психология общения: учеб. пособие / А.А. Леонтьев. –5-е изд. – М.: Смысл; ИЦ «Академия», 2008. – 368 с.
84. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 281-287.
85. Лосев, О.А. Социокультурные факторы развития языкового общения на рубеже XXI века / О.А. Лосев, И.А. Новикова // Философия и общество. – № 1. – Волгоград: Изд-во «Учитель», 2008. – С. 57-66.
86. Ма, Т.Ю. Американская языковая личность в культурно-историческом пространстве США XX века (опыт прототипического подхода): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Ма Татьяна Юрьевна. – М., 2012. – 420 с.
87. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 252 с.

88. Мануйлова, О.А. Экспрессивно-семантическая структура русской народной частушки как жанра художественной речи и лексические средства ее формирования: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мануйлова Оксана Анатольевна. – Армавир, 2006. – 188 с.

89. Мануэльян, А.Г. Некоторые особенности языковой картины мира языковой личности Редьярда Киплинга / А.Г. Мануэльян // Культурная жизнь Юга России. – 2015. – № 2 (57). – С. 101-106.

90. Мануэльян, А.Г. Политический миф в творчестве Редьярда Киплинга / А.Г. Мануэльян // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. ф-та РГФ КубГУ. Книга 8. – Краснодар: Просвещение - Юг, 2016. – С. 60-65.

91. Мануэльян, А.Г. Языковая личность как результат взаимодействия социокультурных факторов / А.Г. Мануэльян // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – №1 (172). – С. 45-51.

92. Мардынский, И.П. Редьярд Киплинг-публицист: историко-журналистские и жанрово-тематические аспекты интегративной характеристики : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Мардынский Иван Павлович – Краснодар, 2012.- 177 с.

93. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

94. Мединский, В.Р. Мифы о России. В 3-х томах / В.Р. Мединский. – М.: Олма Медиа Групп, 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://blackwarez.ru/books/11920-mify-o-rossii-v-3-tomax.html> (дата обращения: 12.01.2016).

95. Мерзлякова, И.С. Лингвокультурные концепты и их роль в формировании национального характера (на материалах Франции) дис. ... канд. филол. наук: 24.00.01 / Мерзлякова Ирина Станиславовна. – Улан-Удэ, 2010. – 179 с.

96. Нелюбин, Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка: учеб. пособие / Л.Л. Нелюбин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта, 2007. – 128 с.

97. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. – М.: МГЛУ, 1996. – С. 112-116.

98. Николаевская, А. Вступительная статья. Р. Киплинг. Немного о себе / А. Николаевская. – Серия: Мой 20 век. – М.: Вагриус, 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://profilib.com/chtenie/114827/redyard-kipling-nemnogo-o-sebe.php> (дата обращения: 12.04.2016).

99. Оношкович-Яцына, А. Век перевода / А. Оношкович-Яцына [Электронный ресурс] URL: <http://www.vekperevoda.com/1887/onosh.htm> (дата обращения: 15.09.2016).

100. Орлова, Н.Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект (на материале современной английской прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Орлова Наталья Николаевна. – Ростов н/Д., 2009. – 26 с.

101. Островская, И.В. Эмоциональные концепты в русской и английской лингвокультурах (когнитивный и гендерный аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Островская Ирина Викторовна. – Краснодар, 2006. – 195 с.

102. Островская, Т.А. Дискурс элиты: когнитивный, прагматический и семиотический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Островская Татьяна Александровна. – Майкоп, 2016. – 376 с.

103. Паустовский, К.Г. Послесловие к сборнику «Мохнатый шмель» / К.Г. Паустовский // Киплинг. Р. «Мохнатый шмель». – М.: Эксмо, 2005. – С. 336-340.

104. Паустовский, К. Г. Творчество Редьярда Киплинга / К.Г. Паустовский // Рассказы о Бабеле. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus-Babel/2.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

105. Перемышлев, Е. «Каменщик был и Король я...» / Е. Перемышлев // Киплинг Р. Книга Джунглей; Стихотворения и баллады. – М.: АСТ: Олимп, 2001. – С. 5-23.

106. Петелина, Ю.Н. Концепт "торг" в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Петелина Юлия Николаевна. – Астрахань, 2004. – 213 с.

107. Петренко, В.Ф. Личность человека – основа его картины мира / В.Ф. Петренко // Модели мира / отв. ред. Д.А. Пospelов. – М.: Российская ассоц. искусств. интел. Мосева, 1997. – С. 9-24.

108. Плаггенборг, Шт. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Шт. Плаггенборг / пер. с нем. И. Карташевой. – Спб.: Журнал «Нева», 2000. – 416 с.

109. Плещенко, Т.П. Стилистика и культура речи: учебное пособие для студентов вузов / Т.П. Плещенко, Н.В. Федотова, Р.Г. Четет. – Минск: ТетраСИстемс, 2001. [Электронный ресурс] URL:http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/kultura_rehti/default.aspx (дата обращения: 12.04.2016).

110. Поливанов, Е.Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники / Е.Д. Поливанов // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 99-112.

111. Политичекая наука: словарь-справочник / авт. и сост. Санжаревский И.И. – 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/> (дата обращения: 06.10.2016).

112. Полубиченко, Л.В. Филологическая топология: теория и практика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Полубиченко Лидия Валериановна. – М., 1991. – 576 с.

113. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 189 с.

114. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 30 с.

115. Потураева, Л.В. Опыт анализа английской лексики по методу "слов-ключей" ("слова-ключи" английского романтизма): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Потураева Людмила Валентиновна. – Киев, 1979. – 20 с.
116. Пугина Е.Ю. Индийские реалии в англоязычном художественном тексте и проблема их передачи на русский язык: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Пугина Елена Юниоровна. – Москва, 2005. – 169 с.
117. Пшенина, Т.Е. Дискурсное описание языковой личности Катулла: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Пшенина Татьяна Евгеньевна. – Алматы, 2000. – 31 с.
118. Рожков, В.В. Метафорическая художественная картина мира А. и Б. Стругацких (на материале романа «Трудно быть богом»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рожков Виталий Валерьевич. – Новосибирск, 2007. – 228 с.
119. Романчук, Л.М. Ключевые слова и образы в поэзии Киплинга. [Электронный ресурс] URL: <http://www.romch.org/1/Kipling.htm> (дата обращения: 16.06.2016).
120. Рубинштейн, С.Л. Эмоции / С.Л. Рубинштейн // Психология эмоций. – М., 1993.
121. Рюмкова, О.Г. Политический миф: теоретические основания и современная политическая практика : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Рюмкова Оксана Геннадьевна. – М., 2004. – 152 с.
122. Самарин, Р. Вступительная статья / Р. Самарин // Редьярд Киплинг. Свет погас: Роман; Отважные мореплаватели: Приключенческая повесть; Рассказы. [Электронный ресурс] URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/samarin-redyard-kipling.htm> (дата обращения: 10.02.2016).
123. Сахарный, Л.В. Человек и текст: две грамматики текста / Л.В. Сахарный // Человек – Текст – Культура / под редакцией Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 7-59.

124. Седых, А.П. Этнокультурные характеристики языковой личности: на материале французской языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Седых Аркадий Петрович. – Белгород, 2005. – 418 с.
125. Седых, А.П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов) / А.П. Седых. – М.: Компания Спутник+, 2004. – 269 с.
126. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 2002. – 656 с.
127. Сеше, А. Очерк логической структуры предложения / А. Сеше / пер. с франц. Мурат В.П. – М.: УРСС, 2003. – 222 с.
128. Сильман, Т.И. Проблемы синтаксической стилистики: на материале немецкой прозы / Т.И. Сильман. – Ленинград: Просвещение, 1967. – 152 с.
129. Симонов, А.В. Британская имперская идентичность в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Симонов Андрей Викторович. – М., 2016. – 189 с.
130. Сиротинина, О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне / О.Б. Сиротинина // Активные языковые процессы конца XX века: тезисы докл. международной конф. IV Шмелевские чтения. – М., 2000.
131. Слободнюк, Е.С. Художественная действительность «Книг джунглей» Р.Киплинга: двоемирие и мифология закона: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Слободнюк Елена Сергеевна – Нижний, 2014. – 202 с.
132. Словарь лингвистических терминов: изд. 5-е, испр. и дополн. / ред.-сост. Т.В. Жеребило. – Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. – 486 с.
133. Слышкин, Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 38-45.
134. Смирницкая, О. Примечания / О. Смирницкая // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / пер. с древнеанглийского В. Тихомирова. – Т. 9. – М.: Издательство «Художественная литература»,

1975. [Электронный ресурс] URL: <http://www.podelise.ru/docs/index-25418813-1.html> (дата обращения: 15.03.2016).

135. Смирнов, В.В. Жанры радиожурналистики / В.В. Смирнов. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 288 с.

136. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1976. – 153 с.

137. Снитко, Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах: монография / Т.Н. Снитко – Пятигорск: Пятиг. Гос. лингв. ун-т, 1999. - 158 с.

138. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика. (Сложное синтаксическое целое): учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Г.Я. Солганик. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1991. – 181 с.

139. Соссюр, Ф. Заметки по общей лингвистике / Ф. Соссюр / пер. с фр.; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. – М.: Изд. группа «Прогресс». – М., 2000. – 280 с.

140. Социология: энциклопедия / сост: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – М.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

141. Старцев, А. Американская новелла XIX века и социальные мотивы в литературе США / А. Старцев // От Уитмена до Хемингуэя. – М.: Советский писатель, 1972. – С. 172–173.

142. Степанов, Ю.С. Константы / Ю.С. Степанов // Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа русской культуры, 1997. – С. 76-79.

143. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – С. 47.

144. Сурганова, Т.В. Типология поэзии и прозы Редьярда Киплинга: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сурганова Татьяна Всеволодовна. – Москва, 2010. – 279 с.

145. Сухова, О.А. Десять мифов крестьянского сознания / О.А. Сухова – М.: РОССПЭН, 2008. – 679 с.
146. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-203.
147. Теория литературы. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении) / ред. Ю.Б. Борев. – Т. 3. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 592 с.
148. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
149. Торсуева, И.Г. Интонация и картина мира художественного текста / И.Г. Торсуева // Текст как отображение картины мира / Сб. науч. трудов. – Вып. 341. – М.: МГИИЯ, 1989. – С. 5-11.
150. Тхорик, В.И. Ключевые слова и концепты как важнейшее средство формирования образов и целостного текста в творчестве Р. Киплинга / В.И. Тхорик, А.Г. Мануэльян // *Tributum Ad Jubileum*. Юбилейный сб. науч. тр. ф-та РГФ КубГУ. Книга 2. – Краснодар: Просвещение - Юг, 2014. – С. 165-177.
151. Тхорик, В.И. Область компетенции языковой личности: / В. И. Тхорик, Н.Ю. Фанян // Языковая личность: экспликация, восприятие и воздействие языка и речи. – Краснодар: КубГУ, 1999. – С. 31-47.
152. Тхорик, В.И. Языковая личность (лингвокультурологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Тхорик Владимир Ильич. – Краснодар, 2000. – 305с.
153. Тхорик, В.И. Эмоциональный эффект как результат взаимодействия семантико-синтаксических и лингвостилистических экспрессивных средств и приемов (на материале творчества Р. Киплинга) / В.И. Тхорик, А.Г. Мануэльян // Филология как фундамент гуманитарного знания: сб. науч. тр. ф-та РГФ КубГУ. – Краснодар: Просвещение - Юг, 2013. – С. 243-253.

154. Тынянов, Ю.Н. Проблема стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов. – М.: КомКнига, 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.philologicalbook.ru/uchebnaya-literatura/tynyanov-yun-problema-stihotvornogo-yazyka.html> (дата обращения: 12.04.2016).

155. Урнов, М.В. Вступительная статья / М.В. Урнов // Киплинг Р. «От моря до моря» / пер. с англ. В.Н. Кондракова. М.: Мысль, 1983. – 240 с. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/KIPLING/sea.txt> (дата обращения: 25.01.2015).

156. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1988. – С. 108-140.

157. Фомина, З.Е. Релевантные признаки эмоционально-оценочной лексики как самостоятельного класса слов в лексической системе языка / З.Е. Фомина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1. Гуманит. Науки. – 1996. – № 2. – С. 18-31.

158. Халяпина, Л.П. Характеристика языковой личности как субъекта коммуникации / Л.П. Халяпина // Мир в языке. Серия «Этногерменевтика и этнориторика» / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Вып. 11. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 438-450.

159. Хачмафова, З.Р. Женская языковая личность в художественном тексте: когнитивно-функциональный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского и немецкого языков): монография / З.Р. Хачмафова. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – 282 с.

160. Хлебникова, А.И. Художественный мир «Книга джунглей» и «Сказок просто так» Р. Киплинга: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / Хлебникова Анна Ивановна. – Ленинград, 1985. – 251 с.

161. Хрусталева, А.С. Роль фразеологических единиц в поэтическом тексте: на материале произведений Р. Киплинга и У.Б. Йетса : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Хрусталева Алексей Сергеевич. – М., 1999. – 188 с.

[Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-frazeologicheskikh-edinits-v-poeticheskom-tekste-na-materiale-proizvedenii-r-kiplinga-i-#ixzz3J1wNf6so> (дата обращения: 08.03.2016).

162. Цивьян, Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1990. – 210 с.

163. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

164. Шаховский, В.И. Нацио- и социокультурные аспекты языковой личности / В.И. Шаховский // Общество, язык и личность: материалы Всерос. науч. конф. г. Пенза, 23-26 окт. 1996 г. – Вып. 1. – М.: Изд-во ПГПУ, 1996. – С. 29-30.

165. Шаховский, В.И. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности / В.И. Шаховский, В.В. Жура // Вопросы языкознания. – 2002. – № 5. – С. 38-56.

166. Шестак, Л.А. Русская языковая личность (коды образной вербализации тезауруса): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Шестак Лариса Анатольевна. – Волгоград, 2003. – 311 с.

167. Шойсоронова, Е.С. Языковая личность: этнический аспект: на материале бурятской языковой личности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шойсоронова Елена Степановна. – Улан-Уде, 2006. – 190 с.

168. Элиот, Т.С. Избранное. Религия, культура, литература. Т. I-II / Т.С. Элиот / пер. с англ. под ред. А.Н. Дорошевича. – М.: РОСПЭН, 2004. – 752 с. [Электронный ресурс] URL: <http://predanie.ru/lib/book/128965/> (дата обращения: 12.04.2016).

169. Энциклопедия «Русский язык» / под ред. Ю.Н. Караулова. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – 703 с.

170. Эфроимсон, В.П. Генетика этики и эстетики / В.П. Эфроимсон. – М.: Тайдекс Ко, 2004. – 303 с. [Электронный ресурс] URL: http://philosophy-books.biz/trudyi_filosofia/genetika-etiki-estetiki.html (дата обращения: 11.08.2016).

171. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
172. Brown, H. Rudyard Kipling. A New Appreciation. With the foreword by Frank Swinnerton / H. Brown. – London, 1946. – 237 p.
173. Churchill, W.S. The River War / W.S. Churchill. – London: Thomas Nelson & Sons, 1899. – P. 27.
174. Coseriu, E. Teoria del lenguaje y linguistica general / E. Coseriu. – Madrid: Gredos, 1973. – 323 p.
175. Danes, F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field / F. Danes // Preprints of the Plenary Session Papers. XIV-th International 147. Congress of linguists organized under the auspices of CIPL. Berlin, 10 -15 August 1987. – Berlin, 1987. – P. 272-291.
176. Eliot, T.S. Kipling Redivivus / T.S. Eliot // Athenaeum. – 1919. – 9 May. – № 4645. – P. 297 – 298.
177. Febvre, L. Honneur et Patrie / L. Febvre. – Paris, 1996. – P. 54.
178. Gray, W. Emotional-cognitive structuring: A new theory of mind / W. Gray // Forum for correspondence and contact. – 1973. – Vol. 5. – P. 1-6.
179. Hodge, C.C. Encyclopedia of the Age of Imperialism, 1800-1914 / C.C. Hodge. – Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 2008. – Vol. 2. – 512 p.
180. Lahey, B.B. Psychology. An Introduction. Seventh Edition / B.B. Lahey. – University of Chicago. Mc Grau-Hill, New York, 2001. – 352 p.
181. Matorê, G. La méthode en lexicologie / G. Matorê. – Paris, 1973. – 213 p.
182. Ortony, A., Clore G. L., Collins A. The Cognitive Structure of Emotions / A. Ortony, G. L. Clore, A. Collins. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 193 p.
183. Sherer, K.R. Vocal affect expression: A review and a model for future research / K.R. Sherer // Psychol. Bull. 1986. – Vol 99 (2). – P. 143-165.

184. Wilson, A. *The Strange Ride of Rudyard Kipling: His Life and Work*/
A. Wilson. – New York: The Viking Press, 1978. – 370 p.

Список источников материала

1. Киплинг, Р. Ворота ста печалей / Р. Киплинг. [Электронный ресурс] URL: http://www.libok.net/writer/958/kniga/50769/kipling_redyard_djozef/vorota_sta_p_echaley/read (дата обращения: 02.02.2016).
2. Киплинг, Р. Восток есть Восток. Рассказы. Путевые заметки. Стихи / Р. Киплинг. – М.: Художественная литература, 1991. – 462 с.
3. Киплинг, Р. Баллада о Востоке и Западе / Р. Киплинг // Рассказы; Стихотворения: пер. с англ. – Л.: Художественная литература, 1989. – 368 с.
4. Киплинг, Р. Бремя Белого Человека / Р. Киплинг. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.me/books/bremya-belogo-cheloveka-original-i-raznye-perevody-read-430921-2.html> (дата обращения: 23.12.2015).
5. Киплинг, Р. Избранные стихи из всех книг / Р. Киплинг. [Электронный ресурс] URL: http://royallib.ru/read/kipling_redyard/izbrannie_stihi_iz_vseh_knig.html#0 (дата обращения: 12.01. 2016).
6. Киплинг, Р. Кое-что о себе самом (Автобиография) / Киплинг Р. // Заветные острова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 261-371.
7. Киплинг, Р. Наулака: История о Западе и Востоке / Р. Киплинг. [Электронный ресурс] URL: http://bookz.ru/authors/kipling-red_ard/naulaka_442/1-naulaka_442.html (дата обращения: 16.03.2016).
8. Киплинг Р. Немного о себе / Р. Киплинг. [Электронный ресурс] URL: <http://profilib.com/chtenie/114827/rodyard-kipling-nemnogo-o-sebe-2.php> (дата обращения: 16.03.2016).
9. Киплинг, Р. Избранное / Р. Киплинг. – Л.: Художественная литература, 1980. – 535 с.
10. Киплинг, Р. Избранное: Рассказы, сказки, легенды / Р. Киплинг; пер. с англ. А.А. Энквиста и Е.М. Чистяковой-Вэр. – М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2000. – 624 с.

11. Киплинг, Р. Казарменные баллады и другие стихи / Р. Киплинг. [Электронный ресурс] URL: http://lit.lib.ru/b/betaki_w_p/text_0040-1.shtml (дата обращения: 07.12.2016).
12. Киплинг, Р. Ким / Р. Киплинг / пер. М. Клягиной-Кондратьевой. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/KIPLING/kim.txt> (дата обращения: 12.12.2016).
13. Киплинг, Р. Книга джунглей / Р. Киплинг / пер. Е.М. Чистяковой-Вэр // Собрание сочинений в 6 т. – Т. 3. – М.: Терра, 1996. – С. 5-144.
14. Киплинг, Р. Лиспет. Рассказы / Р. Киплинг. – Л.: «Художественная литература», 1968. – 488 с.
15. Киплинг, Р. Немного о себе для моих друзей – знакомых и незнакомых / Р. Киплинг; пер. с англ. Д. Вознякевич // Немного о себе. – М.: Вагриус, 2003. – 413 с. [Электронный ресурс] URL: <http://profilib.com/chtenie/114827/redyard-kipling-nemnogo-o-sebe.php> (дата обращения: 15.04.2016).
16. Киплинг, Р. От моря до моря: пер. с англ. / Р. Киплинг. – М.: Изд-во «Мысль», 1983. – 240 с.
17. Киплинг, Р. Пак с волшебных холмов / Р. Киплинг. [Электронный ресурс] URL: <http://www.planetaskazok.ru/kiplingr/paksvolshebnykhkhholmovkipling> (дата обращения: 05.03.2016).
18. Киплинг, Р. Сказки / Р. Киплинг; пер. с англ. К. Чуковского и Р. Померанцевой. – М.: Махаон, 2015. – 196 с.
19. Киплинг, Р. Сказки Старой Англии / Р. Киплинг. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/KIPLING/skazki.txt> (дата обращения: 10.03.2016).
20. Киплинг, Р. Стихотворения / вступ. ст. А. Зверева. – М.: Книга, 1990. – С. 5-51.
21. Киплинг Р. Три солдата / Р. Киплинг; пер. с англ. Е.М. Чистяковой-Вэр // Собрание сочинений в 6 т. – Т. 5. – М.: Терра, 1996. – С. 137-240.

22. Киплинг, Р. С часовыми / Р. Киплинг; пер. с англ. Е.М. Чистяковой-Вэр // Три солдата: рассказы. – Собрание сочинений в 6 т. – Т. 1. – М.: Книжный Клуб «Книговек», 2012. – С. 422-441.
23. Киплинг, Р. Отважные мореплаватели / Р. Киплинг / пер. с англ. Е. М. Чистяковой-Вэр // Собрание сочинений в 6 т. – Т. 2. – М.: Терра, 1996. – С. 5-132.
24. Киплинг, Р. Три солдата / Р. Киплинг. [Электронный ресурс] URL:http://knigolubu.ru/russian_classic/kipling_dr/tri_soldata.7129 (дата обращения: 03.04.2016).
25. An Anthology of English and American Verse. Progress publishers. – Moscow: Прогресс, 1972. – 720 p.
26. Kipling, R. From Sea to Sea and Other Sketches. Letters of Travel / R. Kipling. – Garden City New York Doubleday, Page & Company, 1913. [Электронный ресурс] URL: <http://www.loyalbooks.com/book/From-Sea-to-Sea-by-Rudyard-Kipling> (дата обращения: 03.03.2016).
27. Kipling, R. Kim / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL:<http://www.gutenberg.org/files/2226/2226-h/2226-h.htm#chap07> (дата обращения 18.03.2016).
28. Kipling, R. Puck of Pook's Hill / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: <https://liteka.ru/library/read/1683/1> (дата обращения: 12.04.2016).
29. Kipling, R. Stalky & Co / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/stalky/index.html> (дата обращения: 15.04.2016).
30. Kipling, R. The Song of the Dead / R. Kipling [Электронный ресурс] URL:http://www.poetryloverspage.com/poets/kipling/song_of_dead.html (дата обращения: 10.04.2016).
31. Kipling, R. The White Man's Burden: The United States & The Philippine Islands / R. Kipling // Rudyard Kipling's Verse: Definitive Edition. – Garden City, New York: Doubleday, 1929.[Электронный ресурс] URL: <http://historymatters.gmu.edu/d/5478/> (дата обращения: 24. 06.2016)

32. Kipling, R. Boots (Infantry Columns) / R.Kipling // Poems, Short Stories. – М.: «Raduga», 1983. – 458 p.
33. Kipling, R. Danny Deever. Barrack-Room Ballads and Other Verse / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: http://thelib.ru/books/kipling_redyard/gunga_din_and_other_favorite_poems-read.html (дата обращения: 06.04.2016).
34. Kipling, R. The Jungle Book / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: http://www.study.ru/books/kipling_rudyard/12942.html (дата обращения: 03.04.2016).
35. Kipling, R. General Summary. Departmental Ditties and Other Verses / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/ditties/> (дата обращения: 03.04.2016).
36. Kipling, R. IF / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: http://www.kipling.org.uk/poems_IF.htm (дата обращения: 04.05.2016).
37. Kipling, R. Just So Stories / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: <http://www.boop.org/jan/justso/justso.txt> (дата обращения: 16.04.2016).
38. Kipling, R. Kaa's hunting / R.Kipling. The Jungle Book. London: Penguin books, 1994. – P.31-54.
39. Kipling, R. Kim. 1901 / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: http://www.libtxt.ru/chitat/kipling_redyard/5099-Kim/1.html (дата обращения: 16.03.2016).
40. Kipling, R. Mother o' Mine.1922 / R. Kipling [Электронный ресурс] URL: http://www.poetryloverspage.com/poets/kipling/mother_o_mine.html (дата обращения: 12.05.2016).
41. Kipling, R. The Naulahka – A story of West and East / R.Kipling [Электронный ресурс] URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/naulahka/> (дата обращения: 14.04.2016).

42. Kipling, R. Soldiers Three. With the Main Guard / R.Kipling. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gutenberg.org/files/6120/6120-h/6120-h.htm> (дата обращения: 01.03.2016).

43. Kipling, R. Private Learoyd's Story. Soldiers Three / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: <http://www.freeclassicebooks.com/Rudyard%20Kipling/Soldiers%20Three.pdf> (дата обращения: 12.06.2016).

44. Kipling, R. Something of Myself, for my friends known and unknown. 1937 / R.Kipling. [Электронный ресурс] URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/something/> (дата обращения: 14.05.2016).

45. Kipling, R. South Africa / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: http://www.poetryloverspage.com/poets/kipling/south_africa.html (дата обращения: 11.07.2016).

46. Kipling, R. The Cat that Walked by Himself / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: http://www.kipling.org.uk/rg_catwalked1.htm (дата обращения: 22.01.2016).

47. Kipling, R. The English Flag. Barrack-Room Ballads and Other Verses / R.Kipling [Электронный ресурс] URL: http://en.wikisource.org/wiki/The_English_Flag (дата обращения: 04.05.2016).

48. Kipling, R. The Light That Failed / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: <http://classiclit.about.com/library/bl-etexts/rkipling/bl-rkip-light-1.htm> (дата обращения: 03.03.2016).

49. Kipling, R. The Phantom Rickshaw and Other Eerie Tales / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: <http://ghost.new-age-spirituality.com/rickshaw/rickshaw> (дата обращения: 18.02.2016)

50. Kipling, R. The Gate of the Hundred Sorrows / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: http://www.libok.net/writer/958/kniga/50769/kipling_reduyard_djozef/vorota_sta_p_echaley/read (дата обращения: 27.05.2016).

51. Kipling, R. Lispeth / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/plain/chapter1.html> (дата обращения: 04.12.2015).

52. Kipling, R. Soldiers Three / R.Kipling [Электронный ресурс]URL:<http://www.telelib.com/authors/K/KiplingRudyard/prose/SoldiersThree/machine.html> (дата обращения: 04.05.2016).

53. Kipling, R. The Prayer of Miriam Cohen / R. Kipling. [Электронный ресурс] URL: <http://www.poemhunter.com/rudyard-kipling/poems> (дата обращения: 12.11.2015).